зарубежная социальная психология XX столетия

Г.М.АНДРЕЕВА,
Н.Н.БОГОМОЛОВА,
Л.А.ПЕТРОВСКАЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Допущено Министерством образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Психология»

Москва
2001

УДК 316.6
ББК 88.5
А32

Рецензенты:

Кафедра социальной психологии
факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова

Доктор психологических наук,
профессор, член-корреспондент РАО
А. А. Деркач

Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А.
А32 Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы: Учебное пособие для вузов. — М.: Аспект Пресс, 2001. — 288 с.
ISBN 5–7567–0138–9

В книге дается критический анализ общего состояния современной социально-психологической теории на Западе, ее основных направлений (необихевиористского, когнитивистского, психоаналитического и интеракционистского); раскрываются причины и конкретные проявления кризиса, переживаемого в настоящее время западной социальной психологией, анализируется развитие критических тенденций американских и европейских социальных психологов.

Книга предназначена для студентов-психологов высших учебных заведений.

УДК 316.6
ББК 88.5

ISBN 5–7567–0138–9

ПРЕДИСЛОВИЕ
ко второму изданию

Первое издание данной книги вышло в 1978 г. (*Г. М. Андреева, Н. Н. Богомолова, Л. А. Петровская* «Социальная психология на Западе»). Если учесть, что в то время «издательский путь» был весьма длинным, то станет ясно, что рукопись была практически завершена к 1976 г., т.е. прошло 25 лет с тех пор, как впервые в отечественной литературе был предложен систематический анализ развития мировой социальной психологии на протяжении трех четвертей XX столетия. Книга стала учебным пособием для многих поколений социальных психологов. У авторов нет амбиций, что их работа была совершенной, но, как отмечалось в многочисленных рецензиях, ее главное достоинство заключалось в том, что «она была первой».

Молодая советская социальная психология, второе рождение которой, как известно, датируется концом 50-х — началом 60-х годов, развивалась, несмотря на «оттепель» 60-х, в достаточно жестких идеологических рамках и вместе с тем остро нуждалась в элементарной информации о том, что же происходит в этой дисциплине в других странах мира. Нам кажется, что мы отразили всю совокупность этих проблем в предисловии к первому изданию книги, которое мы умышленно сохраняем практически без изменений.

Но прошло 25 лет, и, естественно, встает вопрос о том, необходимо ли сегодня переиздание книги. Не скроем, что ответ на него авторы искали долго и достаточно мучительно. Главные аргументы ***против*** сводились к следующему. *Во-первых,* на основании приводимого в книге материала вряд ли сегодня уместно говорить о *современной* социальной психологии на Западе, когда за последнюю четверть века облик этой дисциплины если не радикально, то во всяком случае существенно изменился. *Во-вторых,* в отечественной литературе за прошедшее время появился целый ряд аналогичных работ, в которых порою значительно более подробно анализировался тот же самый материал[1]. *В-третьих,* за прошедшие годы был сделан огромный шаг в деле переводов на русский язык и издания многочисленных работ зарубежных авторов, и читатель полу-

---

[1] См.: *Шихирев П. Н.* Современная социальная психология в США. М., 1979; *Он же.* Современная социальная психология в Западной Европе. М., 1985; *Он же.* Современная социальная психология. М., 1999, и др.

чил доступ к «первоисточникам», которые рассматривались в нашей работе[2]. Кроме монографий появилось множество переведенных статей, аналитических обзоров, иногда с великолепными комментариями (особо следует отметить хрестоматию «Социальная психология: саморефлексия маргинальности» (М., 1995) с глубокой и тонкой вступительной статьей Е. В. Якимовой). И наконец, *в-четвертых*, существенные изменения произошли и в самой отечественной социальной психологии. С одной стороны, она превратилась в достаточно разветвленную научную дисциплину, в значительной мере использующую позитивный опыт западных исследователей, с другой — изменения, происшедшие в российском обществе за последние 10, а может быть, и за 15 лет не могли не сказаться на общей атмосфере развития общественных дисциплин, в том числе и социальной психологии. Уменьшение идеологического пресса проявилось и в том, что исчезла суровая необходимость цитирования по каждому поводу работ классиков марксизма-ленинизма и обязательного «разоблачения» идей западных авторов и появилась возможность спокойного сопоставления взглядов, сложившихся в истории марксистской и немарксистской традиций.

Однако наряду с этими соображениями возникли и аргументы ***за*** переиздание книги. *Во-первых*, для того чтобы стать квалифицированным специалистом, каждый студент во время обучения обязан узнать историю своей дисциплины. Первая половина XX столетия (а преимущественно именно этот материал содержался в издании 1978 г.) — важный этап в развитии мировой социальной психологии, и систематический анализ этого периода, по-видимому, по-прежнему важен в социально-психологическом образовании. *Во-вторых*, в книге был сделан акцент на характеристике *теоретических ориентаций* в социальной психологии, сложившихся в первой половине столетия. Именно в этой сфере, в области социально-психологической *теории*, следует искать ключ к тем изменениям, которые позже произошли в «теле» науки. (Заметим, что предмет до сих пор преподается на многих психологических факультетах и отделениях и тираж первого издания — 11 270 экземпляров — давно стал библиографической редкостью.) *В-третьих*, — и это ответ аналогичным работам, появившимся позже, — мы проводим в книге определенную **авторскую** позицию, которая зачастую отличается от того видения западной социальной психо-

---

[2] См., например: *Майерс Д.* Социальная психология. СПб., 1997; *Аронсон Э.* Общественное животное. М., 1998; *Росс Л., Нисбет Р.* Человек и ситуация. М., 2000, и др.

логии, которое характеризует других исследователей; подобный плюрализм следует рассматривать не как конъюнктурное требование, а как норму в развитии любого научного знания, просто возрожденную в условиях нового социального контекста. *В-четвертых,* переведены отнюдь не все работы, ставшие классическими в западной социальной психологии первой половины XX столетия, но читатель должен где-то получать сведения и об оставшихся «за бортом» исследованиях, тем более в систематизированном виде. (Несмотря на впечатляющий рост знаний иностранных языков среди специалистов и даже учитывая открывшиеся возможности в связи с распространением Интернета, такой систематический анализ вряд ли доступен каждому студенту.)

Итак, счет оказался 4:4, и окончательный перевес в пользу решения переиздать книгу был обусловлен мнениями и пожеланиями многих наших коллег. Мы решаемся на этот непростой для нас шаг, принимая во внимание и многочисленные критические отзывы, полученные от наших студентов, на протяжении более чем 25 лет слушающих и «сдающих» этот спецкурс.

Основные направления изменений касаются следующего. Мы достаточно часто отсылаем читателя как к оригинальным работам, вышедшим на русском языке, так и к более поздним аналитическим обзорам; при изложении той или иной теоретической ориентации мы учитываем ее дальнейшую «судьбу» и делаем необходимые дополнения. Мера этих дополнений различна для разных ориентаций, что обусловлено реальной ситуацией развития каждой из них (читатель легко увидит это, в частности, на примере анализа когнитивистской ориентации); мы «облегчаем» идеологические экскурсы, отнюдь не отказываясь от каких бы то ни было апелляций к марксистской методологии, но отбрасывая кажущиеся сегодня наивными обязательные «противопоставления» по каждому поводу отечественной и западной социальной психологии. Кроме того, мы просто **дописываем** последнюю главу книги, ибо именно развитие критических тенденций, зародившихся в середине столетия, привело к совершенно новым подходам в социальной психологии на рубеже веков как в США, так и в Европе.

Надеемся, что книга, которую теперь уместно назвать «Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы», будет полезна не только нашим слушателям, но и молодым коллегам, которым мы передаем эстафету в обучении новых поколений социальных психологов.

Авторы

ПРЕДИСЛОВИЕ
к первому изданию

Настоящая работа написана на основе спецкурса, прочитанного на факультете психологии МГУ в 1973—1976 гг. Этот спецкурс предназначался для студентов, специализирующихся по социальной психологии, поскольку предполагалось, что в подготовку социального психолога в качестве ее составного элемента должно входить и безусловное знание той ситуации, которая существует в науке не только у нас в стране, но и за рубежом. Это тем более важно для сравнительно молодой области знания, где подчас еще только формируется представление о собственном предмете, о средствах анализа, об основных направлениях исследования. Кроме того, сложный статус социальной психологии в системе научного знания, ее двойственный характер — с одной стороны, близость ее к чисто экспериментальной традиции, сложившейся внутри психологии, а с другой стороны, принадлежность ее к области обществоведения — делают особенно важным вопрос о социальной функции этой дисциплины. Это порождает необходимость особенно тщательного изучения как опыта исторического развития, так и современного состояния социальной психологии на Западе, где она развивалась в специфической социальной ситуации и в рамках определенной теоретической традиции и где сегодня наблюдаются глубокие кризисные явления.

Естественно, эти проблемы требуют их постоянного изучения. Социальная психология за рубежом, особенно в США, представляет собой развитую область исследований. Как всякая научная дисциплина, социальная психология располагает теоретическими основами, системой методологических принципов, основным массивом исследований и, наконец, практическими приложениями. Большое количество научных и прикладных центров, периодических изданий, огромный объем публикаций делают необходимым для каждого специалиста регулярное получение информации о новых исследованиях, методиках, тенденциях.

Между тем в отечественной литературе появляются порой несистематизированные, отрывочные, эпизодические сведения по поводу процессов, происходящих в социальной психологии на Западе. Случайный характер такой информации служит лишь помехой успешному развитию этой научной дисциплины в нашей

стране. Страдают оба аспекта взаимоотношений между социальной психологией, развивающейся на основе марксистской философии, и концепциями, сформировавшимися в рамках буржуазного мировоззрения: и область возможного сотрудничества по поводу конкретных методических приемов, отдельных, частных результатов исследования, и область принципиальной дискуссии по поводу коренных различий в идеологической и социальной ориентации науки. Возможный диалог в области исследовательской практики иногда заменяется копированием случайно схваченных приемов анализа, порой устаревших и давно отвергнутых авторами (причем дело не поправляет их столь же случайная и поспешная «адаптация»). Что же касается области теоретического знания, где расхождения принципиального порядка проявляются особенно остро, то здесь отрывочность сведений о реальной ситуации также препятствует сколько-нибудь серьезному критическому анализу. Приблизительность представлений об авторах и направлениях не может служить фундаментом для такого рода дискуссий. Нельзя допускать упрощения реальной картины, сложившейся в теоретической социальной психологии на Западе, наличия в ней различных тенденций, порой различных политических позиций авторов, роста влияния идей марксизма, побуждающего отдельных исследователей искать новые теоретические и методологические ориентиры.

Мы убедились в процессе чтения спецкурса, что интерес к предложенной проблематике велик не только у студентов, специализирующихся по социальной психологии, но и среди многих уже работающих социальных (и не только социальных) психологов. Предлагаемая книга не претендует на анализ всего состояния социальной психологии за рубежом (и даже «на Западе», если так условно обозначить развитые капиталистические страны Европы и Америки) и выделяет лишь одну характеристику науки — область теоретического знания. Мы полагаем, что именно область социально-психологической теории дает прежде всего своеобразный ключ для оценки всей ситуации в науке и вместе с тем является сферой наиболее четкого противопоставления различных идеологических и социальных позиций. Известная систематизация теоретических направлений в социальной психологии на Западе и выявление основных линий их критического анализа с позиций советской психологической науки, как мы надеемся, окажутся полезными для всех интересующихся этой областью знания.

Именно этими соображениями объясняется забота о том, чтобы в книге содержался известный информативный материал, хотя мы, разумеется, осознаем, что главная задача — не просто информировать читателя, но и способствовать как более глубокому критическому освоению западной социально-психологической мысли, так и более продуктивной разработке методологических и теоретических принципов марксистской социальной психологии.

Считаем своим долгом выразить искреннюю благодарность студентам, аспирантам и сотрудникам кафедры социальной психологии, прослушавшим этот курс и высказавшим ценные замечания по его содержанию, а также оказавшим помощь в подготовке рукописи к изданию.

Авторы

СОСТОЯНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

1. «АМЕРИКАНИЗМ» СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ НАЧАЛА ВЕКА

С тех пор как социальная психология выделилась в самостоятельную науку, в ее развитии можно отчетливо проследить несколько основных этапов. Первый этап — это этап становления социально-психологического знания, совпадающий с опытом построения первых социально-психологических теорий — таких, как «психология народов» М. Лацаруса и Г. Штейнталя, «психология масс» Г. Лебона и С. Сигеле, теория «инстинктов социального поведения» В. МакДуголла. В это время социальная психология развивается преимущественно в русле европейской традиции социальной и психологической мысли, и «география» ее отражает эту особенность. «Психология народов», особенно если учесть ее развитие в трудах В. Вундта, — специфическое детище немецкой философии (в частности, идей Гегеля) и немецкой психологии (в частности, идей Гербарта). «Психология масс» разрабатывалась французскими и итальянскими учеными, а теория «инстинктов социального поведения», в будущем получившая широкое распространение в американской социальной психологии, была создана англичанином В. МакДуголлом. Хотя и в разной степени, но европейская традиция развития науки XIX в. достаточно очевидно проявляется в социально-психологических работах этого периода.

Начало второго этапа более или менее единодушно датируется 1908 г., когда появились два первых систематических руководства по социальной психологии — «Введение в социальную психологию» В. МакДуголла [McDougall, 1908] и «Социальная психология» Э. Росса [Ross, 1908]. В то время как В. МакДуголл выступает

здесь все еще от имени европейской традиции, Э. Росс «начинает» американскую социальную психологию. Несмотря на то что формально начало этого этапа датируется указанным годом, фактически его научное лицо складывается после Первой мировой войны, когда в работах Ф. Оллпорта и В. Мёде была сформулирована программа превращения социальной психологии в экспериментальную дисциплину. Тот факт, что немец Мёде был одним из первых глашатаев этой традиции, ни в коей мере не снимает вопроса о ее ярко выраженном американском колорите. Традиционная для американского буржуазного мировоззрения абсолютизация значения строго прагматического, эмпирического знания своеобразно проявилась в общей тональности социальной психологии этого периода.

Как и другие области обществознания, социальная психология оказалась вовлеченной в решение определенных социальных задач. Бурное развитие капиталистических форм экономики в США выдвигает и перед этой областью исследований ряд специфических требований, связанных с необходимостью повышения производительности труда, развитием средств массовой информации, усилением значения пропаганды и рекламы, а также с разработкой в самом широком плане способов и методов управления. В каждой из этих сфер социальная психология не претендует на решение кардинальных проблем (этим, впрочем, не занимается в то время даже и американская социология [Андреева, 1965]), но локальные, частные рекомендации относительно «человеческого фактора», прежде всего в производстве, стимулируют эту прагматическую ориентацию. Если иметь в виду, что одновременно с началом этого этапа возникает почти безраздельное господство именно американской социальной психологии в социально-психологической мысли Запада, то станет ясно, что все развитие социальной психологии после Первой мировой войны приобретает черты указанной традиции.

Наконец, третий этап развития этой научной дисциплины на Западе совпадает с периодом, наступившим после Второй мировой войны. Этот этап продолжается по настоящее время, и его характеристика не выглядит вполне однозначно: если часть работ демонстрирует лишь укрепление общей экспериментальной ориентации социальной психологии, причем в ее американском варианте, то другие исследования вносят в это развитие много существенно нового. Безусловное доминирование американских

образцов исследования, построение американского «образа» самой науки оказываются в значительной степени пошатнувшимися.

Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что этот третий этап в развитии социальной психологии на Западе совпадает с развитием социально-психологической мысли в социалистических странах, а значит, с акцентом на марксистской традиции в этой области науки, прежде всего в советской психологии. Развитие научных контактов и вместе с тем дискуссия по принципиальным методологическим и теоретическим вопросам между представителями марксистской и немарксистской ориентаций является существенным фактором развития социальной психологии на мировой арене. Вместе с тем и в европейских капиталистических странах поднимает голос течение, выступающее с критических позиций по отношению к американской традиции, и это обстоятельство тоже модифицирует определенным образом картину общего состояния социальной психологии на Западе в наши дни.

Однако так или иначе первая половина XX в. знаменовала собой практическое отождествление всей западной социальной психологии с ее американским вариантом. Поэтому-то и правомерно при анализе этого полувекового развития обратить внимание прежде всего на американскую социально-психологическую мысль. При исследовании судеб социально-психологической теории это обстоятельство приобретает особое значение. Специфически американский подход к проблемам теоретического знания вообще становится на протяжении второго и частично третьего периодов развития социальной психологии ее общей характеристикой. Сама природа создаваемых в социальной психологии теорий, логика их конструирования неизбежно приобретают черты тех логико-методологических нормативов, которые свойственны американской философии XX в. Наконец, соотношение двух разделов, существующих в «теле» любой науки, а именно теоретического и прикладного знания, интерпретируется в значительной мере в русле американской традиции.

Как и в истории многих других научных дисциплин, «американизм» проявился в социальной психологии в том, что иногда обременительный для европейских коллег груз традиций не отягощал собой деятельность исследователей. Все, с чего начиналась социальная психология в Европе, — апелляция к психологии больших групп (народов, масс), «озабоченность» известной философской ориентацией, пусть ограниченные, но все же попытки как-

то отнестись к крупномасштабным социальным проблемам — все это в значительной степени миновало американских социальных психологов, оказалось за бортом их научных интересов.

Все сказанное ни в коей мере не означает, что социальная психология США развивалась вне «социального заказа» или вне каких бы то ни было философских предпосылок. Напротив, эта научная дисциплина в Америке с самого начала была ориентирована на прикладное знание, и в качестве такового она прямо и недвусмысленно связала свою судьбу с интересами таких социальных институтов, как бизнес, администрация, армия, пропаганда. Эта связь явно прослеживается по преобладающей проблематике исследований, по выбору объектов, целей и решаемых задач, по источникам финансирования и того, что называется «поддержкой» исследований. Подобно тому как это имеет место в развитии других социальных наук, американская социальная психология довольно открыто демонстрирует свою крайнюю «заземленность», нацеленность на практические потребности общества.

Однако форма связи науки с общественными проблемами с самых первых ее шагов становится довольно своеобразной. Все сосредоточено на решении мелких, локальных, хотя и весьма практических, проблем, и тщательно обходятся более общие проблемы, касающиеся самой сущности общественного развития. Философские предпосылки, на которых строится американская социально-психологическая мысль, весьма удачно способствуют реализации такой позиции. Прагматизм и позитивизм, традиционные для американской философии течения, в специфическом, подчиненном особенностям психологического знания виде, превратились в основу большинства социально-психологических исследований.

Эта специфика развития, заданная с первых шагов существования американской социальной психологии, обусловливает и тот факт, что в литературе в течение длительного времени продолжалась дискуссия по, казалось бы, элементарному вопросу: что означает выражение «современная социальная психология»? Хотя существует достаточно единодушное признание того факта, что социальная психология в ее современном виде — детище, или «продукт», XX в., разночтений по поводу более точных хронологических рамок существует сколько угодно. Повод для такой дискуссии дает само определение специфики «современности» социальной психологии. М. Шериф и К. Шериф в своем ставшем

классическим руководстве «Основы социальной психологии» заметили, что, несмотря на то что философы, политики и поэты веками писали на те же самые «сюжеты», на которые пишут социальные психологи, между творениями тех и других имеется существенная разница [Sherif, Sherif, 1948, p. 4].

Эти отличия становятся очевидными, если сформулировать черты современного социально-психологического исследования. Набор этих черт у разных авторов несколько варьирует, но в основном он идентичен. Сами Шерифы выделяют следующие характеристики: 1. Формулирование специальной проблемы, решение которой можно получить на основе собранных данных и их анализа. 2. Выбор и определение четких понятий так, чтобы они означали одно и то же для тех, кто развивает и кто использует их: понятия не могут быть объектом персональной интерпретации каждым исследователем. 3. Выводы строятся не просто на интуиции, и поэтому методы сбора данных должны быть также приняты всеми. 4. Обязательное условие — верификация данных: каждый исследователь должен уметь проверить выводы другого [ibid., p.5]. Несмотря на элементарность предложенных характеристик (здесь отражены, по существу, общепринятые в науковедении нормы исследования), они содержат как минимум два основания для полемики.

Во-первых, означает ли сказанное, что единственным типом социально-психологического исследования является исследование, обрисованное выше? Если так, то право на существование могут иметь лишь исследования, непосредственно представляющие собой «сбор данных» посредством достаточно четко фиксированных методик (по-видимому, прежде всего экспериментальных) с их последующей верификацией. Но в этом случае чисто теоретические работы вообще, очевидно, отлучаются от ранга «исследования». С этой точки зрения современная социальная психология отличается от предшествующей именно по такому критерию: «современная» — это экспериментальная социальная психология, «несовременная» — это неэкспериментальная, прежде всего умозрительная, социальная психология. Эта мысль четко проведена у М. Шоу и Ф. Костанцо, хотя здесь определяется «научная» психология: «Под «научной» мы понимаем, что она включает только наблюдения, сделанные в контролируемых условиях; кабинетные спекуляции не являются приемлемыми данными в социальной психологии» [Shaw, Costanzo, 1970, p. 3]. В таком понимании справедливо противопоставление социальной психологии XX в. пер-

вым формам социально-психологического знания, разработанным во второй половине XIX в. Но при этом же понимании остается открытым вопрос о статусе современного, т.е. относящегося к XX в., но *теоретического* исследования, выполненного вне указанных выше канонов. Таким образом, в невинной формуле таится одно из противоречий, которое дает основание для дискуссии.

Во-вторых, возникает вопрос, в каком смысле следует понимать предложенную в качестве обязательного признака исследования верификацию данных. Хорошо известно, что сам термин «верификация» в его строгом философском содержании связан с определенной его интерпретацией, а именно с интерпретацией в рамках философских принципов неопозитивизма.

Принцип верификации, как он разработан в философии неопозитивизма, означает не просто способ проверки знания, но определенный способ проверки знания (более точно: способ проверки суждений науки, поиск эмпирического критерия их истинности). В качестве такого способа в неопозитивистской традиции выступает сопоставление суждения с чувственным опытом субъекта. Если в каком-либо отдельном случае такое сопоставление невозможно, то относительно данного высказывания вообще нельзя сказать, истинно оно или ложно. Неверифицируемое высказывание не есть суждение, оно может быть только псевдосуждением, т.е. оно лишено смысла, находится вне науки.

Хорошо известна критика той чрезмерно жесткой позиции, которую по данному вопросу занимали виднейшие теоретики неопозивитизма. При строгом соблюдении такого понимания принципа верификации все более или менее общие суждения науки вообще не имеют права на существование. И хотя в социально-психологических исследованиях вовсе не обязательно присутствует прямая апелляция к философским принципам неопозивитивизма, ставшая здесь обыденной трактовка принципа, несомненно, питается из этого источника. Тогда и по этому основанию теоретические исследования, неизбежно включающие в себя использование широкого круга достаточно общих понятий и суждений, отлучаются от ранга исследований. Но приведенное соображение дает основание и для более частной полемики. Какая социальная психология современна с этой точки зрения: всякая ли оперирующая экспериментальными методами или лишь такая, где измерительные процедуры доведены до достаточного уровня совершенства, ибо лишь при их помощи возможна верификация?

Экспериментальные исследования 20-х и даже 30-х годов в таком случае никак нельзя рассматривать как «современные»: измерительные процедуры, применявшиеся в них, сегодня представляются достаточно примитивными.

Важное отличие современной социальной психологии от традиционной иногда усматривают также и в том, что если для последней было свойственно в большой (и даже в большей) степени морализирование, то современная социальная психология прежде всего делает акцент на том, что она является именно «наукой» [McGrath, 1972, p. 8]. Термин «наука» употребляется здесь в том значении, которое принято в философии неопозитивизма (наука — это нечто исключающее мораль, наука — это система знаний, построенная по образу точных дисциплин, и т.д.). Но и этот критерий оказывается довольно сложным в применении: мера включения моральных проблем в социально-психологические исследования не фиксируется точно каким-либо хронологическим рубежом, она скорее зависит от принимаемых тем или иным исследователем методологических установок. Таким образом, ситуация относительно границ современной социальной психологии не проясняется и в этом случае.

Поэтому различные толкования рамок «современной» социальной психологии имеют бесконечное хождение в литературе. М. Дойч и Р. Краусс, например, датируют ее начало первыми десятилетиями XX в. [Deutsch, Krauss, 1965, p. 212], в то время как И. Штейнер и М. Фишбайн утверждают, что «современной» можно считать лишь социальную психологию, развивающуюся после Второй мировой войны, причем особо в ней следует выделить период 60–70-х годов [Steiner, Fishbein, 1966, p. 2][3].

Одна мысль при всех этих разночтениях присутствует как общая: современная социальная психология — это *научная* социальная психология, и она же — синоним *американской* социальной психологии. В этом смысле весьма показательны называемые в популярных изданиях [Krech, Crutchfield, Ballashey, p. 7] в качестве первых вех современной научной социальной психологии события ее

[3] Своеобразной вехой в развитии социальной психологии МакГвайр считает выход в свет в 1968 г. «Руководства по социальной психологии», изданного Г. Линдсеем и Э. Аронсоном [The Handbook of Social Psychology. *Lindzey G., Aronson E.* (eds.), 1968], полагая, что это издание свидетельствует о конце эры, о моменте, когда социальная психология начинает развиваться «в новых направлениях» [McGuire, 1972, p. 219].

истории. Первым шагом социальной психологии в лаборатории называется исследование Н. Трипплета о динамогенных факторах в кооперации (1897 г.), первым шагом в «поле» — исследование Е. Старбака «Психология религии» (1899 г.), первой работой прикладного характера — исследование Г. Джейла по психологии рекламы (1900 г.). Все названные здесь работы — американские, таким образом проявляется отношение к европейской традиции именно как к *традиции* в отличие от современной *науки*. Подобное отождествление современной, научной и американской социальной психологии в западной социально-психологической литературе позволяет рассмотреть сложившееся в ней отношение к проблемам теории как к продукту специфически американского подхода.

Прежде чем приступить к анализу этого вопроса, обратим внимание еще на один факт. Сторонники придания статуса современности лишь той социальной психологии, которая развивается после Второй мировой войны, несколько смещают значения понятий «традиция» и «новаторство». Для них традиционной становится уже та чисто экспериментальная ориентация, которая сложилась после Первой мировой войны, а известное отступление от сформулированных тогда канонов определяется как своеобразное новаторство. Как это часто бывает в истории науки, исторические вехи традиций оказываются достаточно ограниченными. Поэтому точнее говорить, очевидно, не о противопоставлении традиционной и современной социальной психологии, а конкретно исследовать те методологические принципы, которые доминируют в развитии этой научной дисциплины в определенный период, и прежде всего интересующий нас вопрос об отношении к теоретическому знанию.

Общее усиление методологической рефлексии науки, в том числе социальной психологии, значительно стимулирует интерес и к анализу теоретического знания. Социальная психология не оказывается исключением в том движении современной науки, которое связано с различными формами метаанализа знания — анализа средств научного познания вообще, его возможностей, границ и пр. Существует ряд причин, побуждающих исследователей активизировать свой интерес не только в области непосредственного накопления знаний, но и в области познания собственных теоретических принципов и приемов анализа, и вопрос об этих причинах требует специального рассмотрения [Андреева, 1975, с. 270].

Сейчас важно лишь отметить, что, кроме объективных потребностей развития самой логики научного исследования, для американской социальной психологии значимыми являются и те затруднения, с которыми она столкнулась в связи с длительным господством атеоретической тенденции. Обескураживающий контраст между огромным массивом весьма квалифицированных исследований и относительно слабой общей результативностью социальной психологии, естественно, требует объяснения. Именно это и заставляет ученых исследовать как качество функционирующих теорий, так и их границы, взаимоотношения между ними, генетические связи. Наряду с существовавшим ранее разделением труда, когда эти вопросы изучались преимущественно в различных системах философских взглядов или в рамках сравнительно недавно возникшей специальной отрасли науки — логики и методологии научного исследования, эти проблемы все в большей степени начинают теперь занимать и тех ученых, которые непосредственно связаны с *практикой* социально-психологических исследований. Нередко высказывается мнение, что они вообще должны взять эти проблемы в свои руки, не передоверять их философам и методологам, «поскольку те, диктуя свои нормы, вообще стремились занять положение господина, отводя конкретным наукам лишь роль слуги» [Rommetveit, 1972, p. 217].

2. В ПОИСКАХ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

2.1. Возможные уровни теоретического знания

Проблемы социально-психологической теории, ее разновидностей, уровней, удельного веса не являются простыми для американской социальной психологии, развивающейся в русле неопозитивистской методологии. Как уже отмечалось, состояние этого вопроса значительно изменяется в последние годы. Если период становления экспериментальной ориентации породил ярко выраженный нигилизм по отношению к теории, то позже все чаще начали раздаваться призывы к необходимости ее разработки. Существует ряд фундаментальных работ, специально исследующих эти вопросы. Это уже названные «Теории в социальной психологии» М. Дойча и Р. Краусса [Deutsch, Krauss, 1965] и «Теории социальной психологии» М. Шоу и Ф. Костанцо [Shaw, Costanzo, 1970].

К ним примыкает хрестоматия «Классические вклады в социальную психологию», изданная Э. Холландером и П. Хантом [Hollander, Hunt (eds.), 1972]. В пятитомном «Руководстве по социальной психологии» Г. Линдсея и Э. Аронсона проблемам теории посвящена значительная часть первого тома. Довольно скрупулезно вопрос об основных течениях теоретической мысли в американской социальной психологии исследован в работе Д. МакДэвида и Г. Харари «Социальная психология: индивиды, группы, общества» [McDavid, Harary, 1968].

Мера озабоченности авторов названных исследований судьбами социально-психологической теории в США весьма различна, как и вообще различна мера внимания, уделяемая разными исследователями данной проблеме. Однако все названные здесь работы защищают идею необходимости пропорционального развития двух сфер научного знания — теоретическую и экспериментальную. В этом проявляется новизна подхода по сравнению с 20-ми годами XX в., когда в этом соотношении наблюдался значительный перекос. Бурное развитие экспериментальных методик в тот период породило определенную позицию: интерес к теории не просто снизился, но всякий, кто продолжал интересоваться ею, рисковал вызвать сомнение в своей личной компетентности. Популярность экспериментального метода, эмпирических оснований научного исследования (факт, сам по себе имеющий положительное значение в истории науки) переросла в воинствующую антитеоретическую позицию. Пафос экспериментальной ориентации социальной психологии выражался в необходимости выработать альтернативу спекулятивному, кабинетному подходу первых социально-психологических работ. Но как справедливо замечают Дойч и Краусс, «революция против кабинетного теоретизирования привела многих социальных психологов не только к тому, что они покинули свои кабинеты, но и к тому, что они вообще перестали теоретизировать» [Deutsch, Krauss, 1965, p. 214].

Реальная ситуация, сложившаяся в то время в науке, как будто бы способствовала такому пренебрежению к теории. Экспериментальные работы, в частности благодаря усилиям К. Левина, настолько в более выигрышном свете представляли образ социальной психологии как науки, особенно по сравнению с умозрительными построениями конца XIX в., что возникло (тоже довольно часто встречающееся в истории науки) смещение акцентов в оценке теоретического знания: опровержение «плохой» теории (точнее,

спекулятивного знания) стало отождествляться с необходимостью отвержения теории вообще. Если учесть, что в это время в американской психологии прочно утверждается господство бихевиоризма, немало способствовавшего приданию психологии «респектабельного» вида, то легко понять, что распространение подобной атеоретической позиции среди исследователей имело под собой определенные основания, коренящиеся прежде всего в той общей интеллектуальной атмосфере, которая была характерна для США в начале XX в. Любопытно, что полемика вокруг вопроса об отношении к теориям совпала с другой дискуссией — относительно статуса социальной психологии в системе психологических и социологических дисциплин.

Пограничный характер социальной психологии порожден как спецификой ее предмета, так и особенностями ее происхождения. Как известно, наряду с практическими потребностями общества, вызвавшими к жизни эту дисциплину, большое значение имела и сама логика развития научного знания. Ко времени выделения социальной психологии в самостоятельную науку целый ряд областей научного знания испытывал необходимость апелляций к ней. В общем ряду антропологии, языкознания, этнографии, криминологии особое место, конечно, занимали психология и социология. Тот любопытный факт, что первые руководства по социальной психологии были написаны одновременно психологом и социологом, весьма многозначителен. В американской социальной психологии до сих пор с особой остротой обсуждается вопрос о двойственном статусе социальной психологии. Т. Ньюкому принадлежит высказывание о том, что в США практически существует две социальные психологии — «социологическая социальная психология» и «психологическая социальная психология» [Ньюком, 1984, с. 16]. В русле полемики о судьбах социально-психологической теории это представление привело к своеобразной постановке вопроса.

Некоторые американские исследователи полагают, что отношение к теории определяется мерой причастности того или иного ученого к психологической или к социологической ветви социальной психологии. Так, по мнению Е. Боргатта, среди социальных психологов имеет место такое распределение: ориентированные на психологию в большей мере оказались враждебны теоретизированию, ориентированные на социологию, напротив, в большей мере принимали необходимость его [Borgatta, 1969, p. 84].

К такому свидетельству надо отнестись с осторожностью: оно зачастую само зависит от принадлежности автора к тому или иному крылу социальной психологии. Дело в том, что «психологически ориентированный» социальный психолог сам мог быть недостаточно компетентным в отношении ситуации, сложившейся в социологии. Стереотип социолога, когда он отождествлялся с классиками европейской социологии XIX в., с такими именами, как О. Конт, Г. Спенсер, М. Вебер, Э. Дюркгейм и др., был действительно довольно распространенным в течение длительного времени. Однако к 20-м годам XX в. сама американская социология радикально изменилась. В ней также прочно утвердилась эмпирическая тенденция, и, по выражению Р. Мертона, стереотип «социального теоретика» уступил место стереотипу «социального инженера», или даже «социального техника», вооруженного магнитофоном и счетной линейкой [Merton, 1957, p. 5]. Другой известный американский социолог — П. Сорокин утверждал (подобно тому как это утверждают Дойч и Краусс относительно социальной психологии), что и в социологии человек, рискнувший принести в научный журнал статью, не имеющую необходимого математического обрамления, должен был ожидать того, что его научная компетентность в силу повсеместного распространения «квантофрении» будет подвергнута сомнению [Sorokin, 1956]. Господство неопозитивистских принципов научного знания проникло и в сообщество социологов: здесь также утвердились известный культ «статистического ритуала», абсолютизация количественных методов, некритическое принятие принципов операционализма и верификации. Поэтому вряд ли правильно обвинять социологию и соответственно социологически ориентированных социальных психологов в приверженности теоретическому знанию. В первой трети XX в. можно скорее констатировать свойственную американской социальной мысли вообще, а социологии и психологии как «родительским дисциплинам» социальной психологии в частности некоторую общую тенденцию, состоящую в крайней ориентации на философию неопозитивизма со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Каждый из разработанных здесь принципов, взятый сам по себе, в его неабсолютизированном виде, может и не вызвать сомнений. Это относится к таким принципам, как уважение к точным данным, необходимость совершенствования математических процедур, требование строгого построения и проверки выдвигае-

мых гипотез. Однако сущность позитивистской методологии заключается не в том, что здесь выдвигаются эти принципы, а в том, что каждый из них абсолютизируется и тем самым исключается какой бы то ни было иной образ науки, кроме науки, построенной по моделям точного знания, прежде всего по модели физики. На этой основе возникает «культ метода», что в значительной степени снижает интерес к содержательной стороне знания. В контексте социальной психологии это означает, что требование «респектабельности» науки, предполагающее прежде всего точность и строгость выводов, полученных в эксперименте, оборачивается переключением внимания исследователя лишь на формы человеческого поведения при отказе (или при недооценке) от исследования его сущности. По справедливому утверждению многих критиков, это приводит к переоценке значения контролируемого лабораторного эксперимента и к отрицанию необходимости исследования социального поведения в естественных условиях. Хотя свет ярче и видимость лучше, несомненно, в лаборатории, однако «знания должны добываться даже и тогда, когда препятствия велики и свет тускл, если социальные психологи хотят содействовать пониманию человеческих проблем своего времени» [Deutsch, Krauss, 1965, р. 216].

При анализе этого методологического движения внутри социальной психологии нельзя абстрагироваться от социального фона, на котором оно происходит. Усиление позиций прагматизма и позитивизма в США в 20-е и 30-е годы было своеобразным ответом на запросы, которые американское буржуазное общество адресовало наукам о человеке, будь то психология, социология или уже набирающая силу в качестве самостоятельной дисциплины социальная психология. Требование разработки способов управления человеческим поведением, его предсказания, стремление к получению «немедленных» рекомендаций, обеспечивающих сиюминутный выигрыш для бизнеса, пропаганды или армии, как будто наиболее полно реализовывалось при проведении исследований в ключе философских принципов прагматизма и позитивизма. В таком контексте атеоретичность исследователя начинала представляться особого рода ценностью, она как бы гарантировала меру его действительного включения в решение *ad hoc* проблем.

Исключением в обрисованной здесь ситуации, как она складывалась в американской социальной психологии 20—30-х годов, явилась деятельность К. Левина. Эмигрировавший из Германии в

1933 г., Левин быстро выдвинулся в качестве ведущего психолога в США. Основанный им Центр по изучению групповой динамики при Массачусетском технологическом институте (позднее при Мичиганском университете) предпринял целую серию блестящих экспериментальных исследований, относящихся к собственно предмету социальной психологии, что дало основание американским авторам почти единодушно рассматривать Левина как центральную фигуру именно в социальной психологии. Но наряду с развертыванием, утверждением, развитием практики экспериментального исследования в социальной психологии Левин оставался и крупным теоретиком. Хотя разработанная им теория поля [Левин, 2000] и вызывает ряд серьезных возражений, тем не менее она оказала большое влияние на развитие американской социально-психологической мысли. Имя Левина обычно называют не только в связи с укреплением позиций экспериментальной практики в социальной психологии, его упоминают и как крупнейшего, причем последнего, теоретика данного масштаба. Считается, что после смерти Левина в 1948 г. происходит существенное изменение в отношении к возможностям построения сколько-нибудь общих теорий в социальной психологии вообще.

Возможность существования «большой теории», или «всеохватывающей теории», наряду с теориями меньшей степени общности неоднократно высказывалась как в психологии, так и в социологии. Так, идея «теоретического синтеза», предложенная Толменом и Халлом, была своего рода заявкой на построение «большой теории» в психологии [см.: Ярошевский, 1974, с. 196]. С другой стороны, в социологии такая претензия была сформулирована Т. Парсонсом при построении «теории социального действия» [см.: Андреева, 1965, с. 269]. Как мы видели, в области собственно социальной психологии на роль «большой теории» предлагались, хоть и неявно, теоретические идеи К. Левина. Мечта о «большой теории» отражает, очевидно, объективную потребность науки найти какие-то более или менее общие закономерности для той сферы реальности, которая представляет собой объект исследования данной научной дисциплины. Вместе с тем неудача с построением такого рода теорий приводит исследователей к поиску каких-то промежуточных уровней обобщения.

В социальную психологию также проникает идея необходимости построения так называемых теорий среднего ранга, впервые разработанная в 40-х годах XX в. в американской социологии Р. Мер-

тоном. Хотя сама по себе мысль о том, что уровень теоретического знания с точки зрения широты и глубины охвата определенной области реальности может быть различным, не явилась слишком оригинальной, Мертон дал ей тщательное методологическое обоснование. Кроме того, ему принадлежит заслуга точной оценки ситуации, сложившейся в социологии, и попытки классифицировать реально существующие здесь теории. С этой точки зрения Мертон предложил выделить в структуре социологии три уровня знания: общие, так называемые всеохватывающие теории, теории среднего ранга[4] и эмпирические обобщения, получаемые непосредственно в эмпирических исследованиях. Таким образом, «средний ранг» теории — это некоторый средний уровень обобщений, выступающий как посредник между малыми рабочими гипотезами, развертывающимися в изобилии в повседневных образцах исследования, и «всевключающими спекуляциями» [Merton, 1957, p. 5–6].

По мысли Мертона, в социологии бесполезно искать какие-то общие закономерности, относящиеся к социальному поведению вообще, но гораздо продуктивнее описать теоретически его отдельные стороны, области. На основании предложения Мертона в американской социологии 50-х годов был разработан целый ряд частных социологических теорий. В известном смысле эти теории начали отождествляться с определенными предметными областями социологического знания: стали говорить, например, не только о «социологической теории семьи», но просто о «социологии семьи» (соответственно и о «социологии города», «социологии деревни», «социологии образования», «социологии молодежи» и т.д.). И хотя в обосновании Мертоном логико-методологического статуса теорий среднего ранга есть много спорного, в частности в плане интерпретации промежуточного уровня обобщения с позиций структурно-функционального анализа, сама идея о необходимости такого рода теорий является весьма приемлемой. Она в значительной степени способствовала преодолению в американской социологии той пропасти, которая образовалась между

[4] Укоренившийся русский перевод этих теорий как «теорий среднего ранга», строго говоря, не передает точное содержание, вкладываемое Мертоном в это понятие. Гораздо ближе к нему немецкий перевод — «Mittlerer Reichweite Theorien», т.е. «теории среднего радиуса действия». В нем схвачена мысль Мертона, что предложенные им теории представляют собой *средний* уровень не только в смысле широты предлагаемых обобщений, но и с точки зрения объема той сферы социальной реальности, с которой имеет дело теория.

практикой эмпирических исследований и теоретическими построениями.

С некоторым запозданием идея необходимости теорий среднего ранга проникла и в социальную психологию, которая в известном смысле уподобилась мольеровскому герою г-ну Журдену, который, не зная того, оказывается, всю жизнь «говорил прозой». Большинство теорий, возникших в социальной психологии после Левина, довольно единодушно было объявлено именно теориями среднего ранга. Примерами таких теорий называют теорию фрустрации—агрессии Миллера и Долларда, теорию когнитивного диссонанса Фестингера, теорию конкуренции и кооперации Дойча, теорию социальной власти Картрайта и Френча и др. И если в настоящее время в американской социально-психологической мысли вновь обозначился некоторый поворот в сторону интереса к теории, он реализуется прежде всего как интерес к построению именно теорий среднего ранга, что, впрочем, не исключает продолжения дискуссий и о судьбе общей теории. Позже мы еще вернемся к тому, что конкретно это означает для судеб социальной психологии.

2.2. «Школа», «теория», «парадигма», «ориентация»

Отказ от общих теорий в социальной психологии и принятие идеи теорий среднего ранга по-новому ставят вопрос о традиционном делении социальной психологии, да и вообще любой науки на «школы». Понятие научной школы занимает, как известно, большое место в современном науковедении [Ярошевский, Чеснокова, 1976]. Существует несколько различных принципов выделения научных школ, но это весьма специальный вопрос. В данном случае нас интересует проблема конкретного соотношения научной школы и определенной теории, в частности специфика ее решения именно в социальной психологии. Ряд наук, и социальная психология в том числе, пережили период бурного становления научных школ. В частности, XIX век породил определенную традицию в этом отношении: обычно школа возникала вокруг имени одного определенного лица, которое выступало и как руководитель школы, и как ее главный теоретик. В психологии и социологии особенно явственной была близость понятий «школа» и «теория» (понятно, что была школа Вундта и теория Вундта, школа Фрейда и теория Фрейда или, например, в социологии — школа Вебера и теория Вебера и т.д.).

Очевидно, можно сказать, что в классический период развития науки школа практически совпадала с теорией. Более того, школы и различались прежде всего по такому основанию, как определенная система теоретических взглядов, иными словами, по тому, какая теория положена в основу исследований. Экспериментальная ориентация науки во многом изменяет эту ситуацию. Школа концентрируется теперь не столько вокруг определенной теории, сколько вокруг определенной системы методик, применяемых при анализе также определенной группы явлений. Когда теоретические позиции вообще не обязательно заявляются (и выявляются), когда *не* в них усматривается суть, специфика подхода той или другой группы исследователей, то естественно, что в представлении школа связывается отнюдь не с определенной теорией, ее «исповедыванием», а совсем с другими признаками.

Дело особенно усложняется в связи с прямым воздействием на судьбы науки научно-технической революции. Умножение функций науки в обществе, усиление ее роли и вместе с тем обогащение самих средств научного исследования и возрастание сложности задач науки все в большей степени делают субъектом научного творчества не отдельных исследователей, а целые коллективы ученых. Принятие внутри каждого такого коллектива единых методик исследования, довольно сложная система разделения труда, приводящая к известному раздроблению процесса исследования, оказываются гораздо более значимыми факторами сплочения коллектива, чем принадлежность к одной теории.

В современном науковедении существуют различные точки зрения на судьбу школ в эпоху научно-технической революции. Многие исследователи полагают, что вообще значение школ в науке теряется. Другие, и для нас это положение очень важно, отождествляют школу в ее современной форме с *исследовательским коллективом* [Ярошевский, Чеснокова, 1976, с. 329]. В таком «микроцентре» науки общение исследователей между собой, конечно, обусловлено большим или меньшим единством принимаемых теоретических положений, но не только этим. Не в меньшей, а, может быть, в большей степени объединяющим такой коллектив фактором становится общая проблема исследования, единый методический подход. Свою продукцию школа такого рода может давать и в виде некоторой теории, но гораздо чаще — в виде конкретного результата исследования. Эта деятельность становится не только более непосредственно отвечающей на запросы практики,

но и более престижной. Поэтому в такой ситуации в известной мере девальвируется значение деятельности ученого по «продуцированию» теорий, хотя такой итог вовсе не является необходимым. В американской социальной психологии он порожден общей ориентацией методологии науки на философские принципы неопозитивизма.

Все сказанное привело к тому, что утраченным оказалось значение границ между теоретическими школами. Классические теоретические школы в психологии и социологии различались между собой тем, какие исходные принципы были положены в основание общего понимания природы психики или общего понимания исторического процесса. Но если теперь исследования практически не «доходят» до анализа этих вопросов, естественно, снижается важность самого различения школ. МакДэвид и Харари говорят как о важнейшем признаке американской социальной психологии о ее эклектизме, т.е. не только об одновременном существовании различных теоретических школ, но и о стирании границ между ними, о взаимных заимствованиях различных позиций, о сосуществовании порой взаимоисключающих принципов в одном и том же исследовании [McDavid, Harary, 1968, p. 21].

Важный вопрос, который занимает теоретически ориентированных социальных психологов, — это вопрос о том, какие же теоретические ориентации являются сегодня для социальной психологии на Западе наиболее характерными. Этот вопрос не имеет однозначного ответа. Все согласны с тем, что современные школы не совпадают по своему значению с классическими теоретическими школами и различия между теориями не так уж существенны сегодня с точки зрения принципов подхода к анализу объекта. Эти различия становятся отчетливыми не при сравнении отдельных теорий, но лишь при анализе более широких ориентаций, которые нельзя назвать «теориями», ибо они не представляют собой совокупности гипотез, но именно фиксируют принципы подхода исследователя. Поэтому Шоу и Костанцо вводят понятие «ориентация»: «В противоположность теории как сети взаимосвязанных гипотез ориентация обозначает общий подход к анализу и интерпретации поведения» [Shaw, Costanzo, 1970, p. 8].

Однако выясняется, что даже выявление таких ориентаций — не слишком легкая задача. Впервые систематическое изложение вопроса об основных теоретических ориентациях, или направлениях, было сделано в работе Ф. Карпф «Американская социальная

психология» [Karpf, 1932], а затем в статье Г. Олпорта, помещенной в «Руководстве по социальной психологии», изданном Г. Линдсеем и Э. Аронсоном [Lindzey, Aronson, 1968]. Позже этому была посвящена работа Д. Мартиндейла «Природа и типы социальных теорий». В этих исследованиях было предложено два принципа, по которым можно (и следует) различать теоретические позиции социальных психологов (именно как ориентации широкого плана): решение вопроса о природе человека и преобладающая проблематика. Как видим, здесь предложен компромиссный критерий: с одной стороны, в качестве водораздела назван действительно принципиальный вопрос всякого социально-психологического знания — то или иное понимание природы человека, а с другой — в качестве разграничительной линии (по-видимому, как уступка экспериментальному облику науки) предлагается круг приобретенных изучаемых проблем. Этот, второй, критерий представляется весьма неопределенным, и в дальнейшем к нему практически не обращаются, что в общем-то не снимает вопроса о предпочтительности тех или иных проблем в рамках определенной ориентации.

Иллюстрируя действие первого принципа, Дойч и Краусс так характеризуют различные теоретические подходы: например, гештальттеория исходит из такого понимания природы человека, когда главным фокусом исследования является развитие осмысленного и организованного взгляда человека на мир; для бихевиоризма, поскольку он трактует поведение как детерминированное немедленными ответными реакциями на стимул, характерен интерес к попыткам человека понять ситуацию своего поведения; для психоанализа человек — поле битвы между животной природой и обществом, представленным прежде всего семьей; наконец, для ролевой теории, признающей социальную детерминированность человека, важно выяснение того, как роль человека в обществе определяет значимые для него ценности, и пр. [Deutsch, Krauss, 1965, p. 5].

Обозначенные здесь четыре теоретических ориентации с небольшими вариациями называются и другими исследователями в качестве основных. Так, у Линдсея и Аронсона фигурируют бихевиоризм, фрейдизм, когнитивные теории, теория поля, теория ролей [Lindzey, Aronson, 1968, p. XI], у Шибутани — психоанализ, бихевиоризм, гештальттеория, интеракционизм [Шибутани, 1969], у МакДэвида и Харари — психоанализ, бихевиоризм, когнитивные теории [McDavid, Harary, 1968, p. 27], у Шоу и Кос-

танцо — ориентация на теорию подкрепления, на теорию поля, когнитивная ориентация, психоаналитическая ориентация, трансориентационный подход, включающий теорию ролей [Shaw, Costanzo, 1970, p. VII]. Несмотря на разную меру строгости употребления в этих классификациях терминов «школа», «теория», «ориентация», легко заметить, что в качестве теоретических ориентиров социальной психологии почти всегда присутствуют три классических психологических направления — бихевиоризм, психоанализ и гештальттеория. При этом можно пренебречь такими деталями, как разделение в некоторых случаях гештальттеории и теории поля или как введение термина «когнитивные теории», под которым объединяются теория поля и гештальттеория, как употребление названия «теория подкрепления» в качестве синонима бихевиористской ориентации.

Несколько сложнее представляется вопрос об интеракционистской ориентации или об упоминаемой в том же значении ориентации на теорию ролей. Некоторые авторы просто игнорируют сам факт ее существования. По-видимому, объяснение следует искать в том двойственном статусе американской социальной психологии, о котором речь шла выше. Дело в том, что из четырех наиболее часто упоминаемых ориентаций три относятся, как уже отмечалось, к классическим психологическим направлениям, и лишь одна, и именно интеракционистская ориентация, имеет социологическое происхождение — она восходит к традиции Г. Мида [Mead, 1934]. Поэтому упоминание или неупоминание этой ориентации в значительной степени зависит от того, получил ли исследователь социологическое или психологическое образование. Так, например, непризнание интеракционистской ориентации и игнорирование самого факта ее существования у МакДэвида и Харари, очевидно, объясняются их «воинствующей» психологической позицией, принципиальным подчеркиванием своего психологического происхождения и статуса. Напротив, у Шибутани социологическая позиция автора демонстративно подчеркивается преимущественным вниманием, уделяемым интеракционизму. У других исследователей, анализирующих основные теоретические ориентации в американской социальной психологии, присутствует более или менее объективная в этом отношении позиция.

Двойственный статус социальной психологии как науки закреплен в США и организационно, поскольку секции социальной психологии существуют как внутри Американской психологичес-

кой ассоциации, так и внутри Американской социологической ассоциации. Следовательно, более или менее полную характеристику теоретических позиций можно получить, лишь включив в перечень как минимум четыре направления: бихевиоризм, когнитивизм, психоанализ и интеракционизм.

В отличие от ранних исследований, где предлагалось два критерия для различения теоретических направлений, сейчас предпринимаются попытки умножения и усложнения таких критериев. МакДэвид и Харари предлагают, например, шесть критериев: основной источник данных для наблюдения; понятия, используемые для описания мотивации или, более широко, личности; роль, отводимая сознанию в поведении; роль бессознательного в поведении; роль, которая придается внешней среде; наконец, роль так называемой социокультурной среды [McDavid, Harary, 1968, p. 24–26].

Названные шесть критериев, возможно, и не являются слишком строгими и с этой точки зрения вряд ли могут быть рассмотрены как некий эталон. Однако сама попытка выявления оснований для классификации теоретических подходов заслуживает внимания. По существу здесь поднимается вопрос о том, что каждая теоретическая ориентация вырабатывает свой концептуальный аппарат для описания некоторого обязательного минимума исходных, «сквозных» психологических феноменов. В современном науковедении и, в частности, в метаанализе психологического знания концептуальному, или категориальному, аппарату уделяется особое внимание. В распоряжении всякого психолога-экспериментатора, отмечает М. Г. Ярошевский, «имеются особые средства — не только приборы, фиксирующие быстроту реакций, но и незримый аппарат категорий, понятий, принципов. Назовем его категориальным аппаратом. Он складывается и усложняется с прогрессом научной психологии. От его разработанности зависит качество добываемой информации и соответственно возможность использовать эту информацию для управления психическими процессами» [Ярошевский, 1974, с. 15]. Этот категориальный аппарат науки, естественно, связан с определенным набором обязательных тем научного исследования в данной области. Все это вместе взятое — основная проблематика, «предметная область», согласие относительно каких-то основных принципов, методов анализа — создает некоторую модель науки, принимаемую или в определенный период ее развития, или в рамках довольно широкого сообщества ученых.

В науковедческой литературе последних лет такая модель определяется как ***парадигма***. С точки зрения Т. Куна, автора этой идеи, в развитии любой науки можно выделить относительно спокойные периоды, когда в сообществе ее представителей утверждается определенное согласие относительно исследуемой области реальности, общих принципов этого исследования, основных исходных представлений о существе изучаемых явлений. Это и есть периоды, когда в науке устанавливается определенная парадигма, «принятая модель или образец», что и соответствует понятию «нормальная наука» [Кун, 1977, с. 44]. Когда же в силу различных причин принимаемая парадигма изживает себя, уступая натиску новых данных, новых идей, ей на смену приходит новая парадигма, а сам период перехода от одной парадигмы к другой обозначается Куном как научная революция [там же, с. 58; 128].

Можно соглашаться или не соглашаться с этой идеей, как она разработана Куном, и это особый вопрос в науковедении и философии. Но остается фактом то огромное влияние, которое идея парадигмы оказывает сегодня на мышление многих ученых, представителей различных конкретных наук. В русле той методологической рефлексии, которая так же, как и другим дисциплинам, свойственна сегодня социальной психологии, идея парадигмы приобретает одно из центральных мест. Как и в других случаях, социальная психология и здесь питается из двух источников, представляющих ее «родительские» дисциплины — психологии и социологии. Вопрос о том, представляют ли собой эти науки парадигмальное знание или идея парадигмы в них неприменима, обсуждается в каждой из этих дисциплин. Что касается психологии, то здесь этот вопрос не имеет однозначного решения: одни авторы высказываются за то, что психология есть непарадигмальное знание, другие полагают, что в истории психологии можно выделить как минимум две парадигмы — интроспекционистскую и бихевиористскую [Андреева, 1975, с. 23].

В социологии вопрос о парадигме получил более обстоятельную разработку. Еще в 40-х годах в связи с критикой эмпирической тенденции Р. Мертон выдвинул идею о том, что новой парадигмой в социологии является парадигма функционализма, которую он представил как некоторое систематическое руководство для исследователя, включающее набор необходимых понятий, основные постулаты и характеристики тех моментов, на которые должно быть обращено главное внимание исследователей [Merton,

1957, p. 225]. Сегодня и эта парадигма считается в американской социологии изжившей себя, и в литературе идет дискуссия о том, какая парадигма заменит «парадигму соответствия» (так другими словами именуется парадигма функционализма, где идея соответствия, равновесия социальных систем была ключевой) — «парадигма конфликта» или какая-либо иная.

Значение понятия парадигмы, предложенного Куном, как видно, не всегда используется строго. Как это часто бывает, научный термин получает в употреблении как бы вторую жизнь, приобретая несколько более обыденное содержание. Практически с парадигмой отождествляют какие-то отдельные характеристики науки, обозначая этим термином то различные теоретические ориентации, то методологические принципы, то специфический понятийный аппарат. Такая адаптация идеи парадигмы наблюдается и в социальной психологии. Квалифицируя ситуацию в этой науке как своего рода кризис, многие американские исследователи склонны считать, что развертывание этого кризиса совершается в форме смены парадигм. Ниже мы подробно проанализируем мысли МакГвайра по поводу содержания той парадигмы в социальной психологии, которая уходит со сцены, и той, которая складывается здесь. Сейчас важно отметить, что сама по себе идея парадигмы, как бы произвольно она ни толковалась, обладает известной привлекательностью для социальной психологии. Она становится тем необходимым звеном в анализе собственных возможностей, успехов и неудач, которое необходимо изучить, оглядываясь на пройденный путь, подытоживая результаты и продумывая перспективы.

Вопрос о принципах различения теоретических направлений, хотя и косвенно, имеет отношение к проблеме парадигмального (или непарадигмального) характера социально-психологического знания. Выделение ключевых понятий, в которых описываются в том или ином направлении «сквозные» проблемы социальной психологии, представляется весьма продуктивным принципом анализа истории всякой дисциплины. Как справедливо отмечает М. Г. Ярошевский, «история школ и их взаимоотношений, влияние дискуссий между сторонниками различных школ на последующую эволюцию научных идей — эти и многие другие аспекты коммуникативно-информационной деятельности ученых не могут быть расшифрованы без категориального ключа, без представления об основных формах, структурах, категориальных схемах за-

кономерно развивающегося психологического знания» [Ярошевский, 1974, с. 53].

Своеобразным предшественником понятия парадигмы, сложившегося в социальных науках, является понятие «концептуальная рамка» (не вполне совершенный перевод английского выражения «frame of reference»), имеющее широкое хождение среди американских социологов и социальных психологов. «Понятийная (или концептуальная) рамка (или схема)» — это не просто набор понятий, свойственных тому или иному ученому, направлению, школе, но более емкое представление, фиксирующее как бы общий контекст, в рамках которого работает исследователь. Понятно, что такая «понятийная рамка» может характеризовать и определенную школу, и подход к определенной проблеме. Поэтому, например, в «Руководстве по социальной психологии» Линдсея и Аронсона имеются неоднократные ссылки на то, что выделенные ими теоретические направления различаются прежде всего именно по этой «frame of reference».

Может возникнуть вопрос: есть ли необходимость так старательно стремиться к фиксированию различий между теоретическими направлениями, если их значение вообще представляется сегодня не слишком важным, поскольку смешивание различных теоретических принципов в рамках одного и того же исследования стало, по существу, нормой в американской социальной психологии? Но сомнение это вряд ли правомерно. Ведь даже для того, чтобы зафиксировать факт смешения теоретических принципов, надо точно установить, какие именно принципы смешиваются. Отсутствие четких границ между теоретическими ориентациями есть констатация наличного состояния социальной психологии в США. Однако отсутствие этих четких границ может быть установлено только в том случае, если точно описана каждая ориентация. Когда теоретические направления становятся специальным предметом исследования, следует, очевидно, решать две задачи: надо описать каждое из этих направлений, а затем проследить конкретные формы их соотношения, наложения одного на другое в каждом отдельном случае. Гораздо более значимым в условиях теоретического эклектизма является, конечно, не стремление во что бы то ни стало однозначно «отнести» того или иного исследователя к какому-либо направлению, но проследить, каким образом в его исследованиях сосуществуют, сочетаются различные теоретические подходы.

Это сосуществование может проявляться как прямо, так и косвенно. Скажем, когда Дж. Тибо и Г. Келли — ученики и последователи Левина работают не столько в рамках теории поля, сколько в довольно типичной манере бихевиоризма, мы можем наблюдать одну из возможных моделей смешения стилей. Другая возможная модель — прямое соединение двух различных подходов, как это имеет место, например, у Дж. Хоманса, который одновременно развивает интеракционистскую традицию и вместе с тем демонстрирует отдельные элементы «чистого» бихевиоризма. Наконец, есть и третья модель — переход проблематики, традиционной для какой-нибудь школы, в другую школу. Несмотря на известную обязательность «отнесения» любого социально-психологического направления ко всем основным проблемам социальной психологии, некоторая приверженность к определенному кругу проблем, «особый вкус» к ним все же присутствуют в разной мере в каждом из них.

В подтверждение этого можно привести ряд примеров. Так, типичной проблемой, исследуемой в рамках бихевиористской ориентации, является проблема научения. Сам термин в значительной степени представляет «бихевиористскую парадигму». Однако проблема научения ставится и в других теоретических ориентациях, например представителями когнитивизма. Напротив, в исследования бихевиористов перешли феномены агрессии и фрустрации, анализируемые преимущественно в традиции психоанализа; теперь они получили новую жизнь в работе Миллера и Долларда — авторов, представляющих в целом бихевиористскую позицию. Особенно разительным является пример с двумя ключевыми проблемами когнитивистской ориентации — социальной перцепцией и изменением аттитюдов. Внимание к ним задано в исходных принципах когнитивизма — это «исконные» проблемы данного направления. Однако при исследовании аттитюдов не менее солидную традицию создал в настоящее время и бихевиоризм: его представителя К. Ховланда иногда называют главой особой школы изучения аттитюдов [Шихирев, 1973].

Впрочем, последнее связано и еще с одним обстоятельством. Из всех названных четырех теоретических направлений в американской социальной психологии особое место начинает занимать когнитивизм. Проблематика когнитивистских теорий оказывается наиболее распространенной. Так, например, исследования аттитюдов — это вообще целая «эпоха» или уж во всяком случае четко фиксированная самостоятельная область американской социальной психологии XX в. То же относится к исследованиям социальной пер-

3 – 2483

цепции. МакГвайр отмечает, что, например, в 30—40-е годы количество публикаций по исследованиям аттитюдов росло быстрее, чем всех прочих публикаций по социальной психологии. В 60-е годы «фаворитом» становится другая проблематика. Однако прогнозируя дальнейшее развитие социальной психологии, можно утверждать, что на роль «фаворита» снова выдвигается традиционная для когнитивистской ориентации проблема. По мнению МакГвайра, это будет проблема «языка» (в духе исследований Н. Хомского), если ее не оттеснит другая «темная лошадка», именуемая «социальной перцепцией» [McGuire, 1968, p. 141].

Как станет ясно из последующего изложения, прогноз МакГвайра оказался в значительной степени верным: действительно, к концу столетия когнитивизм занял практически доминирующее место (см. главу 3 данной работы). Вместе с тем ориентация на бихевиоризм практически не получила дальнейшего развития, хотя сохранила свои позиции. Самые серьезные преобразования коснулись психоаналитической ориентации. В двух подробных руководствах по социальной психологии 80—90-х годов эта ориентация вообще не называется, поскольку ее значение в большей мере оказалось утраченным [Lindzey, Aronson, 1985]. Без всяких оговорок психоаналитическая ориентация просто не упоминается в обзоре американской социальной психологии 90-х годов [Deaux, Dane, Wrightsman, 1993][5]. Вряд ли такой «суровый» приговор можно считать адекватным: происходит совершенно специфическое развитие некоторых принципиальных идей данной ориентации в рамках современной гуманистической психологии.

Особняком продолжает стоять проблематика интеракционистской концепции, связанная преимущественно с исследованием символизма, ролей, референтных групп и т.д. Но и в этом случае, например, идея социальной роли (не в качестве основы ролевой теория личности, а именно как общая идея) присутствует в работах представителей других направлений. Такой переход проблем и понятий из одной теоретической ориентации в другую является, конечно, естественным процессом: он фиксирует тот факт, что в исследованиях накапливается много «общих мест», которые безот-

---

[5] Любопытно, что эта работа, которая так и называется «Социальная психология в 90-х» («Social Psychology in the '90s»), повторяет серию своеобразных «отчетов» о развитии американской социальной психологии по десятилетиям. Кстати, в работе «Социальная психология в 70-х» («Social Psychology in the '70s») фигурируют еще четыре теоретические ориентации, в том числе психоаналитическая.

носительно к их генезису включены в «тело» социальной психологии как науки. Однако их традиционная привязанность к одному из направлений должна быть тщательно исследована, чтобы при оценке содержания концепции того или иного автора не ошибиться под воздействием чисто внешних, терминологических факторов.

3. «КАЧЕСТВО» И ФУНКЦИИ ТЕОРИЙ

При анализе перспектив развития американской социальной психологии редко обсуждается вопрос о возможных изменениях самого набора сложившихся теоретических ориентаций. Ряд авторов сходится в том, что решающие изменения, которые, возможно, произойдут в социальной психологии, будут касаться не изменения *характера* и *содержания* теорий, но изменения *способа* их использования. Иными словами, наиболее актуальным представляется вопрос о методологической роли теорий в социально-психологическом исследовании. Этот вопрос ставится в общем русле той методологической рефлексии, которая с особой силой развивается в последние годы, причем не только в социальной психологии, но во всей системе научного здания. Для социальной психологии дискуссия подобного рода является особенно значимой в связи с «маргинальностью» ее положения, в связи с молодостью ее как науки, наконец, в связи с большой сложностью объекта ее исследований.

В методологическом ключе поставлены два вопроса относительно судеб теоретического знания в социальной психологии, о его роли, значении, трудностях: как соотносятся теоретический и эмпирический уровни социально-психологического исследования и каково отношение теоретического знания к проблеме ценностей? Масштаб рассмотрения каждого из этих вопросов весьма различен: в собственно американской литературе первый разбирается более подробно, в постановке и рассмотрении второго доминирующую роль начинают играть социальные психологи из европейских стран.

3.1. Критерии «качества» и связь с эмпирией

Проблема соотношения теоретического и эмпирического уровней знания существует, разумеется, в любой научной дисциплине.

В своем философском, гносеологическом аспекте она специально исследуется в различных системах, а в последние годы — в специальной области — логике и методологии научного исследования. Однако рано или поздно к этой проблеме вынуждены обращаться и сами исследователи, работающие в конкретных областях науки. По-видимому, такая необходимость возникает на определенном этапе развития научной дисциплины, когда, с одной стороны, рождается потребность «остановиться, оглянуться», отдать себе отчет о качестве получаемых знаний, о возможностях науки, с другой стороны, когда накоплен достаточный материал, на основании которого можно строить такой анализ.

Однако в различных научных дисциплинах мера осознания этой потребности и острота проблемы выглядят по-разному. В силу ряда конкретных обстоятельств истории каждой науки эти вопросы могут отодвигаться на более ранние или более поздние этапы. В свое время дискуссии подобного плана были, например, актуальны даже для такой устоявшейся дисциплины, как физика, что было связано с кризисом, разразившимся в этой науке на рубеже XIX–XX столетий. В других науках, по-видимому, можно констатировать относительное безразличие к указанной проблематике. Но этого никак нельзя сказать о любой из наук, связанных с изучением человека.

Существует ряд объективных причин для возникновения здесь острого интереса к проблеме соотношения теоретического и эмпирического знания. Сам объект исследования в данном случае настолько сложен, что уже он порождает размышления над судьбой и возможностями применения классических схем эксперимента. Кроме того, имеет значение и специфика исторического развития таких дисциплин, как психология и социология, в частности факт довольно длительного их существования в недрах философии и потому значительная зависимость от чисто философской традиции, с трудом допускающей переключение на рельсы экспериментального развития. Отсутствие хорошо разработанных моделей теоретического знания для дисциплин подобного рода (поскольку само становление методологии науки опиралось всегда на опыт естествознания) выступает уже как «вторичная» причина, порожденная двумя первыми. И наконец, острота содержательных проблем, исследуемых в этих науках, тесная их связь с реальными социальными проблемами общества, их неизбежная идеологическая включенность, ярче всего проявляющаяся именно на уровне

теоретического знания, также обусловливают как особую трудность в решении методологических вопросов, так и особую ответственность, которая здесь обязательно должна присутствовать.

Весь комплекс этих причин в полной мере проявляется в социальной психологии, будучи дополнен еще и такой специфической причиной, как рождение ее на стыке двух наук — социологии и психологии. Как мы старались показать, и в той, и в другой «родительской» дисциплине вполне достаточно своих собственных проблем, и социальной психологии приходится наследовать эти двойные трудности. Конечно, в общей форме она подчиняется тем элементарным требованиям, которые предъявляются ко всякой науке, в том смысле, что теория и эмпирический материал должны здесь тесно взаимодействовать. Но коль скоро теория зачастую отождествляется со «спекуляцией», а практика эксперимента осмысливается через призму неопозитивистских канонов научного знания, элементарное требование перерастает в подлинную проблему.

Отвлекаясь от вопроса о том, *какая* теория направляет исследование или должна направлять его, многие американские авторы вынуждены поднимать вопрос о том, должна ли *вообще* теория присутствовать в «теле» строго экспериментальной социальной психологии, должны ли вообще элементы теоретического знания (а могут ли они) быть включенными в ткань экспериментального исследования. Интересно, что в серьезных руководствах этот вопрос обсуждается на таком элементарном уровне, что исследователю в области логики и методологии науки это вообще может показаться трюизмом. В учебных пособиях иногда прилежно переписываются истины, что «эмпирические данные являются существенными для понимания социального поведения, но один эмпиризм не ведет к большому успеху ни в одной науке. Эмпирические данные должны быть организованы и соотнесены так, чтобы они могли быть интерпретированы и объединены. Это функция теории» [Shaw, Costanzo, 1970, p. 7]. Бесспорное само по себе, это утверждение представляется настолько тривиальным, что, казалось бы, могло быть опущено, принято как данное, но его приходится повторять и приводить, ибо на общем атеоретическом фоне состояния социальной психологии и оно требует если не защиты, то по крайней мере пропаганды. Очевидно, этим следует объяснить тот относительно низкий уровень обсуждения этой проблемы, который можно констатировать в литературе.

Что касается понимания природы теорий, то и здесь большинство высказываемых идей не являются слишком оригинальными и даже вполне корректными с точки зрения современной логики науки. Они демонстрируют собой, скорее, первые шаги в попытках приобщиться к сложным формам методологической рефлексии. Отказавшись от идеи «большой» теории в социальной психологии, исследователи анализируют природу теории на примерах «теорий среднего ранга». Обычно прежде всего задаются некоторые общие требования теоретическому знанию, почерпнутые из получивших широкое распространение принципов логики и методологии науки.

Так, Дойч и Краусс напоминают такие критерии научной теории: 1) наличие абстрактного логического скелета теоретической системы, определяющего ее основные понятия; 2) наличие теоретических конструктов, которые снабжают этот скелет более или менее наблюдаемым материалом; 3) наличие правил, соединяющих эти конструкты с данными [Deutsch, Krauss, 1965, p. 6]. В общем, и здесь сформулированы достаточно бесспорные и известные принципы, которые пригодны как первые шаги в азбуке методологических проблем науки, но которые очень мало дают в плане рекомендаций для конструирования теорий в социальной психологии.

Иногда, правда, делаются попытки вынести проблему на более конкретный уровень — адаптировать ее к нуждам социально-психологического знания. Примером может служить изложение этого вопроса Р.Сиерсом: «Под теорией я понимаю сеть переменных и предложений, связывающих их между собой как антецеденты и консеквенты (определения, постулаты, теоремы). При этом критериями «хорошей» теории являются два следующих признака:

а) экономичность теории, т.е. ее способность подчинить многие наблюдаемые отношения единому систематическому принципу;
б) возможность теории использовать многочисленные переменные и принципы в различных комбинациях для предсказания явлений» [см.: Hollander, Hunt, 1972, p. 46].

При современной тенденции к построению различного рода метатеорий такое рассуждение также закономерно — здесь предпринята попытка «отнестись» к качеству теорий, взятых на вооружение социальной психологией. Но все дело в том, что подобная

трактовка метатеоретического анализа, распространенная, кстати, не только в социальной психологии, крайне узко понимает содержание метатеории. При таком подходе осуществляется лишь логическая оценка теории, когда анализу подвергается только ее логическая структура, логические основания связи ее положений, т.е. при изложении проблемы присутствует значительный философский инфантилизм. Он проявляется в отсутствии каких-либо попыток представить проблему в русле ее гносеологического, эпистемологического понимания.

В лучшем случае обсуждаются чисто логические проблемы построения теорий, критерии «хорошей» теории, соотношения понятий и гипотез внутри нее и т.д. Правда, вопрос о «хорошей» теории решается с учетом некоторой специфики социально-психологического знания. Так, в руководстве Шоу и Костанцо сформулировано пять критериев «хорошей» теории: 1) она должна быть настолько простой, насколько это возможно, ее положения и гипотезы должны быть сформулированы в принятых терминах, чтобы легко осуществлялась коммуникация с другими исследователями в этой области; 2) «хорошая» теория должна быть экономной в своих объяснениях феноменов. Хотя бритва Оккама и канон Моргана — пройденный этап в развитии науки, но и сегодня остается верным, что теория, обходящаяся меньшим количеством объяснений, предпочтительнее, чем та, которая употребляет их в большем количестве; 3) «хорошая» теория не должна противоречить другим соотносящимся с ней теориям, которые имеют большую вероятность истинности. Если теория противоречит им, это еще не доказательство ее негодности, но вероятность ее истинности снижается; 4) «хорошая» теория должна давать такие интерпретации, чтобы было возможно установить «мост» между ними и реальной жизнью. Теория, которая с трудом соотносится с наблюдаемыми явлениями, не вносит большого вклада ни в науку, ни в повседневную жизнь; 5) «хорошая» теория должна служить не только цели объяснения того, что предполагается объяснить, но и общему прогрессу науки. Другими словами, она должна создавать основу для исследований, стимулировать и руководить исследователями в их стремлении понять мир [Shaw, Costanzo, 1970, p. 13—14].

Несмотря на очевидную резонность этих требований, они все же вновь являются настолько общими, что круг «хороших» теорий, выделенных по этим критериям, окажется неизбежно слишком широким. Возможно, что такое сознательное (или несозна-

тельное) занижение критериев теорий в данном случае является одним из «защитных механизмов» социальных психологов. Дело в том, что главной задачей для социальной психологии является не просто констатация некоторой образцовой модели теории, а сопоставление с ней реально функционирующих теорий. Если же пользоваться теми жесткими критериями, которые обычно задаются логикой науки, то ни одна из реально существующих социально-социологических теорий не выдержит такого сравнения. Это и понятно, ибо критерии обычно разрабатываются на основе теорий, существующих в развитых, притом точных науках, они не приспособлены к специфике социально-психологического знания.

Социально-психологические теории не включают в себя развитой сети гипотез, органично связанных друг с другом, они не обладают чертами дедуктивных теорий, где одни положения могут быть строго выведены из других. Открытие такого несоответствия не есть факт, неизвестный ранее: по существу, обсуждением этого факта наполнена вся история гуманитарных наук. Начиная с неокантианской философии, поставившей со всей остротой вопрос о различии «наук о природе» и «наук о культуре», и кончая позитивизмом с его принципом унификации знания, эта проблема бесконечно варьируется в различных современных системах философии и науковедения. Однако так обстоит дело в специальных областях знания, где названные вопросы есть основной предмет обсуждения. В конкретных же науках проблема как бы «открывается» каждый раз заново. Примерно такая ситуация сложилась в американской социальной психологии в середине XX столетия.

Если в период максимального пика экспериментальной ориентации вопрос о теориях вообще не ставился или высказывалась мысль о невозможности (или несовершенстве) теоретического знания в этой области, то сейчас известное возрождение интереса к теории дает довольно любопытную трактовку проблемы. Сторонники развития теоретической социальной психологии принимают упрек в логическом несовершенстве большинства социально-психологических теорий, но *тем не менее* обосновывают право на существование таких *несовершенных* теорий. Одним из распространенных аргументов в пользу такого рода теорий является ссылка на специфику предмета социальной психологии, в частности на молодость этой науки, что с неизбежностью приводит к использованию в социально-психологических теориях обыденного языка.

Дедуцирование положений из суждений, сформулированных обыденным языком, не является строго логической процедурой: исследователь здесь часто вынужден опираться на невыразимые «посылки, на интуицию и т.д. Такое обращение к обыденному языку — признак всякой молодой науки. Поэтому теории в ней никогда и не могут быть уподоблены строгим дедуктивным теориям, свойственным прежде всего математике и логике. Для социально-психологических теорий, таким образом, следует выдвинуть иные критерии их продуктивности: здесь продуктивность означает такую связь положений друг с другом, при которой возможны эмпирически осмысленные предсказания. Поскольку обыденный язык релевантен реальному миру, им можно пользоваться при конструировании теорий, хотя в дальнейшем развитии научной дисциплины неизбежен переход к большей их формализации [Deutsch, Krauss, 1965, p. 7]. Шоу и Костанцо добавляют к этому: «Социальная психология поздно пришла в бизнес развития теорий. Ни одна из ее теорий не есть теория в строгом смысле слова. Но теоретическая точка зрения стимулирует и ведет исследование» [Shaw, Costanzo, 1970, p.14], и поэтому разработка теорий — важнейшая задача социальной психологии.

Приведенные рассуждения весьма показательны. В них в специфической форме реализуется та тенденция в развитии современного знания, которая на Западе обычно ассоциируется с так называемой «гуманизацией» науки в противовес ее строго «сциентистской» ориентации.

3.2. Проблема ценностей в социально-психологической теории

В то время как сциентизм в науке продолжает диктовать неопозитивистские каноны исследования и ориентировать образ всякой дисциплины на модель естественных наук, антисциентистское течение стремится включить в систему научного знания в гораздо большей степени собственно «человеческую» проблематику. Философское обоснование этой «гуманистической» ориентации в значительной мере разрабатывается представителями Франкфуртской школы (М. Хоркхаймер, Ю. Хабермас, Г. Маркузе, Э. Фромм, Т. Адорно), причем одним из ее идейных источников в свое время послужили работы Фрейда. Анализ идейной платформы этой школы не входит сейчас в нашу задачу, тем более что ее философские

и социальные позиции всесторонне исследовались [Андреева, 1974]. Весьма абстрактный характер «гуманизма», предлагаемый теоретиками этой школы, так же как и весьма умеренная окраска «критической» теории, привлекали в определенной степени тех западных исследователей, которые активно выступают против безраздельного господства позитивизма.

В области социальной психологии можно слышать сознательные или бессознательные апелляции к идеям Франкфуртской школы [Андреева, 2000], которые представляют собой не вполне последовательную, но все же попытку вырваться из жестких неопозитивистских схем науки. Одно из требований, которое руководит подобной позицией, — признать специфику теорий, не сформулированных по точным канонам естественно-научного знания. Особенно важно, что такого рода попытки предприняты не профессиональными «методологами», а исследователями-«предметниками». Уже признание того факта, что общая позитивистская платформа ответственна в конечном счете за чрезмерное сужение проблематики теоретического знания, является чрезвычайно важным.

Отчет в этом отдавали себе многие американские социальные психологи, выступившие в защиту социально-психологической теории. Г. Олпорт в обзорной статье, помещенной в «Руководстве» Линдсея и Аронсона, пишет: «Появление позитивизма, защитником которого был Конт, привело к существованию нетеоретической ориентации» [see: Lindzey, Aronson, 1968, p. 69]. Связь этой ориентации с позитивизмом осознается и многими другими, связанными непосредственно с исследовательской практикой, учеными. Поэтому их умозаключения носят весьма конкретный характер: выражается опасение, что насильственная формализация социально-психологических теорий, втискивание их в прокрустово ложе моделей, заимствованных из математики и логики, приводят к известной «стерилизации» социальной психологии. Стремление к формализации теорий во что бы ни стало на данном уровне развития социальной психологии, по мнению этих исследователей, может привести к выхолащиванию представления о реальных свойствах социального поведения, к концентрации внимания лишь на чистых его «механизмах», к игнорированию вопросов о *сущности* социального поведения.

Опасения такого рода весьма симптоматичны, так же как и призывы задать совершенно новые образцы исследований. Но все дело в том, что платформа, с которой пытаются преодолеть сциентистскую ориентацию, объективно, по-видимому, в значитель-

ной степени сохраняет родимые пятна позитивистского образа мышления. Они приобретают зачастую характер стереотипов, «общих мест» и потому не осознаются в качестве проявления того философского подхода, против которого направлены субъективные устремления. Такова чисто методологическая подоплека ограниченности усилий, предпринимаемых в защиту теоретического знания в социальной психологии США. Но кроме того, есть и более глубокого порядка причина, связанная с социальной функцией социально-психологических теорий, с той ролью, которую играет социальная психология в обществе.

Конкретным выражением этой стороны проблемы и является дискуссия об отношении социально-психологической теории к проблеме ценностей. Она развивается на более широком фоне — на фоне отношений к проблеме ценностей социальных теорий вообще, обсуждение которой имеет солидную традицию. Дискуссия была начата — в современном ее варианте — в неокантианской философии, и в особенности в работах М. Вебера. Смысл дискуссии сводился к тому, допустимо ли включение ценностных суждений в строгую логику научного знания.

Как известно, сложилось два подхода к этому вопросу. Один из них, и в целом это свойственно позитивизму, исключает ценностные суждения из арсенала науки, формулирует достаточно строгий запрет их присутствию в научном исследовании. Более того, ценностные суждения противопоставляются научным, объективным суждениям: ценностные суждения рассматриваются как атрибуты подхода философов, поэтов, но не исследователей. Другой подход требует известного различения наук, имеющих дело с человеком, обществом, и наук, не имеющих отношения к этим проблемам. Согласно этому подходу, проблема ценностей не может решаться одинаково в двух этих случаях. Социальные науки не могут отгородиться от проблемы ценностей. Здесь эта проблема неизбежно выступает в двух аспектах: во-первых, может ли быть наука безразлична к содержанию ценностей общества или она обязана формулировать свое отношение к ним, иными словами, должен ли быть исследователь только наблюдателем или также активным участником процессов, причем с точно заявленной позицией; во-вторых, проникают ли ценности, или, точнее, ценностная точка зрения, в сам процесс научного познания, научного исследования. Если да, то не влияет ли это на объективность получаемых данных.

Несмотря на давнюю историю этой проблемы, для социальной психологии она также была открыта заново лишь на относительно позднем этапе развития науки. Она приобрела здесь специфические черты в связи с особенностями самого предмета, а также в связи с особенностями исторического развития этой дисциплины. Естественно, что в период безусловного господства экспериментальной традиции постановка проблемы ценностей в социально-психологическом знании практически исключалась: в самом деле, если принять, что наука развивается, основываясь на сциентистских стандартах исследования, если само исследование приобретает статус *научного* лишь в том случае, когда оно базируется на количественных методиках, на верификации построенных гипотез (в строгом позитивистском понимании этого термина), ценностный аспект просматривается весьма трудно. Но критическая установка относительно плоского эмпиризма ломает такую традицию. Можно оказать, что проблема ценностей прямо-таки «врывается» в современную социальную психологию. Она приобретает здесь свое собственное содержание, но, конечно, в целом находится в русле исканий, общих для всех общественных наук.

В дискуссии о роли ценностей в социальном знании четко фиксируются три таких аспекта: 1) анализ ценностей, избираемых в качестве предмета научного исследования; 2) ценностные положения как постулаты избранной ученым, принимаемой им социальной системы; 3) ценности самой науки, ее «результативность» [см.: Андреева, 1974]. Эти три аспекта в разной мере касаются социальной психологии.

Естественно, что первый аспект значительно ближе дисциплинам, исследующим специально проблему ценностей, — этике, аксиологии и т.д., хотя и в нем можно усмотреть некоторые социально-психологические проблемы, прежде всего вопрос о том, как индивид усваивает ценности общества в процессе социализации, какую роль играют ценности в интеграции социальных групп и т.д. [Жуков, 1976, с. 254].

Второй аспект также имеет отношение и к социальной психологии в том смысле, что и здесь исследователь как в академической, так и во внеакадемической деятельности обязательно фиксирует свою общественную позицию, вырабатывает отношение к той системе общества, в которой и для которой он работает. Иными словами, этот аспект проблемы ценностей связан с направленностью практических рекомендаций, которые исходят от науки. Для

социальной психологии эта проблема крайне актуальна в связи с решением кардинального вопроса социально-психологического знания: какова цель социально-психологического «вмешательства» в реальную жизнь, в реальные проблемы общества? Если прогресс социальной психологии должен привести к возрастанию возможностей управления человеческим поведением и деятельностью, то не приведет ли это к такой манипуляции людьми и их судьбами, которая встанет в противоречие с идеалами свободного развития личности? Вышедшая в 1971 г. в США книга Б. Скиннера «По ту сторону свободы и достоинства» дает серьезные основания для опасений такого рода. Разработанная на основе бихевиористской парадигмы «поведенческая технология» своим общим обликом в сильной степени отдает политической программой фашизма [Skinner, 1971]. Какой бы «крайне экспериментальной» ни казалась позиция того или иного исследователя, в условиях возросшего значения научных рекомендаций в современном обществе ни один из них не может обойти принятие или отвержение ценностей социальной системы, ради которой разработаны эти рекомендации.

Наконец, третий аспект проблемы ценностей — включение ценностных суждений в самую ткань научного исследования, пожалуй, с особой остротой встает перед социальной психологией. Понятно, что сциентистская модель социальной психологии как науки, свойственная периоду крайне экспериментальной ее ориентации, исключает саму возможность постановки и такой проблемы. Для сциентизма включение ценностных суждений в структуру научного исследования *снижает* качество знания, *искажает* объективную картину мира, получаемую посредством строгих и точных методов сбора данных. Инструментальный характер социально-психологического знания, к которому неизбежно призывает сциентистская ориентация науки, принципиально разрывает роль исследователя и гражданина, поэтому так категорически и отрицает допустимость ценностных включений в науку.

Но тот перелом в понимании задач социальной психологии, ее роли и места в обществе, который наметился в середине века и доказательством которого является возрастание интереса к теоретической мысли, по-видимому, неизбежно должен изменить и отношение к проблеме ценностей в этом, третьем, смысле. Поэтому, особенно в последние годы, наблюдается как минимум конкретизация постановки этой проблемы в социально-психологическом знании. Выражением этого относительно нового подхода яв-

ляется, например, дискуссия об этических проблемах социально-психологического эксперимента [Кэмпбелл, 1980], о необходимости эпистемологического анализа социально-психологических теорий [Джерджен, 1995] и т. д. И хотя основной ток в инициировании этих проблем исходит не от американских авторов, все же и здесь нельзя не обнаружить оживления интереса к этой проблематике, как это следует из упомянутых работ.

Таким образом, оба вопроса, касающиеся природы социально-психологических теорий, — соотношение эмпирии и теории в исследовании, роль ценностей в теоретическом знании — приобрели настолько большую актуальность, что редкая публикация обходится без их обсуждения. Эти проблемы, подчас достаточно старые, становятся новыми для социальной психологии, они открываются для нее заново. Все это в значительной степени изменяет общую атмосферу в сообществе социальных психологов. Изгнанные в свое время с презрением в качестве «спекуляций», сугубо философские эпистемологические вопросы вновь допускаются в арсенал исследователей[6].

Не нужно преувеличивать значения таких направлений деятельности социальных психологов. Основная масса исследований попрежнему представляет собой довольно инертный и стабильный массив, где авторы публикаций не касаются вопросов сколько-нибудь общего плана. В «теле» каждой науки, и в том числе социальной психологии, выделяются как минимум три области: теория, методология, практика исследований. Именно эта, третья часть и составляет главный массив американских социально-психологических работ, она же имеет все основания гордиться наиболее ощутимыми результатами, она же остается наиболее устойчивой по отношению к происходящим в науке изменениям. В то время как в области теории и методологии идут горячие споры, практика исследований движется в рамках, заложенных десятилетия тому назад. Стоит бросить поверхностный взгляд на общую панораму современной социальной психологии в США — и можно прийти к ошибочных выводам: малоизменчивый массив исследований мо-

[6] В полном объеме эта проблема обсуждается в современной психологии социального познания. Здесь к упомянутым вопросам прибавляется еще и дискуссия о роли ценностей в самом процессе познания социальных явлений не только исследователем, но и «обыденным» человеком. Интересно, что видный вклад в обсуждение этой проблемы вносят в том числе и многие американские авторы [см. подробнее: Андреева, 2000].

жет создать впечатление, что никаких особо новых веяний здесь нет, что все продолжает двигаться по рельсам давно устоявшихся принципов.

Чтобы это обманчивое впечатление не восторжествовало, нужно внимательно анализировать новые процессы, коренящиеся прежде всего в наиболее удаленных от непосредственной практики исследований областях науки — в методологии и теории. Здесь, где сами исследователи рефлексируют свою собственную деятельность, существует больше возможностей схватить уходящие и нарождающиеся тенденции, новые линии развития. Анализ основных теоретических ориентаций в социальной психологии превращается в своеобразный ключ, при помощи которого в более ярком свете высвечиваются как успешные находки, так и безуспешные поиски, характерные для общего состояния дисциплины. Естественно, такой анализ не охватывает всего объема науки. Исследовательская практика представлена чрезвычайно широким кругом феноменов. Она включает в себя не только эксперименты, но и различного уровня обобщения, которые, будучи отнесенными к определенному кругу явлений, также иногда обозначаются термином «теория» («теория малых групп», «теория аттитюдов», «теория лидерства» и т.д.). Критический анализ каждой такой предметной области исследований — особая задача. Предварительным условием для ее решения является выявление, описание, критика именно наиболее широких принципов подхода к изучаемой реальности, которые и составляют содержание теоретических ориентаций в социальной психологии XX столетия.

НЕОБИХЕВИОРИСТСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Начиная изложение теоретических ориентаций зарубежной социальной психологии с необихевиоризма, нам хотелось бы избежать впечатления, которое может сложиться у читателя, будто мы исходим из предпосылки, что эта ориентация является преобладающей в настоящее время. Как покажет последующий анализ, ряд социально-психологических проблем действительно «монополизирован» данным направлением, однако вряд ли можно говорить сегодня о его господствующем влиянии. Интересны в этом отношении сведения, полученные в 1963 г. американским психологом У. Ламбертом на основе анализа социально-психологических публикаций, представленных в «Journal of Abnormal and Social Psychology» (1960–1961). Оказалось, что 20 исследований можно считать выполненными в рамках необихевиористской традиции, 19 — в неофрейдистской ориентации, 22 — в традициях когнитивизма [Lindzey, Aronson, 1968–1969, p. 115]. (Интеракционистская ориентация в данном случае опущена из рассмотрения.) На наш взгляд, подобное соотношение сохраняется и в настоящее время, т.е. преобладающей является когнитивистская направленность работ, хотя и остальные ориентации занимают близкое по влиянию положение.

Можно также привести следующее мнение зарубежных авторов о степени влияния необихевиоризма на современную социальную психологию. «Среди социальных психологов, — пишут С. Бергер и У. Ламберт, — эта теория и установленная ею традиция не получили широкого одобрения, сопровождавшего более когнитивно ориентированные теории с менее строгими и не столь хорошо установленными традициями» [Lindzey, Aronson, 1968–

1969, p.81]. Тем не менее, отмечается далее, неверно в настоящее время связывать образ данной ориентации лишь с исследованием поведения крыс. Существует довольно много попыток ее приложения к изучению социально-психологических явлений.

В данном контексте нашей задачей является именно анализ теорий, выросших из приложений традиционной психологической ориентации к социально-психологическим явлениям. В самом общем плане необихевиоризм в социальной психологии представляет собой экстраполяцию принципов, разработанных в традиционном бихевиоризме и необихевиоризме, на новый круг объектов — объекты социально-психологического знания. Не рассматривая здесь бихевиоризм во всех его аспектах, коснемся лишь отдельных его положений и характеристик, релевантных именно анализу социально-психологических явлений.

Отмеченное большое влияние, оказанное и оказываемое на западную социальную психологию неопозитивистской философской традицией, особенно ярко проявляется на примере необихевиоризма. Рассматривая необихевиористскую ориентацию, следует с самого начала подчеркнуть, что именно необихевиоризм наиболее полно, эксплицитно или имплицитно реализует в социальной психологии методологические принципы философии неопозитивизма.

Неопозитивистский методологический комплекс, на который объективно ориентирован необихевиоризм, включает следующие основные принципы: абсолютизацию стандарта научного исследования, сложившегося в естественных науках, — в этом смысле все науки должны развиваться по образу и подобию естественных наук; верификацию (или фальсификацию) и операционализм; натурализм, т.е. игнорирование специфики поведения человека; негативное отношение к теории и абсолютизацию эмпирического описания, основанного на фиксации непосредственно наблюдаемого; отказ от ценностного подхода, стремление элиминировать ценностные установки по отношению к изучаемым объектам как препятствующие достижению истины и вообще научности; принципиальный разрыв связей с философией. Социально-психологическая реализация этих общих гносеологических положений может быть естественно прослежена лишь при изложении конкретных вопросов. Сейчас важно только отметить, что авторы, представляющие необихевиористскую ориентацию в социальной психологии, различаются между собой, в частности с точки зре-

ния жесткости следования вышеуказанным методологическим принципам.

Известно, что еще в 30-е годы произошло своего рода размежевание в психологической школе бихевиоризма. Наряду с ортодоксальной линией развития выделилась линия развития «смягченного» бихевиоризма, или необихевиоризма, связанная в первую очередь с именами Э. Толмена, К. Халла и отмеченная усложнением традиционной бихевиористской схемы *S—R* за счет введения промежуточных переменных, так называемых медиаторов. В нашу задачу не входит анализ взглядов этих авторов, возглавивших направление необихевиоризма, — такая работа достаточно обстоятельно выполнена в отечественной литературе [Ярошевский, 1976]. Необходимо только отметить, что в гносеологическом плане изменения 30-х годов были связаны именно с различного рода и масштаба отступлениями от жестких принципов неопозитивизма, от слишком прямолинейного следования им. Наметившийся тогда водораздел между ортодоксальным бихевиоризмом и его реформированным крылом сохраняется в своеобразном виде вплоть до настоящего времени. И в области социальной психологии мы сталкиваемся с этими двумя тенденциями: радикальная линия наиболее четко представлена оперантным подходом Скиннера и его последователей, так называемая медиаторная линия развития представлена в социальной психологии наиболее широко и связана с такими авторами, как Н. Миллер, Д. Доллард, А. Бандура, Р. Уолтерс и др.

Как известно, психологические принципы, лежащие в основе необихевиористского подхода, являются современной разновидностью психологического ассоцианизма. Кроме того, для этой позиции характерно активное включение принципа психологического гедонизма, согласно которому стремление к удовольствию, к избежанию боли (в широком смысле) рассматривается в качестве основной мотивационной силы, основного фактора, детерминирующего поведение.

Что касается методического обеспечения данного направления, то его представители работают по преимуществу в рамках лабораторного эксперимента, причем культура эксперимента является традиционно развитой и высокой. Однако наметилась и тенденция сочетать лабораторный эксперимент с полевым исследованием. Она связана, в частности, с работами А. Бандуры. С его же именем в рамках данной ориентации ассоциируется переключение внима-

ния на эксперименты, испытуемыми в которых выступают люди, а не животные, что всегда было характерно для представителей бихевиоризма.

Основной проблемой бихевиористской ориентации традиционно является *научение* (*learning*). Именно через научение приобретается весь репертуар наблюдаемого поведения, за пределы которого исследователи обычно не выходят. В рамках бихевиоризма предложено общее описание хода научения и сформулирован ряд законов, принципов, относящихся к переменным ситуации научения. Пытаясь ответить на вопрос о том, как происходит научение, авторы фокусируют внимание на условиях окружения (среды) — стимулах, которые «ответственны» за приобретение, модификацию, ослабление определенных поведенческих образцов. Научение представляют как установление или изменение ассоциации между реакциями обучающегося и стимулами, которые побуждают или подкрепляют его.

Обычно проводится разграничение между двумя типами научения — научением типа *S* и научением типа *R*— соответственно двум вычлененным схемам научающего эксперимента. Схема так называемого классического обусловливания заимствована бихевиористами у И. П. Павлова. В этом случае экспериментатор воздействует на организм условным раздражителем (например, звонком) и подкрепляет его безусловным (например, подачей пищи), т.е. безусловный стимул используется для вызывания безусловной реакции в присутствии поначалу нейтрального стимула. После ряда повторений реакция ассоциируется с этим новым стимулом. Продуктом научения по такой схеме оказывается респондентное поведение — поведение, отвечающее на определенный стимул. Подача подкрепления здесь связана со стимулом, отсюда и обозначение данного научения как «научение типа *S*».

Схема так называемого оперантного, или инструментального, обусловливания разработана Скиннером. Суть научения по данной схеме состоит в том, что вместо предложения стимула, вызывающего определенную реакцию, экспериментатор, наблюдая за организмом, ждет случайного появления реакции в интересующем его направлении. Ее проявление сразу же подкрепляется. Продуктом научения по данной схеме оказывается оперантное поведение, или оперант. Скиннер так определяет разницу между респондентным и оперантным видами поведения: респондентное поведение вызвано стимулом, «предшествующим ему. Оперант — это поведение,

вызванное стимулом, следующим за ним» [Skinner, 1938, p. 2]. В данном случае подкрепляется уже не стимул, а реакция организма, именно она вызывает подкрепляющий стимул. Отсюда обозначение такого научения, как «научение типа *R*». Схема оперантного обусловливания занимает ведущее место в исследованиях необихевиористов в области социальной психологии.

Общность и различия между представителями современного бихевиоризма наиболее полно проявляются в категориальном аппарате. Существует единый набор используемых категорий, объединяющий сторонников данной ориентации. В то же время именно в их интерпретации наиболее рельефно выступают различия между отдельными авторами. В первую очередь это различия между сторонниками скиннеровского подхода и представителями умеренного крыла, которые находят свое проявление и в области социально-психологических исследований.

Понятия «стимул», «реакция» являются базовыми для данного направления в целом. Сторонники скиннеровского подхода определяют стимул как физическое, или материальное, событие, которое должно быть наблюдаемым и манипулируемым.

Сторонники медиаторного подхода уделяют основное внимание разделению стимулов и реакций на внутренние и внешние. Схему *S—R* они заменяют схемой *S—r—s—R*. Внутренние, имплицитные *r* и s выступают как медиаторы (посредники).

Весьма важным в этом словаре является понятие дискриминативного, или дифференцирующего, стимула. Это стимул, не вызывающий прямо условной реакции, но как бы сигнализирующий организму о ней. Лишь при наличии в экспериментальной ситуации этого стимула происходит оперантная реакция.

Другим важным термином в словаре бихевиоризма является термин *драйв* (drive) — побуждение. В скиннеровском подходе драйв определяется совокупностью операций, используемых для его установления. Здесь мы имеем как раз один из ярких примеров проявления операционализма. Драйв — это не реакция, не стимул, ни в коем случае не психологическое состояние, а просто термин для выражения отношения между некоторыми предшествующими операциями экспериментатора и силой ответа организма в результате. По мнению сторонников медиаторного подхода, драйв — это некая сила внутри организма (но не потребность), которая, достигая оптимума, активизирует поведение в направлении подкрепления и, следовательно, редукции драйва, иначе говоря, это импульс к

действию. Таким образом, для представителей медиаторного подхода характерен акцент на энергизирующей и, можно сказать, директивной функциях драйва.

Важной парой категорий выступают категории генерализации (обобщения) и дискриминации (различения). Если определять кратко сущность принципа генерализации, то это тенденция реакции, полученной на один определенный стимул, ассоциироваться с другим, новым, но похожим стимулом. Чем более подобны стимулы, тем успешнее генерализация. Это весьма важное объяснительное понятие в теории научения: генерализация оказывается основой объяснения, в частности быстрого овладения языком у ребенка. В социально-психологическом контексте для бихевиоризма встает сложный вопрос о генерализации двух или более стимулов, которые не имеют общих стимульных свойств. Например, внешние физические свойства слов могут быть различны, но их характеризует эквивалентность значений.

Дискриминация (дифференциация) имеет место, когда индивид научается различать подобные стимулы и отвечать на один, но не на другой вследствие дифференцированного подкрепления. «Подобно тому как организмы научаются «экономить» поведение, обобщая стимулы, они научаются специфически реагировать на отдельные стимулы» [Shaw, Constanzo, 1970, p. 34]. Дискриминация затрудняется, когда стимулы становятся слишком похожими. Оба процесса — генерализация и дискриминация — рассматриваются как весьма функциональные и адаптивные для организма.

Следующим важным понятием в бихевиористской традиции является понятие подкрепления. Определения подкрепления в скиннеровском подходе по сути представляют тавтологию. Позитивные подкрепления определяются как стимулы, которые, будучи представленными, усиливают реакции; негативные подкрепления — это стимулы, которые усиливают реакции, будучи устраненными. Определения сторонников медиаторного подхода несколько шире. С их точки зрения, подкрепление приводит к наблюдаемым изменениям во внешних реакциях.

Формы подкреплений могут варьировать от пищи и воды до элементов социального взаимодействия (например, одобрение словом). Последнее особенно характерно для представителей медиаторного подхода. Подкрепление эффективно постольку, поскольку оно сокращает уровень напряжения, создаваемого действием первичных и вторичных драйвов.

Приведенными понятиями, конечно, не исчерпывается весь набор понятий, характерный для бихевиоризма, однако они позволяют представить не только суть данного подхода, но и основные направления его социально-психологического приложения. Именно посредством этих относительно немногих концептов представители бихевиоризма пытаются описать приобретение и модификацию всех возможных типов поведения. Вместо того чтобы искать причины поведения в обращении к эмпирически ненаблюдаемым конструктам (например, в психоанализе это эго, суперэго), бихевиористы всецело усматривают их в истории подкреплений индивида и в его наличном окружении.

Обозначая круг социально-психологических теорий, разработанных в ключе необихевиористской ориентации, следует назвать прежде всего теорию агрессивного поведения, теорию подражания, связанные в первую очередь с именами Н. Миллера, Д. Долларда, А. Бандуры, теорию межличностного взаимодействия, представленную в работах Д. Тибо и Г. Келли, Д. Хоманса.

2. ТЕОРИИ АГРЕССИИ И ПОДРАЖАНИЯ

В развитии теорий агрессии и подражания можно вычленить два активных этапа: 40—50-е годы, связанные в основном с исследованиями Миллера и Долларда, и 60—70-е годы, связанные с работами Бандуры. Поэтому целесообразно рассмотреть последовательно эти два этапа.

2.1. Подход Н. Миллера и Д. Долларда

В конце 30-х годов была сформулирована ставшая впоследствии широко известной в психологической науке гипотеза фрустрации — агрессии. Ее авторами являются Н. Миллер, Д. Доллард, М. Дуб, Д. Маурер и Р. Сиэрс.

Интересно отметить, что, по мнению Л. Берковитца, данная гипотеза «должна рассматриваться среди первых примеров преимуществ, полученных от бракосочетания теории научения и психоанализа» [Lindgren, 1969, p. 610]. Доллард и его коллеги в своей работе признают себя обязанными Фрейду, полагая, что впервые основная идея связи фрустрации и агрессии представлена в его ранних работах. Авторы следующим образом сформулировали гипотезу: наличие агрессивного поведения всегда предполагает су-

ществование фрустрации и, наоборот, существование фрустрации всегда ведет к некоторой форме агрессии. Основные используемые в теории четыре понятия определяются следующим образом. Фрустрация — это любое условие, блокирующее достижение желаемой цели. Агрессия определяется «как поведение, цель которого — разрушить либо сместить фрустрирующий блок» [McDavid, Harary, p. 59]. Понятие «сдерживание» относится к тенденции сдерживать действия «вследствие ожидаемых негативных последствий вовлечения в них» [Steiner, Fishbein, 1966, p. 10], что, кстати, может явиться источником дополнительной фрустрации. «Кроме того, если другие условия препятствуют уничтожению или смещению фрустрации, это подстрекательство к агрессии может быть реализовано на других объектах» [McDavid, Harary, p. 59]. Для обозначения данного феномена используется понятие «смещенная агрессия», т.е. агрессия, направленная не против непосредственного источника фрустрации, а на какой-либо другой, как правило, «безобидный» объект. Эта черта агрессивного поведения обстоятельно анализируется в модели конфликта Миллера. «Смещение», или перенос (опять же термин из психоаналитической теории), в данном контексте может быть понят, по Миллеру, как случай генерализации стимулов. Многие виды социального поведения, например этнические и расовые предрассудки, интерпретируются в зарубежной социальной психологии с позиций данного подхода.

Рассматриваемая теория со времени своего возникновения претерпела определенные изменения, в частности в результате широкой практики экспериментальных исследований. Уже в 40-е годы авторы модифицировали формулировку своей гипотезы. Агрессия теперь рассматривалась как естественное, но не неизбежное последствие фрустрации. Допускалось, что путем научения могут быть приобретены и неагрессивные ответы на фрустрацию. Однако агрессия считалась все-таки доминантной реакцией на фрустрацию, и неагрессивный ответ мог произойти только в том случае, если агрессивные реакции сталкивались ранее с невознаграждением или наказанием, и, таким образом, агрессивное поведение элиминировалось. Важно подчеркнуть, что в этой модификации первоначальной гипотезы фрустрация по-прежнему рассматривалась как неизбежный предшествующий фактор агрессии, т.е. если имел место агрессивный акт, «допускалось, что фрустрация всегда представлена как провоцирующее условие» [Bandura, 1973, p. 32].

Достаточно широкая критика данной гипотезы со стороны зарубежных авторов шла по ряду направлений. Прежде всего она каса-

лась характера реакций на фрустрацию. Антропологи, например, указали, что в некоторых культурах агрессия не является типичной реакцией на фрустрацию. К. Левин, 3. Дембо и другие представители групповой динамики показали в эксперименте возможность иных, чем агрессия, реакций на фрустрацию. А. Маслоу, С. Розенцвейг, А. Бандура и другие отмечают, что фрустрация — не единственный фактор, приводящий к выражению агрессивности. Например, оскорбление и угроза более вероятно вызовут агрессию, чем блокирование поведения. Исследования обнаружили и более сложный, чем предполагалось ранее, характер отношения между наказанием и агрессивным поведением. «В зависимости от его природы и взаимодействия с другими детерминантами,—пишет, например, Бандура,— наказание может усиливать, уменьшать агрессивное поведение или вовсе не оказывать на него ощутимого действия» [Bandura, 1973, p. 34].

Авторы единодушно обращают внимание также на большую неоднозначность в понимании обеих сторон отношения фрустрация — агрессия. В последнее время внесен ряд дополнений и в вопрос о характере последствий участия в агрессии, т.е. в гипотезу катарсиса. Согласно подходу С. Фешбека, участие в агрессии может иметь три разделимых эффекта, работающих в различных направлениях: оно может уменьшать агрессивное побуждение (драйв), может вновь усиливать агрессивные реакции и может изменять силу сдерживаний. Фешбек, как Миллер и Доллард, исходит из предположения, что фрустрирующее событие вызывает побуждение (драйв), которое и является непосредственной причиной агрессивного поведения. Однако в характеристике свойств агрессивного побуждения его подход отличен от традиционного. Иначе описывается и основная цель агрессии: вызывание боли у других служит восстановлению самооценки агрессора и его чувства власти.

Таким образом, со временем не подтвердилось положение о неразрывной, необходимой связи агрессии и фрустрации, т.е. представление о том, что агрессия всегда оказывается результатом действия фрустраторов (барьеров на пути к цели), а фрустрация неизбежно ведет к агрессии. Тем не менее в настоящее время неверно было бы констатировать отбрасывание рассматриваемой теории. Скорее, более правильно говорить о ее надстраивании, о различных дополнениях к ней. Одно из направлений пересмотра и усложнения теории связано с исследованиями А. Бандуры, работы которого будут рассмотрены ниже. В настоящее время наряду с данной

теорией агрессии в качестве основных выступают инстинктивистский и когнитивный подходы [Бэрон, Ричардсон, 1998].

Другим важным сюжетом теоретических построений Миллера и Долларда является проблема подражания, или имитации. Проблема подражания принадлежит к кругу первых проблем в зарождавшейся социальной психологии на рубеже XIX–XX вв. Изначальный повышенный интерес психологов к данной проблеме не случаен: подражание является важнейшим механизмом взаимодействия, причастным к рождению целого ряда феноменов, характеризующих, в частности, социализацию, конформность. Однако заслуга «отцов — основателей» зарубежной социальной психологии состояла скорее в вычленении феномена подражания, нежели в объяснении его природы. Вряд ли могло удовлетворить определение подражания как инстинктивного явления (МакДуголл) или как вида гипнотизма (Тард).

Миллер и Доллард в работе «Социальное научение и подражание» [Miller, Dollard, 1941] отказываются от старой традиции определять подражание как инстинкт, от подхода к нему как к унитарному процессу. Они рассматривают подражание как объект инструментального научения и объясняют его соответствующими законами. Проблема первых умозрительно-спекулятивных социально-психологических теорий переносится ими на экспериментальный уровень.

Здесь необходимо сделать отступление, отметив, что Миллер и Доллард первыми в бихевиористской ориентации попытались перейти к теории социального научения. Их основные допущения, сложившиеся под влиянием позиции Халла, модифицированной ими, включают постулирование четырех фундаментальных факторов всякого научения: драйва, сигнала, реакции, вознаграждения. Сигналы и побуждения рассматриваются в словаре Миллера и Долларда как два аспекта одного явления — стимула. Любой стимул может приобрести характер побуждения, если он становится достаточно сильным, чтобы вынудить организм действовать. Любой стимул может стать сигналом благодаря своему отличию от других стимулов. Сигналы определяют, когда, где произойдет реакция и какой она будет. В словаре Миллера и Долларда определение сигнала в какой-то мере синонимично определению дискриминативного стимула.

В своей схеме социального научения авторы вводят среди прочих вторичных побуждений побуждение подражать, имитировать. По их мнению, одним из наиболее важных классов сигналов в ситуации социального научения является поведение других. Наблюдая открытые поведенческие реакции модели на определен-

ные сигналы, одни из которых ведут к вознаграждению, а другие — нет, наблюдатель приобретает, согласно Миллеру и Долларду, определенную иерархию ценностей сигналов.

Для того чтобы какая-то реакция на определенный сигнал могла быть вознаграждена и выучена, она должна прежде всего произойти. Авторы исходят из предположения, что индивиды владеют неким изначальным «внутренним» репертуаром реакций. Научение происходит, когда определенная реакция вознаграждается в присутствии дифференцирующего сигнала. Таким образом, объектом научения оказывается не реакция, уже составляющая часть поведенческого репертуара индивида, а связь между специфическим сигналом и определенной реакцией. У авторов получается, что новое поведение — это новые комбинации «старых» реакций. Подобная позиция является весьма уязвимой в вопросе о природе новых реакций. Отметим, что Миллер и Доллард рассматривают реакции и открытые, и скрытые, причем вторые предшествуют первым, как это вообще характерно для представителей медиаторного подхода.

Придавая большое значение механизму научения путем проб и ошибок, Миллер и Доллард обращают внимание на возможность с помощью подражания ограничить пробы и ошибки, приблизиться к правильному пути через наблюдение поведения другого.

Главная функция вознаграждения, или подкрепления, согласно Миллеру и Долларду, — редукция силы драйва. Именно поэтому природа побуждения определяет природу вознаграждения. Соответственно первичные побуждения уменьшаются в силе первичными подкреплениями; вторичные, или приобретаемые, — вторичными. Одобрительный кивок, например, — это вторичное подкрепление, которое уменьшает приобретенную потребность в социальном одобрении.

Итак, в целом парадигма всех ситуаций научения, включая подражание, представляет, по Миллеру и Долларду, следующую цепочку: *сигнал → внутренняя реакция → драйв → внешняя реакция → вознаграждение*. Миллер и Доллард раскрывают неоднозначность термина «подражание». По их мнению, он используется в трех случаях. Во-первых, для обозначения «тождественного» поведения. Такое поведение часто лишь внешне выглядит подражанием, а в действительности может представлять одинаковые реакции на одинаковые стимулы у двух индивидов, причем каждый из них безотносительно к другому научился такому реагированию, т.е. «тождественное» поведение может быть результатом подражания, а может и не быть таковым. Этот случай не рассмат-

ривается авторами обстоятельно. Второй случай — «парнозависимое» поведение. Оно часто имеет место в диадическом взаимодействии, в котором поведение одной стороны, являющейся, как правило, старше или искуснее другой, служит дискриминативным сигналом для другой — для наблюдателя (т.е. наблюдатель вознаграждается за ту же реакцию, что и модель). Наконец, третий случай — копирующее поведение, которое предполагает специфическое руководство со стороны модели поведением наблюдателя. «Модель говорит и показывает наблюдателю, какие реакции и сигналы релевантны задаче, и через непрерывную коррекцию тренирует его представлять ту же реакцию, что и модель» [Miller, Dollard, 1941, p. 137]. По сути, авторы используют одинаковые понятия для объяснения приобретения двух последних форм имитации. Однако обычно именно вторая парадигма идентифицируется с необихевиористской интерпретацией подражания.

Основной тезис Миллера и Долларда следующий: подражающее поведение имеет место, если индивид вознаграждается, когда он подражает, и не вознаграждается, когда не подражает. Авторами вполне определенно подчеркивается роль подкрепления как необходимого предшествующего условия приобретения имитирующего поведения.

В этом моменте данный подход весьма созвучен предложенной Скиннером интерпретации подражания в принципах оперантного подхода. У Скиннера поведение модели также видится наблюдателем как дискриминативный стимул для подкрепления. Поведение же модели наделяется этой дискриминативно-стимульной функцией через дифференцированное подкрепление ее различных реакций на сигналы. Наблюдатель соответственно вознаграждается за каждое приближение к реакции модели. Однако весь эмпирический материал Скиннера, в отличие от Миллера и Долларда, получен исключительно в экспериментах с животными. Его выводы о поведении человека построены преимущественно на аналогии, которая, как известно, не является методом доказательства[7].

---

[7] Здесь обстоятельно не рассматривается скиннеровская интерпретация подражающего поведения, поскольку, строго говоря, социально-психологическая проблематика не разрабатывалась Скиннером. Его некоторые последние работы, в частности «По ту сторону свободы и достоинства», апеллирующие к социальной психологии, являются прямой экстраполяцией принципов, вычлененных в анализе поведения животных, на область социально-политической жизни. Известно, что эта позиция получила негативную оценку в зарубежной и отечественной литературе. Представление о некоторых практических приложениях подхода Скиннера можно получить, например, в книге К. Прайор «Не рычите на собаку».

Миллер и Доллард в подтверждение своих положений приводят данные серий экспериментов, проведенных параллельно на крысах альбиносах и маленьких детях. Одна группа голодных крыс вознаграждалась, если следовала в том же направлении, что и «лидер»; другая группа вознаграждалась за следование в противоположном «лидеру» направлении. В этих условиях первая группа научилась подражать «лидеру», а вторая — не подражать ему. Сами «лидеры» поворачивали влево или вправо, поскольку в конце левого или правого поворота в лабиринте помещалась белая карточка, а заранее они были натренированы находить пищу около нее. Эксперименты показали, что происходила генерализация научения подражанию или неподражанию. В частности, животные, которые научились подражать «лидерам» — белым крысам, подражали и черным крысам без какой-либо дополнительной тренировки; животные, которые научились подражать, будучи «мотивированными» голодом, подражали и когда их «мотивировали» жаждой. Получая вознаграждение за копирование «лидера» в выполнении одной задачи, они обнаруживали тенденцию копировать его поведение в других ситуациях. Параллельные эксперименты с детьми, как пишут Миллер и Доллард, дали аналогичные результаты.

Параметры, вычлененные Миллером и Доллардом для всякой ситуации научения, в случае парнозависимого поведения приложимы, по их мнению, для описания и поведения модели, и поведения наблюдателя. Это можно увидеть из следующего примера.

Два брата играют в ожидании возвращения домой отца. Обычно отец приходит с конфетой для каждого. Старший, играя, слышит звук шагов у входа. Для него это служит сигналом возвращения отца. Реагируя на сигнал, он бежит к входу. Для младшего ребенка звуки шагов отца еще не служат отличительным сигналом и поэтому не «воодушевляют» его бежать. И часто он продолжал играть, когда старший убегал навстречу отцу. Но в данном случае младший брат побежал за старшим, и каждый получил от отца по конфете. В следующих подобных случаях младший будет чаще бежать, просто увидев бегущего брата. Продолжая получать подкрепление конфетой, поведение младшего стабилизируется: он будет бежать, глядя на брата, во всех случаях, даже если место и время будут варьировать. Таким образом, он научается подражать старшему брату, но шаги отца еще не приобрели для него характера сигнала. Схематично Миллер и Доллард представляют это следующим образам:

Лидер	*Подражающий*
драйв — желание съесть конфету	драйв — желание съесть конфету
сигнал — звук шагов отца	сигнал — мелькание ног лидера
реакция — бег	реакция — бег
вознаграждение — съедает конфету	вознаграждение — съедает конфету

Итак, с точки зрения Миллера и Долларда, научение имитации аналогично научению бегать. По их мнению, в модели парнозависимого поведения могут быть интерпретированы с некоторыми модификациями другие процессы социального влияния, например конформность, изменение аттитюдов.

Если Миллер и Доллард первыми в необихевиористской ориентации предприняли попытку «приближения к теории социального научения», то сейчас таких попыток существует несколько. Важно подчеркнуть, что многие из них — это различные вариации парадигмы парнозависимого поведения Миллера и Долларда. Основные направления вариаций следующие:

1. Элиминируется требование о том, чтобы наблюдатель реагировал открыто. Это случай «нереагирующего, но вознаграждаемого наблюдателя». Интерес исследователей сосредоточен здесь на оценке влияний на поведение наблюдателя таких компонентов поведения модели, как реакция — вознаграждение.
2. Элиминируется и требование о том, чтобы наблюдатель открыто реагировал, и требование о его вознаграждении. Это случай «нереагирующего, невознаграждаемого наблюдателя». Данное направление исследований представлено в работах Бандуры, Уолтерса, Росса, Розенбаума.
3. Элиминируется, как во втором случае, реакция наблюдателя и его вознаграждение, а также эксплицитное вознаграждение поведения модели. Исследовательское внимание фокусируется на реакции модели как сигнале для наблюдателя. Такой подход характерен для А. Бандуры.

Знакомство с подходом Миллера и Долларда позволяет отметить заслугу этих авторов в постановке на экспериментальной основе проблем агрессии и подражания как важного механизма социально-психологического взаимодействия. В рамках необихевио-

ристской ориентации они впервые обратились к исследованиям, испытуемыми в которых выступили люди. Строгая процедура практиковавшегося ими лабораторного эксперимента, с одной стороны, гарантирует строгость полученных данных, но, с другой стороны, делает уместной постановку всех тех проблем, которые подняты в современной социальной психологии вокруг лабораторного эксперимента.

Однако отмеченные моменты касаются частных сторон данного подхода. Основным же в оценке является анализ исходных методологических принципов. В отношении принципов данного подхода можно сказать, что они продемонстрировали свою узость в интерпретации изучаемых явлений. Доказательством существования такого рода несостоятельности являются, в частности, и те поиски, которые отмечают современные линии развития данного подхода. Для них характерно все большее «смягчение» фундаментальных принципов бихевиоризма, в частности отказ от сведения психической реальности лишь к наблюдаемому поведению, привлечение к анализу в той или иной форме когнитивных переменных. Такого рода эволюция бихевиоризма особенно ярко просматривается в работах Бандуры.

2.2. Подход А. Бандуры

Бандура называет свой подход социобихевиоральным и противопоставляет его предшествующим приложениям теории научения к вопросам просоциального и девиантного, т.е. отклоняющегося от следования социальным нормам поведения. По его мнению, эти приложения (он имеет в виду теории социального научения Миллера и Долларда, Скиннера, Роттера) страдают тем, что основываются «на ограниченном ряде принципов, установленных и поддержанных в основном исследованиями научения у животных в ситуациях с одной персоной» [Bandura, Walters, 1965, p. 11]. Он полагает, что «для адекватного рассмотрения социальных явлений необходимо расширить и модифицировать эти принципы, ввести новые принципы, установленные и подтвержденные исследованиями приобретения и модификации человеческого поведения в диадической и групповой ситуациях» [Bandura, Walters, 1965, p. 1].

Таким образом, с самого начала Бандура выступил противником столь характерных для бихевиоризма произвольных экстраполяций данных из мира животных на социальный мир.

Кроме того, неудовлетворенность исследователя предшествующими подходами касается их неспособности решить проблему возникновения действительно новых форм поведения. По его мнению, инструментальное обусловливание и подкрепление должны рассматриваться скорее как выбор реакции среди уже имеющихся в поведенческом репертуаре индивида, нежели как ее приобретение. Это характерно, как мы видели, для позиций Миллера и Долларда: способность личности к реакции существует прежде, чем она научилась ей через подражание. У Скиннера процедура приобретения новых образцов поведения включает позитивное подкрепление тех элементов опять же наличных реакций, которые имеют сходство с окончательной формой желаемого поведения; компоненты реакции, имеющие мало подобия с этим поведением или не имеющие такового вовсе, остаются неподкрепляемыми. С этой точки зрения новые реакции никогда не возникают вдруг, они всегда являются исходом относительно длительного процесса оперантного обусловливания. Согласно теории социального научения Роттера, вероятность того, что данное поведение будет иметь место в конкретной ситуации, определяется двумя переменными — субъективным ожиданием, что соответствующее поведение будет подкреплено, и ценностью подкрепления для субъекта. Подход Роттера «предполагает существование иерархии реакций, которые имеют тенденцию происходить в различных ситуациях с варьирующими степенями вероятности; таким образом, он совершенно неадекватен для объяснения возникновения реакции, которая еще не выучена и, следовательно, имеет нулевую вероятностную ценность» [Bandura, Walters, 1965, p. 2].

По-иному Бандура трактует и роль подкрепления в научении. Он рассматривает подкрепление, скорее, как фактор, способствующий научению, а не вызывающий его. С его точки зрения, во-первых, наблюдатель может научаться новым реакциям, просто наблюдая поведение модели; во-вторых, необязательно ставить реакцию модели и реакцию наблюдателя в условия подкрепления. Многочисленные исследования, в том числе полевые, Бандуры и его коллег показали, что подкрепляющие последствия могут служить активизации поведения, приобретенного в условиях неподкрепляемого наблюдения. Подчеркивая, что подкрепление не играет доминантной роли в приобретении новых реакций, Бандура отводит ему центральную роль в усилении и поддержании (сохранении) различных поведенческих тенденций.

Образцы поведения могут приобретаться, по мнению Бандуры, через прямой личный опыт, а также через наблюдение поведения других и его последствий для них, т.е. через влияние примера. Бандура вычленяет следующие возможные направления влияния модели на наблюдателя[8]:

1) посредством наблюдения поведения модели могут приобретаться новые реакции;
2) через наблюдение последствий поведения модели (его вознаграждения или наказания) может усиливаться или ослабляться сдерживание поведения, которому наблюдатель ранее научен, т.е. существующее у наблюдателя поведение модифицируется благодаря наблюдению модели;
3) наблюдение поведения другого (модели) может облегчить реализацию реакций, ранее приобретенных наблюдателем.

Вопрос о научении через наблюдение Бандура считает весьма важным, в частности в связи с тем, что «теория должна объяснить не только, как приобретаются образцы реакций, но и как регулируется и поддерживается их выражение» [Bandura,1973, p. 44]. С его точки зрения, «выражение ранее выученных реакций может социально регулироваться через действия влиятельных моделей» [Bandura,1973, p. 43]. Таким образом, функция научения посредством наблюдения (наблюдающего научения) в схеме Бандуры оказывается достаточно широкой.

Большое внимание Бандура уделяет парадигме научения в отсутствие открытой реакции у наблюдателя. В этом случае, по его мнению, реакция модели ведет к «внутренним» воображаемым реакциям наблюдателя, которые могут восстанавливаться, когда наблюдатель помещается в «поведенческое поле». Эти воображаемые реакции наблюдателя, символически обозначенные, служат внутренними сигналами, опосредующими внешнюю реакцию наблюдателя. Они становятся дискриминативными стимулами для открытого поведения.

Сам Бандура называет свою теорию социального научения медиаторно-стимульной ассоциативной теорией. Она исходит из того,

---

[8] Бандура предпочитает термин «моделирование» термину «имитация», использованному Миллером. Он полагает, что имитация в представлении большинства связана лишь с точным копированием того, что делает модель, тогда как моделирование предполагает более широкий психологический эффект, с его точки зрения.

что «человеческое функционирование основывается на трех регуляторных системах»: предшествующих стимулах, влияниях обратной связи, поступающей от реакции, когнитивных процессах. Соотношение, постулируемое между этими тремя переменными, таково, что первые две являются основными. «Когнитивные события, однако, не функционируют как автономные причины поведения. Их природа, их наличие находятся под контролем стимула и подкрепления» [Bandura, 1973, p. 53]. Таким образом, обращение к когнитивным детерминантам поведения оказывается у Бандуры видимым отступлением от кредо бихевиоризма, поскольку эта нетрадиционная для данного подхода переменная всецело ставится в зависимость, под контроль традиционных переменных — стимула и подкрепления.

Характеризуя стимулы в качестве первого контролирующего фактора поведения, Бандура особое внимание уделяет таким сигналам, как поведение других. «Среди многочисленных сигналог влияющих на поведение людей в любой данный момент, нет боле эффективных, чем действия других... Действия других приобретают свойства направлять реакцию через селективное подкрепление во многом так же, как это делают физические и символические сигналы в несоциальных формах. Когда поведение других продуцирует вознаграждаемые исходы, сигналы модели становятся мощными детерминантами аналогичного поведения у наблюдателя» [Bandura, 1973, p. 46].

Вторая контролирующая система включает влияния обратной связи главным образом в форме подкрепляющих последствий поведения. «Поведение экстенсивно контролируется его последств ями. Реакции, которые порождают невознаграждаемые или нак зуемые последствия, имеют тенденцию быть отброшенными, а те, которые приводят к вознаграждаемым исходам, остаются и усиливаются» [Bandura, 1973, p. 47]. Бандура полагает, что человеческое поведение невозможно полностью понять без исследования регуляторного влияния подкрепления. С его точки зрения, неверно отождествлять подкрепление с «осязаемыми вознаграждениями и наказаниями». В качестве подкреплений в межличностных отношениях выступают внимание, отвержение, словесное одобрение или выговор и т.д. Именно благодаря приобретению подкрепляющих функций они регулируют межличностные взаимодействия.

Много внимания в своем анализе Бандура уделяет такому виду подкрепления, как наблюдаемое подкрепление. Поведение людей

находится под влиянием не только прямо испытываемых последствий, но и многократно наблюдаемых действий других: вознаграждаемых, игнорируемых или наказуемых. Наблюдаемое подкрепление влияет на поведение во многом таким же образом, как и подкрепление собственных исходов: наблюдаемые вознаграждения в целом усиливают, а наблюдаемые наказания уменьшают в наблюдателях следование поведению модели. Кроме того, по мнению Бандуры, «наблюдаемые последствия дают также референтные стандарты, которые определяют, приобретут ли отдельные исходы позитивную или негативную ценность... Таким образом, через процессы социального сравнения наблюдение исходов реакции у других людей может решительно изменить эффективность прямых подкреплений» [Bandura, 1973, p. 47]. В качестве важного источника подкрепления Бандура рассматривает не только внешний исход, но и реакцию самооценки. Сравнительные исследования показывают, что люди могут управлять своим поведением посредством самоподкрепления так же или лучше, чем посредством последствий, возникающих из внешних источников.

Третья система регуляции и контроля поведения в теории научения Бандуры — когнитивная. Она исходит из того, что действия не всегда предсказуемы из внешних источников влияния — предшествующих стимулов и последствий реакции. Для этого варианта теории научения характерен не отказ от признания когнитивных переменных и их влияния на поведение, а, скорее, «сдвиг фокуса от внутренних детерминант к детальному анализу внешних влияний» [Bandura, 1973, p. 41].

Когнитивную регуляцию поведения Бандура считает особенно важной в ситуации научения через наблюдение. Здесь «личность наблюдает образчик поведения или читает о нем, но не демонстрирует его открыто, пока не возникнут соответствующие обстоятельства» [Bandura, 1973, p. 52].

В данном случае моделируемые, т.е. заимствуемые у модели, действия приобретаются поначалу в символической форме. Эти «внутренние модели внешнего мира», по определению Бандуры, конструируются из наблюдаемых примеров и информации, получаемой от обратной связи в ситуациях проб и ошибок, и служат для руководства более поздним открытым действием. В символической же форме проверяются и возможные альтернативные ходы действия, а затем отбрасываются или сохраняются «на основе подсчитанных последствий». Наилучшее символическое решение претворяется в реальность. Таково вкратце, по мнению Бандуры,

место когнитивной регуляции поведения: она подчинена контролю стимула и подкрепления — основных переменных в его схеме.

Бандура попытался реализовать сформулированные им принципы научения, в частности, в исследовании агрессивного поведения. Этой проблеме посвящена специальная работа, которая так и называется: «Агрессия: анализ с позиции теории социального научения» [Bandura, 1973]. Бандура считает, что теория фрустрации—агрессии недостаточна для объяснения агрессивного поведения. По его мнению, широкое принятие представления о фрустрации—агрессии, возможно, в большей степени следует отнести на счет его простоты, чем на счет его предсказательной силы. Несмотря на приверженность принципам научения, «теоретики драйва» не сформулировали адекватной исходной позиции для анализа агрессии с точки зрения социального научения. Бандура видит сходство данного подхода с психоаналитическим, проявляющееся в их пессимистической тональности: и в том, и в другом случае человек рассматривается как обремененный источником агрессивной энергии, которая требует периодического выхода.

Бандура предлагает другой подход, содержащий «более оптимистический взгляд на способность человека уменьшить уровень человеческой деструктивности» [Bandura, 1973, p. 59]. Он вычленяет проблему приобретения (через научение) «поведения с деструктивным потенциалом», с одной стороны, и с другой — проблему факторов, «определяющих, будет ли личность реализовывать то, чему она научена». Схематически он противопоставляет свой подход другим подходам следующим образом:

инстинктивистская теория:

агрессивный инстинкт → агрессивное поведение

драйв-теория:

фрустрация → агрессивный драйв → агрессивное поведение

теория социального научения:

С точки зрения Бандуры, фрустрация — это только один и необязательно наиболее важный фактор, влияющий на агрессивное поведение. «Фрустрация наиболее вероятно должна провоцировать агрессию в людях, которые научены отвечать на отвратительное обхождение (aversive treatment) агрессивными установками и действиями...» — замечает Бандура [Bandura, 1973, р. 58]. По его мнению, «агрессия вообще лучше объяснима на основе вознаграждающих ее последствий, чем на основе фрустрирующих условий и наказаний, которые она навлекает» [Bandura, 1973, р. 39].

Бандурой и его коллегами проведен целый ряд исследований, лабораторных и полевых, посвященных, в частности, детской и юношеской агрессивности. Например, широко известны эксперименты с демонстрацией детям фильмов, в которых были представлены разные образцы поведения взрослого (агрессивные и неагрессивные), имевшие различные последствия (вознаграждение или наказание). После просмотра фильма, демонстрировавшего определенную манеру обращения взрослого с игрушками, дети оставались одни играть с игрушками, похожими на увиденные ими в фильме. Дети, которые видели в фильме агрессивные модели, обнаруживали значительно более агрессивное поведение в данной ситуации, чем дети, не смотревшие этот фильм. Часто их поведение оказывалось просто копией поведения взрослого (модели). Причем дети, наблюдавшие вознаграждаемую агрессивную модель, проявляли большее подражание в агрессии, чем наблюдавшие модель, наказываемую за агрессию. Интерпретируя результаты, Бандура указывает, что, хотя реакция может приобретаться простым наблюдением поведения модели, готовность реализовать эту реакцию во многом определяется тем, вознаграждалась или наказывалась модель за соответствующее поведение.

Рассмотренный подход позволяет заключить, что позиция Бандуры иллюстрирует, пожалуй, наибольшую степень «размягчения», «либерализации» принципов бихевиоризма, с которой мы в настоящее время сталкиваемся в социальной психологии. И тем не менее при всех модификациях этим автором традиционной пара-игмы научения мы имеем дело именно лишь с ее модификация-, а не с отступлением от нее. Можно согласиться с оценкой мбла, данной им в историческом обзоре основных теорий на-ния со времени 1945 г. Он отмечает, что эти теории переживают период либерализации понятий, но по существу своего содержания этот процесс может быть охарактеризован как эволюционный, а не революционный [McGuigan, Lumsden, 1973].

И действительно, подкрепление остается по-прежнему основной детерминантой, регулятором поведения. Личность может приобретать новые формы реакций через наблюдение поведения модели и без подкрепления, однако готовность реализовать эти новые реакции в конечном счете определяется личным прошлым опытом подкреплений либо опытом подкреплений наблюдаемой модели. Ограниченности и издержки, которые характерны для бихевиоризма вообще, лишь усугубляются при обращении к социально-психологической проблематике. Само освоение собственно социально-психологической проблематики в рамках необихевиористской ориентации остается достаточно скромным. Например, групповые процессы, по существу, выпадают из поля зрения сторонников данной ориентации[9]. На наш взгляд, по-видимому, это не случайная особенность: исходные принципы необихевиоризма отнюдь не способствуют освоению сложных пластов групповой динамики. Основной изучаемой областью оказываются различные формы диадического взаимодействия. В рассмотренных нами подходах это, в частности, подражание. Большое место уделено подражанию как фактору усвоения агрессивного поведения. Этот план анализа, несомненно, значим, хотя проведенные исследования пока не дают однозначных результатов.

Обращают на себя внимание отдельные интересные методические находки авторов в постановке экспериментов. Однако во многих случаях эти эксперименты оказываются «экспериментами в вакууме», т.е., по существу, выведенными из социального контекста. Особенно это проявляется в эксплицитном или имплицитном игнорировании роли социальных норм в регуляции человеческого поведения. На это обстоятельство справедливо указывают, например, представители символического интеракционизма. «Все теории агрессии в рамках теории научения включают принципы относительно сдерживания или контроля такого поведения. Однако редко признается роль социальных норм в регуляции человеческого поведения. Действительно, некоторые из наиболее используемых в социальной психологии исследовательских парадигм для изучения агрессии могут не иметь экологической валидности...»

---

[9] Так, по справедливому замечанию С. Бергера и У. Ламберта, элементы бихевиоризма интегрированы во многие групповые исследования, но в целом данная область остается мало затронутой анализом с позиций подхода *S—R* [Lindzey, Aronson, 1968–1969, p. 155].

[Kane, Josef, Tedeshi, 1976, p. 663]. Таким образом, затруднено решение вопроса о переносе полученных в подобном эксперименте данных на реальную ситуацию, что, несомненно, снижает значимость добытых результатов.

3. ТЕОРИИ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК ОБМЕНА

Как уже отмечалось, бихевиористская ориентация включает гедонизм в качестве одного из методологических принципов. Доктрина психологического гедонизма, одна из старейших доктрин в психологии, на протяжении истории принимала различные формы. В частности, она нашла воплощение в известном «законе эффекта» Торндайка, в современных вариантах теории подкрепления с ее акцентом на роли «вознаграждения», «удовольствия», «редукции напряжения» и т.п. В социальной психологии, по мнению ряда исследователей, «точка зрения гедонизма обычно выражается в терминах доктрины “экономического человека”» [Deutsch, Krauss, 1965, p. 79]. Эта доктрина рассматривает «человеческое поведение как функцию его платежа; его (человеческого поведения) сумма и вид зависят от суммы и вида вознаграждения и наказания, которые оно приносит» [Homans, p. 13]. Указанная точка зрения лежит в основе известных работ Д. Тибо и Г. Келли, представляющих собой одну из попыток приложения бихевиоризма к анализу групповых процессов. Другой известной попыткой такого рода является теория социального обмена Д. Хоманса.

3.1. Подход Д. Тибо и Г. Келли

Чаще всего позиция Тибо и Келли фигурирует под названием «теория взаимодействия исходов». Сами же авторы подчеркивают, что их подход правильнее квалифицировать как точку зрения, или «frame of reference», а не как теорию. Основное внимание Тибо и Келли уделяют фактору «взаимного обмена вознаграждениями и наказаниями» в контексте интеракции (взаимодействия). Суть подхода состоит в следующем. Всякое межличностное отношение — это взаимодействие. Для анализа первоначально бралось взаимодействие в диаде. «Диадическое взаимодействие наиболее вероятно будет продолжаться и позитивно оцениваться, если участники тако-

го взаимодействия «выгадывают» от него» [Shaw, Costanzo, 1970, p. 69]. Эту основную посылку нужно понимать следующим образом. Во-первых, авторы объясняют социальное взаимодействие в терминах «исходов» — вознаграждений и потерь (издержек) каждого из участников взаимодействия. Исход всякого взаимодействия рассматривается как некий шаг, резюмирующий получаемые вознаграждения и понесенные потери. Во-вторых, по их мнению, интеракция будет продолжаться, повторяться, только если ее участники подкрепляются, имея позитивные исходы, т.е. если вознаграждения превосходят потери. Авторы предполагают, что взаимодействующие стороны зависят друг от друга в достижении позитивных исходов. «В качестве независимых переменных выступают возможности взаимного контроля, которыми обладают члены коллектива. Считается, что контроль опосредуется способностью влиять на исходы другого (такие, как вознаграждения, платежи, подкрепления и полезности)» [Kelley, Thibaut, 1959, p. 4]. В качестве зависимых переменных выступают продукты взаимозависимых отношений — нормы, роли, власть. Позитивные платежи в социальной интеракции могут быть материальными или же психологическими (выигрыш в статусе, власти и т.д.).

Получаемые участниками в итоге взаимодействия вознаграждения или понесенные потери детерминируются, по мнению Тибо и Келли, факторами, внутренними или внешними этому взаимодействию. Последние составляют категорию так называемых экзогенных детерминант. Они включают индивидуальные потребности и способности участников, сходство или различие в их установках, ценностях, ситуационный контекст их межличностного контакта. Как отмечают авторы, во многих случаях это факторы, коррелирующие с социометрическим выбором. В самом общем плане способных партнеров во взаимодействии отличает то обстоятельство, что они, полагают Тибо и Келли, обладают большим потенциалом для вознаграждения другого участника. В результате в отношениях с более способным партнером более вероятен общий позитивный исход.

В зарубежной социальной психологии проведено много исследований, показывающих, что индивиды, имеющие похожие установки, склонны выбирать друг друга в качестве друзей, партнеров по взаимодействию. Обычно эти данные определенным образом интерпретируются с позиций когнитивистской ориентации. С точки зрения Тибо и Келли, они могут быть интерпретированы

в рамках их подхода. «Если мы допустим, что во многих сферах ценностей индивид нуждается в социальной поддержке своих мнений и установок, то соглашающийся с ним другой служит для него вознаграждением... Таким образом, два человека, имеющие аналогичные ценности, могут представлять друг для друга вознаграждения просто экспликацией своих ценностей» [Kelley, Thibaut, 1959, p. 43]. Тибо и Келли полагают, что сходство между сторонами диады облегчит им обоим достижение позитивных исходов во взаимодействии.

К экзогенным детерминантам вознаграждений и издержек в социальных отношениях Тибо и Келли относят такую их характеристику, как дистантность. Диада на расстоянии представляет меньше возможностей участникам для позитивных исходов, поскольку для сформирования и поддержания физически дистантных отношений требуется больше усилий и, следовательно, больше издержек, чем в противоположном случае.

Еще одна рассматриваемая авторами экзогенная переменная — комплементарность, или дополнительность. Они полагают, что образование диады облегчается сторонами, которые способны вознаграждать друг друга ценой низких издержек для себя. В комплементарном отношении каждый может обеспечить то, в чем нуждается другой, но сам это обеспечить не может. В таких отношениях вознаграждения для обоих участников высоки, а издержки низкие, и, таким образом, исходы позитивны для обоих.

Другая категория детерминант вознаграждений и потерь — эндогенные факторы. Они возникают в ходе взаимодействия и как его продукт. Если экзогенные детерминанты определяют пределы достижения позитивных исходов, то эндогенные определяют, будут ли действительно эти исходы достигнуты. Эндогенные помехи или содействия реализации оптимальных возможностей в отношении издержек-вознаграждений проистекают из «комбинаций последовательностей поведения членов диады». Сочетание поведений может оказаться взаимно несовместимым, как, например, в ситуации, когда один из братьев желает заниматься в кабинете, а другой в это же время — играть на музыкальном инструменте. Подобное сочетание мешает сторонам максимизировать их вознаграждения ценой минимальных издержек. Облегчит максимизацию лишь изменение одной из сторон своего поведения. Тибо и Келли полагают, что несовместимые, соперничающие тенденции увеличивают оптимальные издержки в форме раздражения, смущения,

тревоги или необходимости приложить большие усилия для соответствующих реакций. Они формулируют следующую гипотезу: издержки, вызываемые интерференцией, пропорциональны конфликту, порождаемому несовместимой ситуацией.

Важным моментом в подходе Тибо и Келли являются вводимые ими понятия «уровень сравнения» и «уровень сравнения альтернатив». Согласно авторам, ценность, которую личность приписывает исходу взаимодействия, не может быть определена на основании ее абсолютной величины. Она определяется на основе сравнения с двумя вышеназванными стандартами. Уровень сравнения индивида — это средняя величина позитивных исходов, которые он имел в своих предшествующих отношениях с другими. То есть, оценивая ценность исхода для себя, личность ориентируется на этот средний уровень. Исход благоприятен, если он выше среднего уровня, и чем выше, тем благоприятнее. Данное понятие используется как некая естественная точка отсчета на шкале удовлетворения. Посредством этой мерки индивид оценивает привлекательность межличностного отношения для себя. Уровень сравнения может варьировать в зависимости от личности и ситуации. Во многом он определяется тем, как воспринимает индивид собственные возможности в достижении благоприятных исходов. Чем к более высоким исходам привык индивид, тем более высоким будет его уровень сравнения в последующих отношениях. Иногда, правда, обстоятельства могут изменить эту тенденцию.

Второй стандарт, на основе которого личность оценивает свои исходы, — уровень сравнения альтернатив. Посредством этого критерия индивид решает, будет ли он оставаться в данном социальном отношении или выйдет из него. Предполагается, что личность не останется, например, на удовлетворяющей ее работе, если она имеет возможность получить еще более привлекательную работу, и что она не покинет даже вызывающее неудовлетворение положение, если единственная имеющаяся альтернатива еще хуже. Таким образом, данный стандарт представляет собой наилучший исход, который личность может получить в свете наилучшей возможной для него альтернативы. Как видим из вышеизложенного, идея авторов весьма проста: при альтернативе личность всегда стремится сделать выбор в пользу более благоприятного для себя решения. Так, можно отметить, что Тибо и Келли в трактовке понятия исходов подчеркивают относительность их оценки участниками. Интересно, что этот момент смыкает авторов с представителями

гештальтпсихологии, для которых характерен акцент на относительности восприятия.

Основным техническим приемом, используемым Тибо и Келли в анализе, является матрица исходов. Представление социального взаимодействия в форме матрицы заимствовано социальной психологией из теории игр — сравнительно молодой области математического знания. Оно показало свою эффективиость в качестве полезного средства для описания различных типов социальной взаимозависимости в абстрактной форме и как средство, «стимулирующее исследование». Матрица исхода составляется таким образом, что в таблицу заносится весь возможный репертуар поведения каждого участника взаимодействия. Например, по горизонтали размещается поведенческий репертуар участника *B*, по вертикали — то же самое для участника *A* (рис. 1).

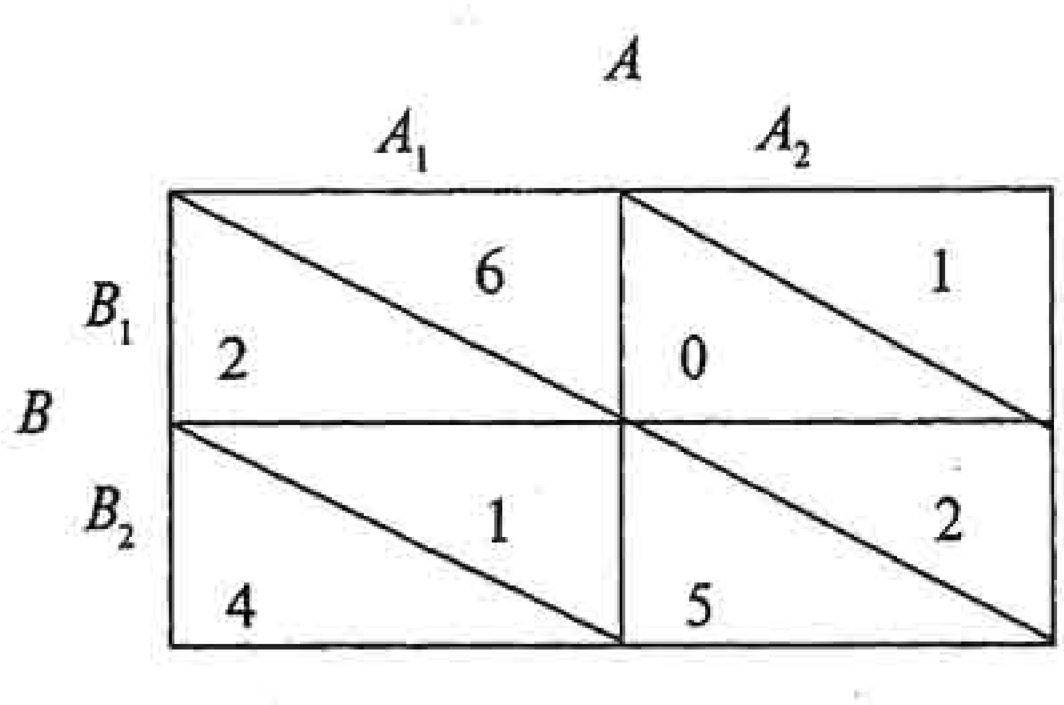


Рис. 1.

В клетках матрицы представлены все соответствующие издержки и вознаграждения, релевантные для данного взаимодействия. Читается матрица таким образом: если участник *A* избирает во взаимодействии линию поведения A_1, а участник *B* — B_1, то *A* получает, например, шесть единиц позитивного исхода, а *B* — две единицы, т.е. в данном случае имеются позитивные исходы у обеих сторон.

Тибо и Келли делают следующие допущения относительно природы матрицы:

1) в ее клетках содержатся все возможности вознаграждений и издержек в данном взаимодействии;
2) в матрице представлены все возможные линии поведения участников;
3) ценности издержек и вознаграждений исхода варьируют с

течением времени благодаря воздействию многих факторов (например, насыщение, утомление и т.д.);
4) матрица не известна участникам до взаимодействия. По мере прогресса взаимодействия они непрерывно делают открытия относительно возможных исходов и поведенческого репертуара своего партнера.

Особое значение приобретает последний, четвертый, пункт. Тибо и Келли утверждают, что в момент вступления в социальное взаимодействие стороны сталкиваются с большой степенью неопределенности в отношении исходов, которые могут быть достигнуты. Личность может иметь недостаточно знаний, чтобы ожидать что-то определенное, либо она может иметь ошибочные представления. Поскольку до самого факта взаимодействия трудно вынести окончательные суждения, постольку в самом начале формирования отношения есть период проб, сравнения (sampling), когда участники пытаются реально оценить потенциально возможные в таком отношении исходы. Восприятие исходов на ранней стадии взаимодействия помогает определить, продолжать отношение или выйти из него.

Оцениваются исходы первичного контакта по двум рассмотренным выше критериям (уровень сравнения и уровень сравнения альтернатив). Индивиды будут формировать и поддерживать те отношения, которые обещают дать наилучший из возможных исходов. Кроме того, для участников важно предвидеть, останутся ли выявленные позитивные исходы стабильными со временем. Подобное исследование матрицы возможных исходов оказывается весьма важным, когда в стадию формирования вступают долговременные отношения типа супружества.

Среди многочисленных аспектов социального взаимодействия, к которым считается приложимым этот подход, особое внимание уделяется отношениям власти, взаимозависимости и межличностной аккомодации (приспособлению). По мнению Тибо и Келли, матрица исходов оказывает большую помощь в оценке образцов взаимозависимости членов диады, а также в оценке процессов, посредством которых участники влияют друг на друга и друг друга контролируют. Возможность власти одного участника над другим, на которую указывает матрица, состоит в способности контролировать исходы другого, т.е. его вознаграждения-издержки. Тибо и Келли определяют власть в диаде как функцию способности одного участника влиять на качество исходов, достигаемых дру-

гим. Критерий «уровень сравнения альтернатив» оказывается очень важным показателем стабильности власти и отношений зависимости в диаде. «Если средние исходы данного отношения ниже средних исходов, имеющихся в наилучшем альтернативном отношении, основы власти и зависимости в таком диадическом отношении будут слабы, и со временем эта диада распадется» [Kelley, Thibaut, 1959, p. 101].

Тибо и Келли выделяют два типа контроля, который одна личность может иметь по отношению к исходам другой, — фатальный и поведенческий. Суть фатального контроля состоит в том, что один участник полностью определяет исход для другого независимо от того, что предпримет этот другой. Ситуация фатального контроля иллюстрируется следующими двумя матрицами (рис. 2):

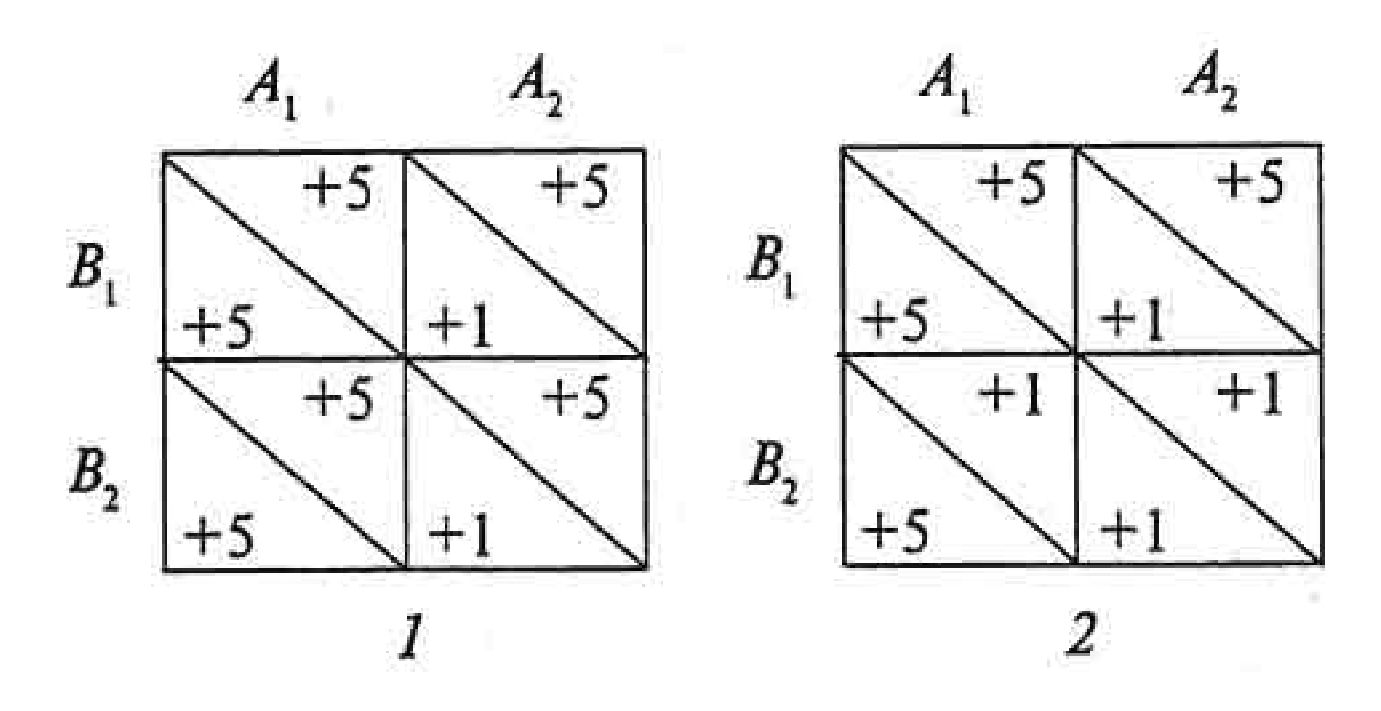


Рис. 2.

Первая матрица (рис. 2, *1*) иллюстрирует факт фатального контроля *A* над *B* (обратное неверно). В этом случае для участника *B* все зависит от того, какую линию поведения выберет *A*. Если он выберет A_1, то, что бы ни делал *B* (выбрал B_1 или B_2), все равно его выигрыш будет +5. Если же *A* выбирает A_2, то, что бы ни делал *B*, его выигрыш будет +1. Таким образом, *B* не имеет контроля над уровнем исхода, получаемого им, в этом отношении он полностью зависит от *A*, то есть, согласно Тибо и Келли, это означает, что *A* обладает властью над *B*.

Вторая матрица (рис. 2, *2*) иллюстрирует случай взаимного фатального контроля. *A* фатально контролирует *B* (мы уже разъяснили эту ситуацию); справедливо и обратное: *B* фатально контролирует *A*. Если *A* выбирает A_1, то *B* всегда получает максимальный выигрыш независимо от того, что он делает сам; если *B* выбирает

B_1, то A всегда имеет максимальный выигрыш независимо от того, что он делает.

Тибо и Келли полагают, что в ситуации, когда личность не имеет прямого контроля над собственным исходом, она может воспользоваться своей способностью влиять на исход другого и таким образом повлиять на свой исход косвенно. Они предполагают, что в самом общем плане для каждого участника в данном типе взаимодействия стратегия, которая наиболее вероятно ведет к стабильному взаимному вознаграждению, состоит в том, чтобы изменять свое поведение после получения наказания (издержек) и сохранять то же самое поведение, если достигнуто вознаграждение. В частности, в рассмотренной второй матрице, если оба участника придерживаются такой стратегии и если A выберет A_2 и B выберет B_1, B будет неудовлетворен своим исходом и вынужден в следующий раз изменить свой выбор на B_2, в то время как A продолжит выбирать A_2. Сочетание A_2B_2 приведет обоих участников к наименее предпочитаемым исходам. Это обстоятельство заставит каждого в следующем туре изменить свой выбор, и тогда комбинация A_1B_1 даст исход, предпочитаемый обоими, что приведет обоих к сохранению выборов в следующем туре; это, в свою очередь, приведет к повторению и т.д., поскольку участники оказываются в устойчивой взаимовыгодной ситуации.

Здесь уместно отметить, что в американской социальной психологии уделяется много внимания экспериментальному изучению так называемой минимальной социальной ситуации, которая понимается именно как случай взаимного фатального контроля. Каждый участник диады имеет альтернативу: дать другому вознаграждение или наказать его. Принимаемое исследователями допущение таково: эффект вознаграждения должен вести субъекта к повторению успешной реакции, в противном же случае — к ее изменению.

Поведенческий контроль одного участника диады над другим имеет место в том случае, когда каждый из них не может полностью определить исход для другого, но имеет средства (в виде своих стратегий) влиять на эти исходы. Согласно Тибо и Келли, в ситуации поведенческого контроля исходы участника не изменяются как функция его поведения или поведения другого. Здесь для определения исхода каждого необходимо знать решения (выборы) обоих членов диады. Две приводимые ниже матрицы иллюстрируют ситуации взаимного поведенческого контроля.

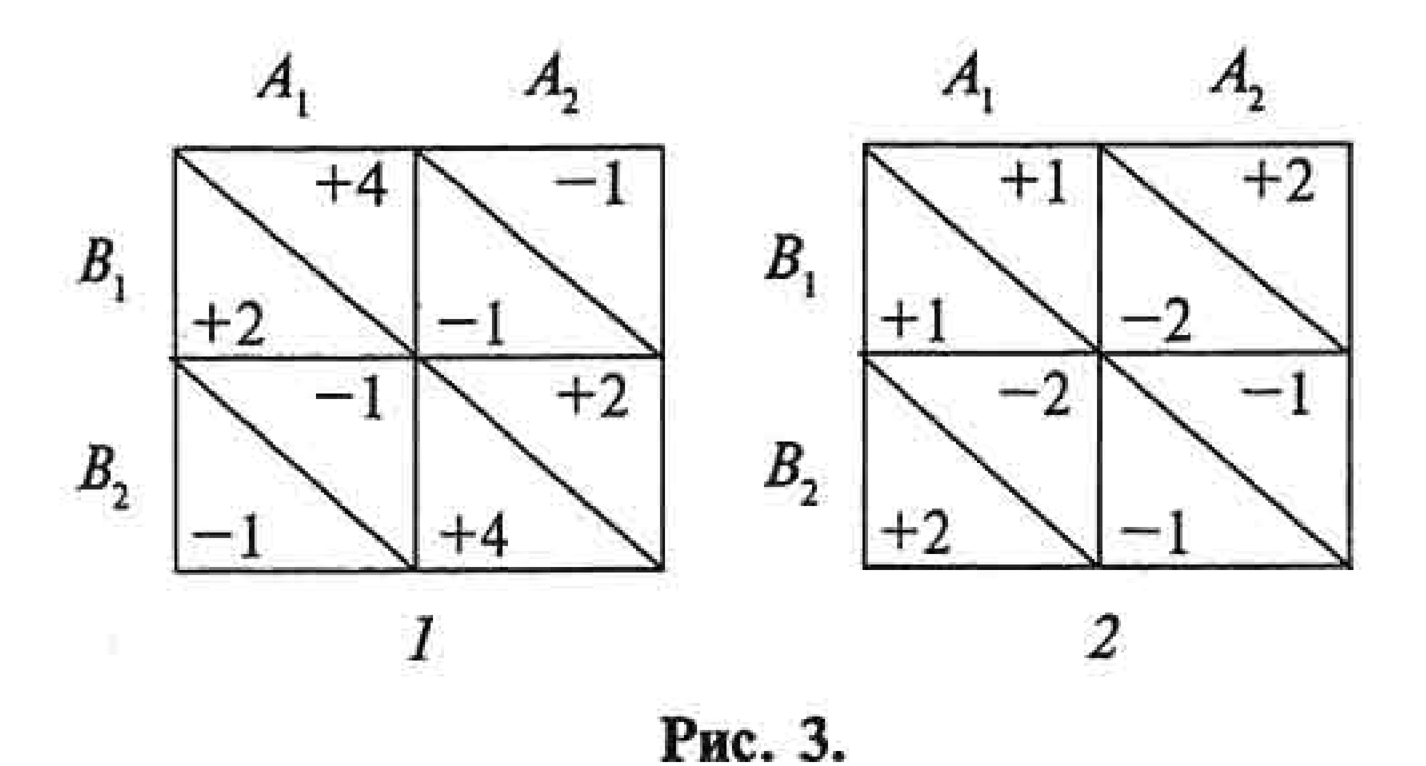


Рис. 3.

В первой матрице (рис. 3, *1*), если *A* выберет A_1, то он тем самым весьма повлияет на исход для *B* — для него уже исключена возможность исхода +4, он может иметь либо +2, либо −1. В этом и состоит поведенческий контроль, а лучше сказать, влияние *A* на *B*. Аналогично и *B* может влиять на исходы для *A:* если *B* выбирает B_2, то для *A* исключается исход +4, и он может получить либо +2, либо −1. Чтобы более конкретно представить себе данную ситуацию, обычно приведенная матрица получает следующую условную содержательную интерпретацию. Муж (*A*) и жена *(B)* хотели бы вместе провести вечер, причем муж предпочитает, чтобы они вместе пошли в кино *(A_1, B_1)*, а жена — чтобы они вместе пошли на концерт *(A_2, B_2)*. Пойти порознь для них хуже, чем идти на нежелаемое, но вдвоем. Если оба отправляются в кино, то для *A* это хорошо (+4): он любит кино, да к тому же они идут вместе. Для *B* это сулит меньший исход (+2): она не любит кино, но все-таки они идут туда вдвоем.Если *A* идет в кино, а *B* — на концерт, это испортит настроение обоим (*A* = −1, *B* = −1) — они не выносят разлуки. Если оба посещают концерт, это благоприятствует *B* (+4): она любит концерты, к тому же они будут вдвоем. Для *A* этот вариант несколько хуже (+2): ему не нравятся концерты, разве что они будут здесь оба. Если *A* — на концерте, а *B* — в кино, то они опять оказываются порознь, и это для них плохо *(A* = −1, *B* = −1).

Ясно, что в ситуации поведенческого контроля стратегии не приведут к стабильной взаимной выгоде до тех пор, пока один или оба участника не согласятся на исходы, меньшие, чем наиболее желательные. Рассмотренная матрица относится к категории ситуаций торга. Здесь, как и в большинстве случаев торга, положение участников будет лучше, если они придут к согласию. Однако

проблема как раз состоит в достижении соглашения. В нашем конкретном примере — это решение вопроса о том, куда все-таки пойти вместе: муж (*A*) предпочитает, чтобы оба выбрали пойти в кино, а жена *(B)* будет предпочитать, чтобы они оба пошли на концерт.

Ситуация, представленная второй матрицей (рис. 3, *2*), в литературе по теории игр получила условное название «дилемма узника» («prisoner's dilemma»). В содержательном плане ее иллюстрируют следующим образом.

Двух заключенных подозревают в совместном преступлении. Они помещены в отдельные камеры. Каждый из них имеет выбор — признаться или не признаться в совершенном преступлении. Узникам известно, что, если оба не признаются, их обоих освободят ($A = +1$, $B = +1$); если оба признаются, оба получат одинаковое незначительное наказание ($A = -1$, $B = -1$); если один признается, в то время как другой — нет, признавшийся будет не только освобожден, но и вознагражден, а непризнавшийся получит суровое наказание (если *A* не признается, а *B* признается, то *A* сурово накажут ($A = -2$), *B* же получит не только свободу, но и вознаграждение ($B = +2$); если *A* признается, а *B* нет, то *B* будет серьезно наказан ($B = -2$) и *A* отпущен с наградой ($A = +2$)).

Анализ матрицы показывает, что, выбирая признание, каждый участник может получить самое большое, на что он может рассчитывать в данной ситуации (+2),—понести наименьшую потерю из возможных (−2). Однако если каждый участник выберет признание, оба окажутся в проигрыше ($A = -1$, $B = -1$).

Совершенно определенно, что в ситуации «дилемма узника» выбор участников зависит от того, насколько каждый из них уверен в мотивах другого, и от того, в какой мере каждый уверен, что другой ему доверяет.

«Дилемма узника», как и первая рассмотренная нами ситуация, служит примером взаимного поведенческого контроля членов диады. Но она далеко не только этим интересна. Экспериментально-лабораторное проигрывание ситуации «дилемма узника» стало темой целой ветви исследований в зарубежной социальной психологии. В этом русле работает достаточно много авторов. В частности, М. Дойч, А. Рапопорт использовали данную схему, изучая различные аспекты взаимодействия. Обычно участников знакомят с матрицей, прежде чем их просят сделать выборы. Затем от них требуется сделать выборы одновременно: в одних случаях — не всту-

пая в коммуникацию друг с другом (классический вариант), в других случаях изучается именно воздействие коммуникации на поведение. Игра может проигрываться многократно, и после каждого тура игрокам сообщаются исходы обоих. Иногда в роли игрока выступает не один человек, а команда с лидером. В исследованиях варьировали пол, возраст, интеллектуальный уровень участников и др. — все это с целью эмпирического поиска психологических факторов, влияющих на выбор стратегий участниками данного конфликтного взаимодействия. За последние тридцать лет в этой области накоплен богатый эмпирический материал, представляющий несомненный интерес.

Что касается подхода Тибо и Келли к взаимодействию, то он содержит еще целый ряд аспектов, выходящих за пределы освещенных здесь принципов. Однако для общей оценки их ориентации необходимо прежде всего сделать акцент на исходных предпосылках этой позиции. Такая оценка может быть проведена, конечно, как бы изнутри данного подхода, т.е. не подвергая сомнению сам исходный принцип интерпретации межличностного взаимодействия авторами. Можно оценить, насколько последовательно он проведен, есть ли противоречия в его реализации и если есть, то какие, и т.д. Именно такой характер носит анализ позиции Тибо и Келли со стороны их американских коллег. Однако такого рода замечания, на наш взгляд, должны следовать после оценки правомерности самого принципа вознаграждения-издержек как основы трактовки всей сферы межличностных отношений. Именно этот принципиальный момент заслуживает анализа в первую очередь.

На наш взгляд, в качестве важнейшего упрека в адрес представленной позиции можно выдвинуть то, что авторы пытаются анализировать межличностный контакт как протекающий в вакууме, никак не связывая его с окружающим социальным контекстом. Имплицитно подразумевается, что сформулированный ими принцип построения межличностных отношений является универсальным, вневременным. Однако в действительности авторам не удается элиминировать из своей теории реальный социальный контекст: легко видеть, что теория Тибо и Келли является достаточно адекватной моделью многих аспектов диадического взаимодействия в условиях рыночных отношений, где принцип выгоды пронизывает все уровни контакта, в том числе социально-психологические отношения. В силу указанного обстоятельства эта теория не может, вероятно, претендовать на всеобщность.

Вряд ли правомерно подвергать сомнению идею Тибо и Келли о том, что социальное взаимодействие включает, предполагает взаимозависимость участников. Все дело в том, какой характер принимает взаимная зависимость. А это ближайшим образом определяется содержательными характеристиками социальной системы, в рамках которой протекает межличностное взаимодействие. Конечно, невозможно элиминировать вовсе из межличностных отношений соображения выгоды, полезности. Речь идет не об этом. Вопрос состоит в том, делает ли общий социальный контекст этот принцип основополагающим регулятором сферы межличностных отношений, определяющим всю «социальную психологию групп», или ему отводится иное, например, гораздо более скромное, место. В рассмотренной теории авторы отражают, концептуализируют вполне определенную социальную, в том числе социально-психологическую, реальность, однако воспринимают ее по существу как единственно возможную и универсальную. С этим связана неправомерная, на наш взгляд, универсализация вычлененного ими такого регулятора межличностных отношений, как принцип вознаграждения-издержек.

Что же касается оценки характера реализации авторами исходного принципа, то, несомненно, им удалось построить достаточно разветвленную систему представлений о природе межличностных отношений. Зарубежные авторы справедливо отмечают, что подход Тибо и Келли «содержит много проницательных суждений о процессах и детерминантах социального взаимодействия...» [Deutsch, Krauss, 1965, p. 123].

Еще один момент, обычно отмечаемый в качестве упрека позиции Тибо и Келли, в определенной степени обусловлен обращением авторов к теоретико-игровым представлениям. Дело в том, что «их теоретический анализ социального взаимодействия трактует его так, как если бы это было взаимодействие между личностями, которые преследуют свои интересы механистично, без всякой психологической реакции на осведомленность относительно того, что они думают друг о друге и как пытаются предсказать поведение друг друга. Их анализ часто обнаруживает допущение, что не делается различий между личностями и вещами, которые не могут сознавать самое себя и факт взаимодействия. Как следствие этого, их книга в большой степени игнорирует роль коммуникации в социальном взаимодействии, как если бы возможность обсудить проблемы не имела значения для социального поведения» [Deutsch, Krauss, 1965, p. 123—124].

Весь приведенный перечень допущений, вызывающих неудовлетворение психолога, отчасти связан с использованием языка матриц в анализе авторов. Этот заимствованный из математической теории игр способ описания взаимодействия действительно предполагает участников, которые разумны, т.е. стремятся к максимальному выигрышу. Причем теория игр имеет в виду, что стороны разумны в равной мере. Предполагается, что ситуации, в которых принцип максимизации выигрышей нарушается, теория не рассматривает. Кроме того, из анализа, по сути, опускаются действия игроков в рефлексивном плане. Таким образом, допущения теории игр минимизируют психологические характеристики участников. Поэтому, не отрицая полезности, необходимости использования теоретико-игровых методов в психологическом исследовании, многие психологи подчеркивают, что математические методы не могут заменить психологический анализ или подвергнуть сомнению его решающую роль в исследовании.

Можно указать также на большую трудность использования языка матриц для описания ситуации реального взаимодействия. Сложным делом оказывается и дать исчерпывающий перечень линий поведения участников (их стратегий), и численно представить исходы взаимодействия (выигрыши, платежи участников). В лабораторных экспериментах эти вопросы решаются сравнительно просто. В частности, исходы обычно выражаются в очках или деньгах. Но в этом случае во весь рост встанет проблема отношения добытых в эксперименте сведений к реальным ситуациям.

В целом зарубежные авторы отмечают, что теория Тибо и Келли не получила «тотального подтверждения», и квалифицируют эмпирические исследования, проведенные в рамках данного подхода, как «умеренно поддерживающие» [Shaw, Costanzo, 1970, p. 103]. Особенно много исследований в русле гипотез Тибо и Келли посвящено изучению ситуаций торга, что не случайно, ибо предлагаемый авторами исходный принцип как аналитическое средство наиболее адекватен именно данному классу ситуаций. У них же обнаруживается неоправданная тенденция построить всю социальную психологию на этой основе.

3.2. Подход Дж. Хоманса

Весьма близкой к позиции Тибо и Келли является теория «элементарного социального поведения» американского исследователя Хоманса [Homans, 1961]. Если Тибо и Келли формально не

связывают себя с бихевиористской ориентацией, то Хоманс в поисках объяснительных принципов прямо апеллирует к скиннеровской парадигме научения как основному источнику.

В центре внимания Хоманса — взаимный обмен вознаграждениями (позитивными подкреплениями) и издержками (негативными подкреплениями), который имеет место в диадическом контакте лицом к лицу. По его мнению, прямой и непосредственный обмен между участниками взаимодействия вознаграждениями и наказаниями составляет существо «элементарного социального поведения». Вслед за «поведенческой психологией» и «элементарной экономикой» он представляет человеческое поведение как «функцию его платежей».

Хоманс дедуцирует положения, релевантные анализу процесса социального обмена, из принципов, сформулированных бихевиористами на основе изучения оперантного поведения животных. В наборе категорий Хоманса основными оказываются следующие: «деятельность» («activity»), «сентимент» («sentiment»), «интеракция». Первый термин выступает равнозначным скиннеровскому термину «оперант». Сентименты составляют особый класс деятельностей, они «являются знаками аттитюдов и чувств, которые человек имеет по отношению к другому человеку или к другим людям» [Homans, 1961, p. 33]. Таковы, например, кивок, поцелуй, рукопожатие. Таким образом, сентименты не являются внутренним состоянием индивида, это виды открытого поведения. Подобно всякому поведению, сентиментами можно обмениваться, и в этом процессе обмена они подкрепляют, позитивно или негативно, поведение партнера по взаимодействию. Интеракция, по мнению Хоманса, состоит как раз в обмене оперантами (в его терминологии — деятельностями) и сентиментами, представляющими особый класс деятельностей.

Хоманс формулирует пять положений, способных, как он полагает, объяснить эмпирические данные социальной психологии. Первые четыре положения являются по сути переформулировкой скиннеровского представления о взаимосвязанном влиянии на поведение лишения или насыщения, а также частоты и качества подкрепления. Например, положение второе гласит: «Чем более часто в пределах данного временнóго периода деятельность человека вознаграждает деятельность другого, тем более часто этот другой будет инициировать деятельность» [Homans, 1961, p. 54]. Из предпосылки о том, что человек будет включаться в деятельность

тем больше, чем более он вознаграждается за нее, Хоманс извлекает ряд суждений о социальном взаимодействии. Например, чем чаще один человек благодарит другого за помощь, тем пропорционально чаще этот другой будет оказывать помощь первому.

В основу последнего, пятого, положения Хоманс кладет так называемое правило «распределенной справедливости» («distributive justice»), согласно которому каждый участник социального отношения, т.е. отношения обмена, по Хомансу, ожидает пропорциональности между получаемым выигрышем и понесенными издержками, иначе говоря, ожидает справедливого обмена издержек и вознаграждения. Возможные последствия нарушений данного правила как раз и представлены Хомансом в положении пятом: чем с большим ущербом для личности нарушается указанное правило, тем с большей вероятностью она «должна обнаруживать эмоциональное поведение, которое мы называем гневом» [Homans, 1961, p. 75]. С другой стороны, получение вознаграждения, непропорционального вкладу, приводит к возникновению у участника взаимодействия чувства вины. С точки зрения Хоманса, оценка сторонами меры возврата своего вклада основывается на прошлом опыте социального обмена. Именно прошлый опыт формирует ожидания своеобразной «нормы обмена». Представление Хоманса об индивидуально дифференцированных на основе прошлого опыта ожиданиях справедливого вознаграждения весьма похоже на понятие «уровень сравнения» у Тибо и Келли. Может оказаться, что одного опыт приучил к малым вознаграждениям за большие вклады, а другого — наоборот. Когда во взаимодействие вступают носители конфликтующих, а не взаимно дополняющих друг друга норм справедливого обмена, выдвинутое Хомансом правило не в состоянии определять ход взаимодействия. В этой ситуации наиболее вероятно прекращение взаимодействия.

Таково вкратце существо теории социального обмена Хоманса. Как справедливо отмечают Шоу и Костанцо, этот социально-психологический подход, как, впрочем, и подход Тибо и Келли, основывается на модифицированном законе эффекта Торндайка. Взаимодействие продолжается только в случае удовлетворяющих стороны исходов, в противном случае оно прерывается. Различие между удовлетворяющими и неудовлетворяющими ситуациями проводится в чисто экономическом смысле: первые обеспечивают участнику выгоду, вторые приводят к потерям.

Можно выделить два подхода к оценке изложенной теоретической концепции. В комментариях американских авторов обычно

отмечается ее логическая стройность, интересная попытка реинтерпретировать на ее основе существующие исследования по конформности, власти, социальному влиянию и т.д. В то же время подчеркивается ряд внутренних трудностей этой теории, обусловивших, в частности, достаточно скромную практику эмпирических исследований в ее русле. В первую очередь это относится к неудовлетворительному концептуальному и операциональному определению некоторых базовых понятий. В отсутствие строгих определений многие из используемых Хомансом понятий оказываются, скорее, метафорами, а не научными терминами. Отмечается также известная непоследовательность теории в реализации принципов скиннеровской психологии. Хоманс заимствует эти принципы выборочно, игнорируя, например, такой важнейший момент скиннеровского подхода, как влияния различных схем подкрепления. Указанные нестрогость и неполнота теории Хоманса, по мнению Дойча и Краусса, характерны ей не в большей мере, чем другим теориям американской социальной психологии, ни одна из которых не является теорией «в смысле теорий в физических науках». Легко заметить, что приведенные оценки подхода Хоманса следуют как бы изнутри данного подхода, не подвергая сомнению сам принцип интерпретации социального взаимодействия.

Другое направление критики пытается оценить сам этот подход. Во-первых, он рассматривается как современный образец психологического редукционизма в социальной психологии и социологии [Tajfel, Israel, 1972]. Хоманс считает необходимым в объяснении феноменов социального взаимодействия апеллировать к постулатам психологии, игнорируя социальные предпосылки.

Принципы, объясняющие «элементарное социальное поведение», Хоманс дедуцирует из скиннеровской психологии. В результате «социальное» поведение строится в соответствии с той же матрицей выигрышей и потерь, как и «несоциальное» поведение; в этой матрице другие люди служат в качестве средства, с помощью которого получаются эти выигрыши или предотвращаются потери. Именно в этом смысле они являются «стимулами», которые оказываются «социальными».

Попытки Хоманса дать интерпретацию социальных феноменов с позиций «поведенческих предпосылок» прямо приводят к искажению этих феноменов. Так случилось, например, с положением о «распределенной справедливости», которое он рассмат-

ривает как психологический закон. Формулирует его Хоманс на основе аналогии, по существу приравнивая гнев человека к реакции голубя на ситуацию, когда психолог, регулярно подкреплявший его при определенных условиях, внезапно прекращает подачу пищевого подкрепления в этих же условиях.

Исходя из подобной редукционистской модели, невозможно решить задачи объяснения и предсказания, которые ставит перед собой всякая теория, — в этом суть второго возражения против исходного принципа Хоманса. Объяснения оказываются тавтологичными или ложными. «Отправляясь от них, мы не можем ни понять, ни предсказать поведение кого-либо, кто не исполняет наши ожидания или не разделяет наши оценки, основанные на нашем общем опыте универсальной матрицы вознаграждений — наказаний; более того, маловероятно, что мы сможем понять или предсказать те аспекты собственного поведения, которые внезапно, по причинам, недоступным прямо нашему опыту, принимают новый поворот, ведущий к неожиданным «вознаграждениям» или «наказаниям» [Craig, Clarizio, 1975, p. 113].

Наконец, третье возражение можно адресовать тенденции Хоманса рассматривать свою теорию как некую абстрактную, универсальную модель социального взаимодействия. Он убежден, что ориентация на поиск выгоды является атрибутом индивида, «который обнаруживается во всех обстоятельствах, т.е. независимо от общества» [Tajfel, Israel, 1972, p. 268]. В действительности, однако, претензию на построение абстрактной модели отношений обмена следует признать несостоявшейся. Обмен кажется свободным, «лишь поскольку он абстрагируется от существующих социальных условий и отношений, которые в реальности детерминируют принимаемую обменом форму» [Lindzey, Aronson, 1968, p. 288]. Теория Хоманса имеет своим источником вполне определенный социальный контекст — условия капиталистического общества. Существо теории во многом обусловлено тем обстоятельством, что она основана на аналогии. Как отмечают Дойч и Краусс, в качестве аналога диадического взаимодействия берется рыночная торговая сделка [Deutsch, Krauss, 1965, p. 116]. Образ рынка достаточно адекватно передает характер отношений в современном обществе. В этом смысле теория Хоманса схватывает отдельные аспекты диадического взаимодействия по типу рыночного обмена. «Обмениваемая деятельность рассматривается главным образом с точки зрения ее полезности другим, — пишет Я. Яноушек, — тогда как ход этой

деятельности и ее структура считаются менее важными» [Tajfel, Israel, 1972, p. 288]. Далее Яноушек отмечает характерное для данного подхода малое внимание процессам принятия аттитюдов и ролей партнера, а также процессу самовыражения.

Эти аргументы весьма напоминают критические замечания, высказываемые в адрес рассмотренной выше теории Тибо и Келли, что лишний раз свидетельствует о родственности теорий. К ним обеим в равной мере можно отнести и положения из комментария С. Московичи. Он оценивает подход Тибо и Келли как «попытку конструировать теорию коллективных процессов на основе индивидуалистической теории» [Tajfel, Israel, 1972, p. 26]. Кроме того, он указывает на исключение данным подходом важнейшего для области групповой динамики вопроса о том, каким образом «группа является продуктом собственной деятельности. Группы не просто адаптируются к своему окружению; некоторым образом они создают это окружение» [Tajfel, Israel, 1972, p. 26—27]. С точки зрения Московичи, рассматриваемый подход в изучении групповой динамики «парадоксально не обнаруживает интерес к генезису групп», к человеческой творческой деятельности, проявляющейся, в частности, в том, что группы «создают себя». Использование же принципов функционирования рынка в качестве основы общей социально-психологической теории, по мнению Московичи, неоправданно, поскольку «рынок—это специальный социальный институт, характерный для определенного исторического периода» [Tajfel, Israel, 1972, p. 26].

Все приведенные критические аргументы являются, на наш взгляд, весьма уместными в отношении рассмотренных теорий. К ним можно добавить следующее. В обоих случаях авторы, как правило, не учитывают такой характеристики исследуемой диады, как состоит ли она из случайных людей, т.е. является диффузным образованием, или участники диады имеют определенный опыт взаимодействия, общения между собой в ходе совместной деятельности. Неучет подобного аспекта в анализе социального взаимодействия является серьезным упущением. Для авторов характерно также отвлечение в анализе от содержания той деятельности, которой обмениваются взаимодействующие стороны. Подобная ориентация на изучение преимущественно абстрактных форм и механизмов взаимодействия весьма обедняет социально-психологический анализ.

* * *

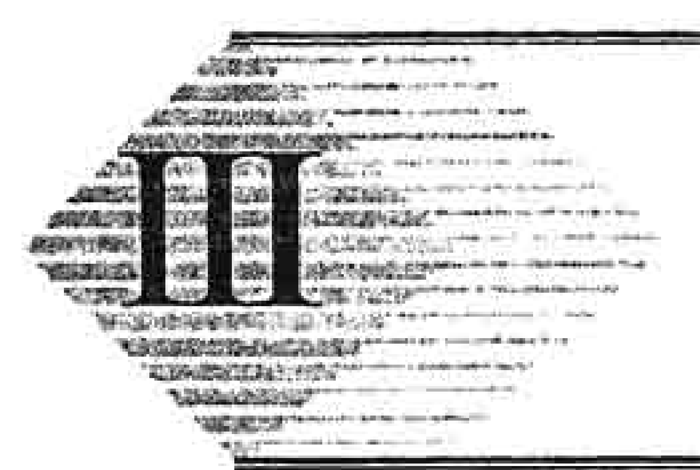
Кроме рассмотренных теорий, более или менее систематически реализующих принципы необихевиористской ориентации, следует упомянуть случаи вкрапления отдельных положений необихевиоризма в различные исследования, выполненные в целом с иных теоретических позиций. Как уже отмечалось, подобная практика является достаточно типичной для современной зарубежной социальной психологи. С подобным переплетением позиций мы сталкиваемся, например, в исследовании феномена аттракции. В частности, Т. Ньюком, работы которого в основном могут быть отнесены к когнитивистской ориентации, в подходе к вопросам аттракции явно апеллирует к необихевиористскому принципу подкрепления, предполагая, что аттракция между индивидами — это функция степени, в которой во взаимодействии представлены взаимные вознаграждения. Можно упомянуть область социально-психологического тренинга, базирующегося в основном на принципах научения, как они представлены в современной бихевиористской ориентации. В частности, Т. Сарбин включает вариант теории подкрепления в свой общий подход к ролевому поведению и ролевому научению. Весьма освоенной областью для необихевиористской ориентации является проблематика социальной установки (аттитюда). Здесь обращает на себя внимание большой объем экспериментальных исследований, представленных прежде всего в трудах авторов Йельской школы. Правда, относительно меры влияния необихевиоризма на эти работы высказываются различные суждения. Дело в том, что в данном случае мы сталкиваемся, с одной стороны, с достаточно четкой формулировкой исходных принципов исследования — и для них как раз характерен бихевиористский крен. С другой стороны, в ряде случаев эксперименты выводят авторов за рамки исходных теоретических положений. Обнаруживается, что они используют и более феноменологически ориентированные понятия теории личности и групповой динамики. Таким образом, это еще одна иллюстрация характерного для современной американской социальной психологии совмещения различных теоретических позиций в подходе к отдельным проблемам. Завершая рассмотрение необихевиористской ориентации в целом, можно сказать, что основные исследовательские успехи в рамках данной ориентации связаны с изучением аспектов адаптивного поведения.

Эксплицитным либо имплицитным лейтмотивом всех исследований оказывается идея о том, что основной задачей всякого организма, включая человека, является его пассивная адаптация к существующим условиям. Что же касается преобразующей человеческой деятельности, то данная сфера — в силу природы исходных предпосылок — из анализа исключена. Ж. Пиаже и Б. Инелдер пишут по этому поводу следующее: «Сооружение электронной машины или спутника обогащает не только наше знание о действительности, но и саму действительность, в которой еще не было таких объектов. Эта творческая природа действия существенна. Бихевиористы изучают поведение, таким образом, действия, но слишком часто забывают «активную» и преобразующую характеристику действия» [Koester, Smythies, 1969, p. 128]. Взаимодействие человека с окружением приводит к изменению этого его окружения, которое поэтому не может рассматриваться в виде некоторой константы.

В плане межличностного взаимодействия в данной ориентации исходным по существу оказывается представление о детерминации социально-психологических феноменов в диаде характеристиками индивида. Подобного рода «методологический индивидуализм» ведет к редукционистским представлениям, которые препятствуют широкому освоению проблематики групп в необихевиористской ориентации.

В целом же следует отметить большую динамичность необихевиористской ориентации, проявляющуюся и в активной модификации изначальных исходных предпосылок (казалось бы, парадоксальном срастании с когнитивными тенденциями), и в особенности в освоении большого поля прикладных разработок. Например, известны многочисленные успешные программы массового оздоровления американского населения, выполненные в русле подхода Бандуры.

Наряду с психоанализом бихевиоризм — это то, с чего началось становление психологии как науки. Все дальнейшие направления ее развития всегда так или иначе соотносились с ним, и в этом отношении было много критического пафоса. На наш взгляд, богатство психологической реальности составляют и ее глубинные пласты, и их поверхностные, внешние проявления. Соответственно и богатство психологической науки складывается из разнонаправленных осмыслений этой многообразной, многоуровневой реальности.



КОГНИТИВИСТСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ

1. ИСТОЧНИКИ И ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Из трех теоретических направлений социальной психологии, имеющих своим источником системы психологического знания, когнитивизм труднее всего определить как единую «школу». Широкий спектр концепций, относимых обычно к этой ориентации, объединяет, тем не менее, известная общность теоретических источников и единство концептуального аппарата, посредством которого описывается тоже достаточно прочно привязанный к когнитивизму круг социально-психологических феноменов.

В самом общем виде сущность когнитивистского подхода может быть охарактеризована как стремление объяснить социальное поведение при помощи описания преимущественно познавательных процессов, характерных для человека. В противоположность бихевиоризму когнитивисты обращаются прежде всего к психической деятельности, к структурам психической жизни. Главный акцент в исследованиях делается на процесс познания (cognition). Общая линия связи между этим процессом и социальным поведением прослеживается следующим образом: впечатления индивида о мире организуются в некоторые связные интерпретации, в результате чего образуются различные идеи, верования, ожидания, аттитюды, которые и выступают регуляторами социального поведения. Таким образом, это поведение целиком находится в контексте некоторых организованных систем образов, понятий и других «менталистских» образований.

При объединении этих образований в связанную структурированную систему человеку неизбежно приходится принимать некоторое решение, первым шагом на пути к которому является отнесение воспринимаемого предмета к какому-либо классу явлений,

т.е. соотнесение его с определенной категорией. Процесс категоризации предполагает избирательное отнесение к той или другой категории, что требует в свою очередь особой тщательности в определении значения воспринимаемого предмета. Поэтому главными проблемами социальной психологии становятся перцепция, аттракция, формирование и изменение аттитюдов и т.д.

Именно эта, пока самая общая, характеристика когнитивистской ориентации позволяет понять, почему ее теоретическими источниками выступают гештальтпсихология и теория поля К. Левина.

Гештальтпсихология, как известно, явилась одним из вариантов «психологии сознания» [Ярошевский, Анцыферова, 1974, с. 209], где на место реального человека и его взаимодействия с окружающим миром ставится сознание, а деятельность сводится к деятельности сознания. Один из видных теоретиков когнитивистской социальной психологии Р. Абельсон впоследствии выразит это как своеобразную программу всех когнитивистских теорий: «Мой вариант Каждого Человека заставляет рассматривать его в большей степени в качестве Думателя, чем в качестве Делателя» [Abelson, 1968, p. 113].

Общность исходных принципов гештальтпсихологии и когнитивных теорий в социальной психологии может быть прослежена и более конкретно — путем анализа апелляций современных когнитивистов к некоторым более частным идеям гештальтпсихологии. Это прежде всего относится к *идее образа,* рассмотренного в гештальтпсихологии в качестве целостного образования. Выступив против психологического структурализма, где восприятие понималось как мозаика ощущений, а целостность в лучшем случае интерпретировалась как целостность дискретных элементов, гештальтпсихология предложила новый подход к восприятию, где утверждался его изначально целостный характер. Этот подход был реализован в феноменологическом методе, когда наблюдатель непосредственно описывает содержание своего восприятия. Дальнейшее развитие этих идей Дж. Брунером в сформулированной им программе «New Look» («Новый взгляд»), в частности, при разработке идеи категоризации [Брунер, 1975, с. 136], а также в некоторых построениях транзактной психологии, явилось непосредственной основой когнитивистского подхода в социальной психологии.

Другая идея, которая была заимствована из гештальтпсихологии, — это *идея изоморфизма,* интерпретированного Кёлером как структурное подобие между материальными и психологическими

процессами. Хотя у социальных психологов уделяется гораздо меньше внимания рассмотрению собственно изоморфизма между мозговыми процессами и феноменальным полем, все же сама идея в трансформированном виде присутствует и здесь. Особенно значимой она становится тогда, когда с точки зрения подобия начинают рассматривать не элементы перцептуальной организации человека и социально организованного пространства, но различные аспекты межличностных отношений.

Идея *имманентной динамики гештальта,* служащая основанием для процесса преобразования познавательных структур субъекта — «реорганизации», «перегруппировки», по Вертгеймеру, — также достаточно прямо проявляется в когнитивных теориях социальных психологов. Закон центрации, открытый Кёлером, состоящий в том, что может возникать новая структура восприятия, адекватная проблемной ситуации, — «перецентрация», субъективно переживаемая как инсайд, дал основание для построения многочисленных моделей баланса, соответствия, когда установление соответствия не только в когнитивных структурах, но и в межличностных отношениях субъективно переживается как психологический комфорт.

Для этих же теорий соответствия большое значение имела *идея господства «хороших фигур»,* простых, симметричных, уравновешенных и замкнутых, для которых действует закон прегнантности. Факторы, организующие восприятие и выступающие в качестве перечня того, что должно подлежать группировке в воспринимаемом объекте, перечисленные Вертгеймером, почти полностью потом воспроизводятся Ф. Хайдером, когда в его концепции рассматриваются принципы группировки людей, воспринимаемых в системе межличностных отношений. Хотя термин «прегнантность» здесь и не употребляется, однако принцип использован при раскрытии понятия «баланс».

В весьма своеобразном виде когнитивисты принимают и *идею ассимиляции и контраста,* используя ее при исследованиях специфики восприятия человека человеком, когда речь идет о различных этнических группах (человек воспринимается или путем ассимилирования его с группой, или, напротив, по контрасту с ней).

Таким образом, весь традиционный набор идей гештальтпсихологии широко представлен в работах социальных психологов когнитивистской ориентации. В них довольно часты прямые ссылки на классические произведения гештальтистов, в частности на

книгу Кёлера «Гештальтпсихология»; многие из авторов, работающих в рамках этой ориентации, открыто называют себя учениками школы гештальтпсихологии.

Не нужно, конечно, упрощать характер этих отношений. Во-первых, сама специфика социально-психологической проблематики требует, естественно, модификации многих принципов, выдвинутых при исследовании проблем общей психологии. Во-вторых, когнитивистские теории в социальной психологии отстоят и в исторической перспективе от классической гештальтпсихологии на довольно длительное расстояние, и критика, сопутствующая всей истории этого течения, не может остаться неучтенной, в частности в свете данных, полученных в результате последних исследований. Наконец, ситуация сближения различных теоретических подходов в современной социальной психологии на Западе приводит к тому, что в гештальтистскую традицию сплошь и рядом включаются элементы иных подходов и возникает совершенно новый «сплав» идей.

Наиболее существенным, на наш взгляд, является поэтому не воспроизведение содержания какой-либо конкретной идеи, а сохранение общей «тональности» гельштальтпсихологии, присутствующей в работах когнитивистов. Кроме того, нельзя недооценить и такую методологическую близость между гештальтпсихологией и современными когнитивными теориями, как призыв опереться на непосредственный жизненный опыт. Рассмотрение этого непосредственного жизненного опыта как первого шага в создании научной психологии, законность его изучения для построения вполне «респектабельной» науки, допустимость (в противовес бихевиоризму) соединения хорошей практики эксперимента с данными «наивного», непосредственного опыта — эта программа, в общих чертах сформулированная в гештальтпсихологии, стала своеобразным исходным принципом когнитивизма.

Другим теоретическим источником когнитивистской ориентации явилась *теория поля К. Левина*. Несмотря на близость Левина к гештальтпсихологии, ему присущи такие новые акценты, разработанные в теории поля, которые становятся особенно значимыми для социальной психологии. Поэтому довольно часто исследователи вообще считают необходимым обозначить теорию поля не только как один из источников когнитивизма, но и рассмотреть ориентацию на нее как самостоятельный теоретический подход в социальной психологии. Нам представляется, однако, более убе-

дительной та точка зрения, которая рассматривает когнитивизм как известный синтез идей ортодоксальной гештальтпсихологии и теории поля Левина [Левин, 2000].

Наиболее важное значение для социальной психологии имеет тот факт, что в отличие от гештальтпсихологии, имевшей дело преимущественно с перцептивными процессами, теория поля предлагала принципы исследования проблемы личности и, следовательно, наряду с разработкой понятия «образ» выдвигала разработку понятия «мотив». Тот факт, что Левин делает упор не на гносеологический, а на мотивационный аспект субъектно-объектных отношений, таил в себе особую привлекательность для социальной психологии, поскольку, несмотря на приверженность когнитивистов к значению фактора информации для социального поведения, одного этого фактора оказывалось явно недостаточно. При обращении к социальному поведению проблема мотивации никак не могла быть обойденной. И хотя до сих пор проблема связи когнитивных и мотивационных процессов не решена в социально-психологических исследованиях этой ориентации, сама постановка ее возможна, в том числе и на основе синтеза классической гештальттеории и теории поля.

Для социальных психологов особенно значимыми оказались следующие положения теории поля.

Идея взаимодействия индивида и окружения (среды), где в отличие от гештальттеории значение приобретает не только перцептивная структура, но и структура, в которой совершается поведение. Это дает возможность выхода из чисто когнитивных образований в область реального поведения. Конечно, в концепции Левина существуют очевидные противоречия, которые, в частности, стоят на пути и названной продуктивной идеи: препятствием исследованию подлинно *реального* поведения является тот факт, что сами реальные взаимодействия личности с миром заменены отношениями личности с «психологическим окружением», или, точнее, отношениями между системами напряжений личности и этим психологическим окружением. Но это уже другой вопрос: как выступает для Левина реальное поведение? Его решение в психологии зависит от общих философских позиций исследователя, и критический анализ этих идей Левина может быть дан только с позиций принципиально иной методологии [Ярошевский, 1974]. Когнитивистами же, работающими в области социальной психологии, была использована сама постановка проблемы моти-

вации социального поведения личности, находящейся во взаимодействии с окружением.

Известный синтез идей теории поля с идеями ортодоксальной гештальтпсихологии был осуществлен в рамках когнитивистского направления именно за счет усвоения ими двоякого содержания понятия «поле». Использование этого понятия в гештальтпсихологии и у Левина различно. Как справедливо отмечает М. Г. Ярошевский, «для гештальтистов “поле” в психологии — это перцептивная структура, это то, что воспринимается в качестве непосредственно данного сознанию. Для Левина “поле” — это структура, в которой совершается поведение. Она охватывает в нераздельности мотивационные устремления (намерения) индивида и существующие вне индивида объекты его устремлений» [Ярошевский, 1974, с. 258]. Принятие идеи «поля» в обоих его значениях оказалось принципиально важным для социальной психологии, ибо позволяло перейти, пользуясь одними и теми же принципами, от когнитивных структур к структурам межличностных отношений.

Другая идея Левина, непосредственно использованная в когнитивистской социальной психологии, — это *идея валентности.* Как известно, Левин ввел это понятие, чтобы объяснить направленность «локомоций» индивида в «жизненном пространстве»: позитивная валентность обеспечивает устремление индивида в определенный район силового поля, негативная валентность—движение в противоположную от него сторону. Как мы увидим ниже, многие построения когнитивистов относительно представленности в феноменальном поле субъекта его отношений к другим людям или объектам будут, хотя и в трансформированном виде, эксплуатировать эту идею.

Но подобно тому как это имело место в случае с гештальтпсихологией, вряд ли влияние Левина на когнитивистскую социальную психологию целесообразно усматривать в заимствовании ею каких-то конкретных идей Левина. Скорее и здесь влияние проявилось гораздо больше в общей ориентации психологического исследования, а именно в той идее, что психологические явления должны быть объяснены в психологических понятиях, что в фокусе исследования в первую очередь должны находиться центральные психические процессы, такие, как перцепция, мотивация, целенаправленное поведение, а не периферические, представленные сенсорно-мускульной системой. Общий принцип необходимости изучения индивида во взаимодействии с окружением при-

менительно к языку социальной психологии выступил как принцип необходимости изучения личности в контексте группы, к которой она принадлежит. Уважение к экспериментальному исследованию в таких сложных проблемах психологии, как проблема личности, само мастерство Левина в проведении экспериментов в подобной области стимулировали серьезную экспериментальную практику в рамках когнитивистской ориентации.

Если особая щепетильность в проведении экспериментов обычно справедливо связывается с традицией бихевиоризма, то для социальной психологии характерно стремление решать любую проблему на экспериментальном уровне также и в рамках когнитивистской традиции. Только в отличие от бихевиоризма когнитивизм — в значительной мере под влиянием Левина—стремится анализировать именно «гуманистические» аспекты поведения. Так или иначе, но влияние Левина на американскую социальную психологию оказалось огромным, именно его ученики создали ядро когнитивистской ориентации (прежде всего Л. Фестингер и Ф. Хайдер), многие из предложенных им понятий вошли в язык когнитивных теорий. Особняком стоит, конечно, и новая область исследований, обозначенная Левином как «групповая динамика». Целый комплекс собственно социально-психологических проблем, таких, как стиль лидерства, групповая дискуссия, групповая сплоченность, стал разрабатываться именно в рамках этого подхода. Тот факт, что названная проблематика не рассматривается здесь, поскольку не имеет прямого отношения к когнитивистской ориентации, не должен означать, что эта сторона деятельности Левина может быть сброшена со счета при анализе состояния социальной психологии в XX столетии.

Концептуальный аппарат когнитивных теорий является второй основой для объединения их в единую ориентацию. Главным понятием выступает здесь понятие «когнитивной организации», или «когнитивной структуры». Р.Зайонц понимает под этим «любую форму взаимодействия между когнитивными элементами (независимо от их определения), которая имеет мотивационные, аффективные, установочные, поведенческие или когнитивные следствия» [Zaionc, 1968, p. 321]. Оговорка относительно независимости существа дела от определения когнитивных элементов не является случайной. По вопросу о том, что же выступает в качестве «элементов» когнитивной структуры, идет оживленная дискуссия. Для Фестингера, например, такими элементами, или «когнициями»,

являются «любые знания, мнения, убеждения об окружении, о себе, о чьем-то поведении» [Festinger, 1957, p. 200]. Дж. Брем предпочитает называть эти элементы «пунктами информации», что, в общем, мало проясняет дело. Внутри когнитивной структуры можно различить три основных процесса: дифференциацию, интеграцию, соотнесение элементов. Индивид использует эти процессы, чтобы отличить друг от друга или, напротив, идентифицировать отдельные частные явления.

Другой важной парой понятий в исследованиях когнитивистов являются понятия «стимул» и «ответ». Стимул в этой традиции, в отличие от бихевиоризма, понимается как сложное образование, связанное с когнитивными процессами индивида. Можно выделить три значения этого понятия: а) физический объект, б) пространственное поле, вызывающее возбуждение нервной системы, в) феноменологическое представление географического объекта. Чаще понятие «стимул» употребляется в первом значении, хотя настойчиво подчеркивается специфика и этого употребления: стимул—это не просто объект, но объект как элемент общей ситуации, объект в его отношениях. Что же касается «ответа» (понятие употребляется реже), то оно имеет совершенно однозначное содержание: ответ—это процесс организации когнитивной структуры, осуществляемый под воздействием стимула.

Как уже отмечалось, в когнитивистских теориях широко используется понятие «значение». Некоторые авторы считают его центральным понятием этих теорий. Ч. Осгуд, например, утверждает, что «значение является одной из наиболее значительных, стержневых переменных человеческого поведения» [Osgood, Suci, Tannenbaum, 1968, p. 32]. Обычно в работах социальных психологов этого направления не даются какие-либо особые дефиниции «значения», и чаще всего принимается определение Дж.Брунера: «Значение чего-либо воспринятого извлекается из класса объектов, с которыми оно группируется. Значение есть следствие процесса категоризации» [Брунер, 1975, с. 138]. В связи с употреблением понятия «значение» представители когнитивистской ориентации вводят довольно своеобразное толкование выражения «frame of reference» — «понятийная рамка». Как уже отмечалось в главе I, обычно это понятие используют в логике науки, при анализе методологических и теоретических проблем знания для характеристики некоторого общего контекста, в котором работает исследователь или который характерен для какой-либо теоретической

ориентации. Здесь выражение «понятийная рамка» указывает на некоторый контекст *поведения* индивида, которое строится на основании постоянного сравнения (например, «маленький слон»). Система принимаемых значений образует эту «frame of reference», создает как бы некоторый масштаб, или канву, рассмотрения воспринятых объектов и тем самым соразмеряет с ней поведение.

Есть еще целый комплекс понятий, который характерен не для всех когнитивных теорий, но лишь для большой их группы. Поэтому, прежде чем анализировать эти понятия, необходимо дать общую характеристику всего круга теорий, объединяемых под названием когнитивистских (или когнитивных).

К когнитивным теориям относятся: 1) теории когнитивного соответствия (Ф. Хайдер, Т. Ньюком, Л. Фестингер, Ч. Осгуд, П. Танненбаум, Р. Абельсон, М. Розенберг); 2) теории С. Аша, Д. Креча и Р. Крачфилда, использующие основные понятия когнитивизма, но не принимающие идеи соответствия. Рассмотрим более подробно содержание этих теорий.

2. ТЕОРИИ КОГНИТИВНОГО СООТВЕТСТВИЯ

Обширный класс социально-психологических теорий соответствия, составляющих ядро когнитивистской ориентации, базируется на центральной идее о том, что когнитивная структура человека не может быть несбалансированной, дисгармоничной, а если это имеет место, то немедленно возникает тенденция изменить такое состояние. Эта идея по-разному представлена в различных теориях, но сам факт одновременного обращения к ней многих исследователей весьма примечателен. Сами последователи этих теорий в своеобразном *credo* — работе «Теории когнитивного соответствия» [Abelson et al. (eds.), 1968] отмечают, что история их возникновения есть иллюстрация нередко встречающегося в истории науки явления, когда в определенный период времени возникает несколько сходных теорий, созданных авторами, не имеющими между собой прямых научных контактов. В конце 50-х годов так же получилось и с теориями когнитивного соответствия, которые возникли под разными названиями: баланса, конгруэнтности, симметрии, диссонанса. Общим для них всех с самого начала стало признание того факта, что человек ведет себя таким образом, чтобы максимизировать внутреннее соответствие его когнитивной си-

стемы, и, более того, группы ведут себя таким образом, чтобы максимизировать внутреннее соответствие их межличностных отношений. Ощущение же несоответствия вызывает психологический дискомфорт, что порождает реорганизацию когнитивной структуры с целью восстановления соответствия.

Хотя эти теории возникли лишь в конце 50-х годов, к ним применимы слова Эббингауза, относящиеся к психологии в целом: эти теории имеют «длинное прошлое, но короткую историю». Сами последователи этих теорий усматривают их связь еще со средневековым понятием *логического человека* или с понятиями *рационального человека, экономического человека*, относящимися к философским концепциям более позднего времени. Таким образом, общность подхода подчеркивается в том пункте, где осуществляется попытка соотнести логичное и алогичное, рациональное и нерациональное в поведении человека, что, вообще говоря, является действительно одной из центральных задач психологии.

Тот факт, что именно в конце 50-х годов XX в. западная социальная психология вновь концентрирует свое внимание на этой проблеме, очевидно, не является случайным. Довольно длительное господство бихевиористской ориентации к этому времени утвердило, казалось бы, незыблемый стандарт строгого объективного исследования поведения, претендующего на объяснение его механизмов. Но это было преимущественно объяснение поведения животных, и аналогии с поведением человека оказались весьма уязвимыми, прежде всего потому, что за бортом исследований оказался такой существенный момент, как сознание человека. Следовательно, проблема соотношения логичного и алогичного в поведении по-прежнему оставалась нерешенной. Между тем усложнение форм общественной жизни, необходимость активных, рациональных форм поведения диктовали социальной психологии своеобразный «заказ» на объяснение указанных феноменов. Теории соответствия в специфической форме ответили на этот заказ.

Непосредственными источниками всех теорий соответствия считают идеи К. Левина о природе конфликта и коллективную работу«Авторитарная личность», выполненную под руководством Т. Адорно [Адорно, 1997]. Левин, как известно, выделил три вида психологических конфликтов, которые позже были подтверждены Миллером в результате акспериментов на животных. Эти типы конфликтов: «подход — подход» («approach — approach»), «избегание — избегание» («avoidence — avoidence»), «подход — избега-

ние» («approach — avoidence») [Левин, 2000, с. 286]. Сама ситуация альтернативы, в которой каждый раз оказывается индивид, по мнению Брауна, впервые могла быть удовлетворительно интерпретирована именно в терминах моделей соответствия. Что же касается работы Адорно, имеющей четкую политическую направленность против культа фюрера, но привлекающей чисто психологические объяснения общественных явлений, то в ней последователи теорий соответствия отметили одну важную для них деталь. В разделе этой книги, озаглавленном «Когнитивная организация личности», обсуждалось понятие *«толерантность неоднозначности»*, которое рассматривается как прообраз идеи *терпимости несоответствия*, сыгравшей важную роль, в частности, в теории когнитивного диссонанса.

С самого начала своего существования теории соответствия стали рассматриваться как *социально-психологические* теории, хотя сами авторы необязательно отождествляли их с социальной психологией. Справедливо, что в полном объеме проблема когнитивных структур и динамики когнитивной организации человека есть общепсихологическая проблема, и лишь некоторые ее аспекты представляют интерес для социального психолога: не случайно направление когнитивной психологии утверждает себя на Западе все больше и больше как общепсихологическое направление. Однако тот конкретный вид, который приобретает когнитивизм в теориях соответствия, связан в первую очередь, конечно, с социально-психологическим материалом. В этом нетрудно убедиться, обратившись непосредственно к содержанию самих теорий.

Из всех теорий соответствия наибольшую известность получили следующие: теория *структурного баланса* Ф. Хайдера, теория *коммуникативных актов* Т.Ньюкома, теория *когнитивного диссонанса* Л. Фестингера, теория *конгруэнтности* Ч. Осгуда и П. Танненбаума.

2.1. Теория структурного баланса Ф. Хайдера

Ф. Хайдер — один из наиболее последовательных приверженцев гештальтпсихологии. Его идеи никогда не разрабатывались специально для социальной психологии, и именно его многие исследователи считают основателем общей когнитивной психологии. Основная идея Хайдера сводится к тому, что люди склонны развивать упорядоченный и связный взгляд на мир, и в этом процессе они строят некую «наивную психологию», которая имеет оп-

ределенное сходство с научной: подобно тому как в представлениях «наивной психологии» люди стремятся за внешним поведением личности понять ее установки, мотивы, задача науки — за поверхностью явлений отыскать некоторые инвариантные свойства мира. Только отыскание этих инвариантов может помочь ориентироваться в мириадах явлений. Таким образом, с самого начала акцент сделан на проблему восприятия.

Впервые эти идеи были изложены Хайдером в работе 1944 г. «Социальная перцепция и феноменальная причинность» [Heider, 1944]. Эксперимент, описанный в ней, состоял в следующем: 114 испытуемых рассматривали кадры с движущимися фигурами — двумя треугольниками и одним диском; 34 испытуемых просили описать, что они видят, не давая никаких дополнительных указаний, как это сделать; 80 другим испытуемым было предложено интерпретировать движение этих фигур как действия личностей и после этого описать, что они видят. Из первой группы (34 человека) 33 человека описали движение фигур тоже в терминах живых существ, главным образом личностей. Отсюда Хайдер сделал вывод, что не существует каких-то принципиальных различий между восприятием физических объектов, как оно трактуется в гештальтпсихологии, и восприятием личностей [Heider, 1946, р. 373]. Этот вывод был положен в основу представлений когнитивной психологии и стимулировал в дальнейшем своеобразное «приложение» проблем перцепции к трактовке специфических социально-психологических феноменов.

Один из исходных тезисов Хайдера — важность изучения «житейской психологии»: чтобы понять социальное поведение личности, надо понять житейскую психологию и те богатства и находки, которые имеются в здравом смысле. Эта наивная житейская психология находит свое выражение, в частности, в языке, в литературных и философских сентенциях, касающихся межличностных отношений. Поэтому методом изучения наивной психологии может быть анализ психологических понятий, употребляемых в языке, и их связи с понятиями, употребляемыми в сказках, новеллах и т.п.

Поскольку важной детерминантой поведения является стремление человека к упорядоченному и связному пониманию его отношения к миру, постольку правомерно опереться на те суждения здравого смысла, которые фиксируют эту черту поведения. В частности, заслуживают внимания такие распространенные в житейс-

ком обиходе сентенции, как «мы любим людей, принадлежащих и нам», «наши друзья дружественны между собой», «мы любим то что любят наши друзья», «если мы не любим себя, то не любим и вещи, принадлежащие нам, а также людей, любящих нас», «то не любит группу, чье мнение расходится с мнением группы» и т.д. По мысли Хайдера, в этих сентенциях изложены представлени наивной психологии о сущности стремления человека к сбаланси рованной когнитивной структуре, иными словами, первый посту лат теории сбалансированных структур — *идея баланса*. Здесь ж находим и второй постулат — *идею приписывания* (каузальной ат рибуции), т.е. процесса поиска достаточной причины для объясне ния поведения другого или своих собственных действий.

Таким образом, опора на житейскую психологию приводи Хайдера к социально-психологической проблематике. В статье «А титюды и когнитивная организация» [Heider, 1946] и позже в сво ей главной работе «Психология межличностных отношений» [Heider, 1958] Хайдер полностью обращается к сфере социально психологии. Именно в этих работах и формулируются основны положения теории сбалансированных структур. Модели балан последовательно строятся сначала для диад (одна личность отн сится к двум объектам), а затем для триад (одна личность отн сится к двум объектам, из которых второй может быть также ли ностью). Само определение баланса дается следующим образо «Понятие сбалансированного положения означает ситуацию, в к торой воспринимаемые единицы и эмоции сосуществуют без стре са, поэтому нет давления к изменению ни когнитивной органи ции, ни эмоциональных проявлений» [op. cit., p. 176]. Ключев идея: дисбаланс вызывает напряжение и силы, которые веду восстановлению баланса. Для пояснения этих положений пред гается так называемая схема *Р-О-Х*, которая именно под так названием прочно вошла в социальную психологию и существ здесь как термин.

Схема *Р-О-Х* опирается, как и вся концепция Хайдера, на ж тейскую психологию, суждения которой интерпретируются в т минах научной психологии. Схема представляет собой модель ког тивного (феноменологического) поля воспринимающего субъек которое описывается при помощи трех элементов: *Р*— восприни ющий субъект, *О* —«другой» (воспринимающий субъект), *Х*—объе воспринимаемый и воспринимающим субъектом, и «другим». Эт объектом может быть явление, идея, вещь. В дальнейшем *Р, О*

могут принимать любые значения. Очень широко схема Хайдера применяется, например, в исследованиях массовой коммуникации, где *P* интерпретируется как избиратель, *O* — как политический комментатор, *X* — как политический кандидат, по поводу избрания которого развернута пропагандистская кампания.

Итак, взаимодействие трех элементов составляет некоторое когнитивное поле, и задача заключается в том, чтобы выявить, какой тип отношений между этими тремя элементами является устойчивым, сбалансированным и какой тип отношений вызывает ситуацию дискомфорта для *P* и соответственно его стремление изменить ее с целью приведения этой ситуации вновь в состояние баланса.

Прежде чем приступить к построению различных возможных вариантов складывающейся здесь когнитивной структуры (для *P*), формулируются следующие суждения житейской психологии как следствие приведенных выше сентенций: 1. Позитивные отношения *транзитивны* (т.е. при моем позитивном отношении к другому его отношение к объекту распространяется и на мое отношение к этому объекту: «люблю того, кого любит друг»). 2. Негативные отношения *нетранзитивны* (т.е. при моем негативном отношении к другому его отношение к объекту **не** распространяется на мое отношение к этому объекту: «не ненавижу того, кого ненавидит мой враг»). Хайдер называет когнитивную структуру воспринимающего субъекта сбалансированной, если в ней позитивные отношения транзитивны, а негативные — нетранзитивны, и несбалансированной, если в ней, напротив, позитивные отношения нетранзитивны, а негативные — транзитивны (т.е. возникает такая противоречащая здравому смыслу ситуация, когда «я не люблю того, кого любит друг» и «я ненавижу того, кого ненавидит враг»).

Между тремя элементами *P, O* и *X* могут существовать один или два типа отношений: «отношения оценки» («sentiment relations») и «отношения принадлежности» («unit relations»). «Отношения оценки» выражаются в понятиях «нравится — не нравится», «любит — не любит», «предпочитает — не предпочитает». Они могут быть как позитивными (и тогда обозначаются буквой *L*, от английского слова «Love» — любовь), так и негативными (и тогда обозначаются символом *nL*). «Отношения принадлежности» фиксируют степень воспринимаемого единства элементов и выражаются в понятиях «похожий — непохожий», «близкий — далекий», «принадлежащий — непринадлежащий», «владеющий — невладеющий». Эти отношения также

могут быть позитивными, когда степень воспринимаемого еди ства высокая (и тогда они обозначаются буквой *U*, от английско слова «Unit» — целое), и негативными, когда степень восприни маемого единства низкая (и тогда обозначаются символом *nU*).

Следует помнить, что все четыре вида отношений могут св зывать между собой всех трех участников взаимодействия (т.е. *P*, и *X*), причем картина отношений рисуется только с точки зрен ее представленности в когнитивном поле *P*. По поводу «отнош ния оценки» это положение усваивается достаточно легко: для могут существовать три вида позитивных отношений этого ти *(PLO, PLX, OLX)* и три вида негативных отношений *(PnLO, PnL OnLX)*. Что касается «отношений принадлежности», то здесь во рос несколько сложнее. Фиксируемая в них степень единства ес *только* степень их *воспринимаемого* субъектом *P* единства, т.е. ес *P* воспринимает, что *O* «обладает» объектом *X*, то это означа что существует позитивное «отношение принадлежности» меж *O* и *X* безотносительно к тому, обладает или нет *O* в действител ности *X*. Второе замечание по поводу этого вида отношений сост ит в том, что отсутствие позитивного «отношения принадлежно ти» не означает наличия негативного «отношения принадлежно ти» (если *O* женится на *X*, то это, с точки зрения *P*, иллюстрац наличия между *O* и *X* позитивных отношений принадлежнос но если *O* разводится с *X*, то это — для *P* — не есть иллюстрац негативных «отношений принадлежности» между *O* и *X*). В общ виде это правило формулируется так: негативные отношения пр надлежности наблюдаются тогда, когда имеется воспринимаем тенденция к разъединению элементов, но они не представля собой *отрицания* воспринимаемой тенденции к единству.

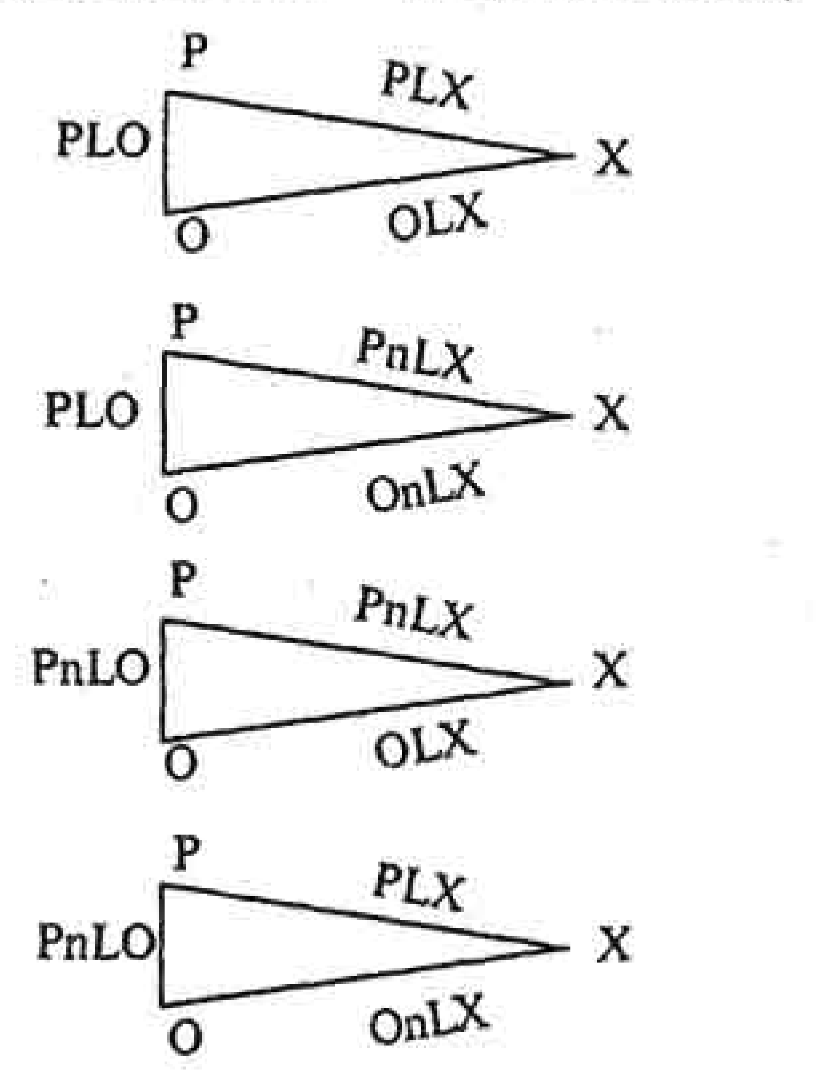
По мысли Хайдера, баланс присутствует в когнитивной сис ме *P* в том случае, если *P* воспринимает всю ситуацию как гар нию, без стресса, т.е. если отношения оценки между двумя э ментами и отношения принадлежности между ними (элемен представляются как объединенные в некотором смысле) однов менно воспринимаются как позитивные. Особенно важно подч кнуть, что баланс — по Хайдеру — это не состояние, характери ющее *реальные* отношения между элементами, но только *воспр тие* со стороны *P* определенного состояния отношений. «Бал или отсутствие баланса есть характеристика феноменологии *P*» справедливо замечают Инско и Шоплер [Insko, Schopler, 19 p. 6]. Хайдер полагает, что если *P* ощущает отсутствие баланса, испытывает стресс. Инско и Шоплер не без иронии замечают,

наиболее полным выражением баланса для *P* является, несомненно, распределение всех «хороших» людей в раю, а всех «плохих» людей в аду, поскольку только при этом условии будет соблюдено то правило, на которое опирается Хайдер: мы воспринимаем лишь хорошие вещи о друзьях и лишь плохие вещи о врагах [op. cit., p. 7].

Исходя из указанных принципов и принимая введенные обозначения, Хайдер строит модель *P-O-X*, причем для упрощения пояснений фиксирует в ней только отношения оценки, опуская в первом изложении проблему отношений принадлежности. Впрочем, для рассмотрения сущности модели *P-O-X* достаточно и первых, более простых обозначений. Получаем восемь возможных ситуаций.

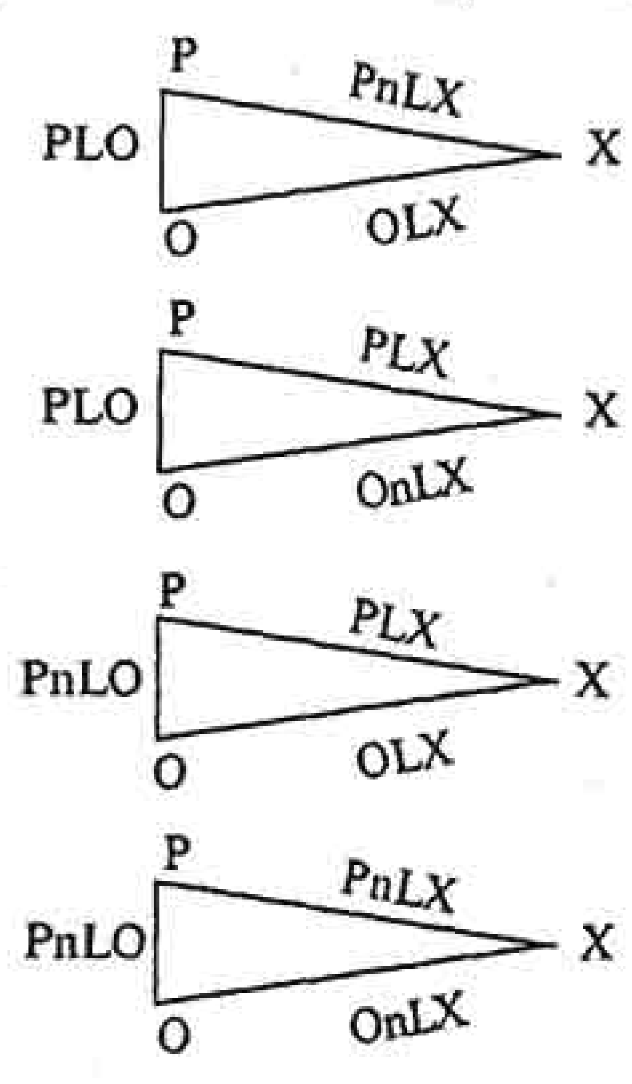
Сбалансированная структура

(позитивные отношения транзитивны, негативные — нетранзитивны)



Несбалансированная структура

(негативные отношения транзитивны, позитивные — нетранзитивны)



Легко видеть, что для ситуации баланса нужно наличие либо трех позитивных отношений, либо одного позитивного, а двух — негативных. Дисбаланс имеет место тогда, когда два отношения позитивны, а одно негативно, либо когда все три отношения негативны, хотя, впрочем, этот последний случай не имеет однозначного толкования даже в рамках заданных сентенций здравого смысла. По предложенной модели можно легко «вычислить», каким должно быть третье отношение (*P* к *X*, ибо именно оно нас

интересует), если известны два других (*P* к *O* и *O* к *X*), причем эт «вычисление» допустимо для характеристики как сбалансирован ной, так и несбалансированной структуры.

Схеме *P-O-X* нельзя отказать, в общем, в известной логичес кой последовательности, она допускает простейший прогноз от ношений в предлагаемой триаде; с помощью этой схемы проведе ряд прикладных исследований, особенно в изучении изменени аттитюдов (отношений) избирателей под влиянием пропаганды Однако в целом схема подвергается справедливой критике даже с стороны коллег по теориям соответствия.

Первый упрек состоит в том, что гипотезы-предсказания, пред лагаемые здесь, неточны. В самом деле, изменение отношения прс гнозируется только под влиянием потребности в установлени баланса в когнитивной структуре воспринимающего субъекта. Н сама исходная посылка о том, что такая потребность абсолютн принимается без доказательств, просто как некий постулат. Впрс чем, такое замечание относится не только к схеме Хайдера. В рам ках же этой схемы прогноз все равно уязвим, так как изменение отношении может попросту возникнуть под влиянием каких-либ неучтенных в схеме факторов.

Второй упрек касается того, что в схеме *P-O-X* все отношени определяются по принципу «все или ничего», иными словам здесь присутствует упрощение в связи с тем, что не анализирует *степень* позитивности или негативности отношений, т.е. чрезвы чайно важный показатель всяких отношений вообще.

И наконец, «симметричность» всей схемы в значительной ме страдает, поскольку восьмая позиция — случай со всеми трем негативными отношениями — выглядит сомнительным.

К этому можно добавить, что значительно ограничивает зн чение схемы и тот факт, что она предусматривает лишь чрезвы чайно простой вариант когнитивного поля воспринимающе субъекта; когда вообще весь круг отношений замыкается всего лиш тремя участниками взаимодействия. В действительности это пол очевидно, значительно сложнее: если брать специально ситуаци группы, то тут, безусловно, выступает одновременно сплав отн шений, которые должны быть неизбежно полностью представл ны в когнитивном поле индивида. Поэтому если даже допусти право на существование предложенной схемы именно в качест простейшей модели, то необходимо указать, как минимум, пу перехода от ситуации триады к ситуации группы в полном смыс этого слова.

В истории когнитивных теорий была предпринята и такая попытка. Д. Картрайт и Г. Харари формализовали схему Хайдера, обобщив таким образом принятые им принципы, и включили в модель уже не две личности и один объект, а любое число личностей. Кроме того, они сформулировали специальную математическую теорему относительно *системы* межличностных отношений и определенного распределения в ней позитивных и негативных отношений, что используется в исследовании аттитюдов [McDavid, Harary, 1968]. Значительного успеха, однако, и эта попытка не принесла, объяснение чему следует, очевидно, искать в каких-то более общих методологических просчетах предложенного подхода. Поэтому целесообразно рассмотреть теперь еще один, довольно близкий хайдеровскому, вариант теорий соответствия.

2.2. Теория коммуникативных актов Т. Ньюкома

Т. Ньюком исходил из теории Хайдера и пытался экстраполировать ее на собственно социально-психологическую область, т.е. на область межличностной коммуникации. Он предположил, что тенденция к балансу характеризует не только интраперсональную, но и интерперсональную систему. Его взгляды не получили изложения в специальной книге, и основным источником поэтому является статья 1953 г. под названием «Подход к исследованию коммуникативных актов» [Newcomb, 1953].

Исходный тезис Ньюкома состоит в следующем: когда два человека позитивно воспринимают друг друга и строят какое-то отношение к третьему (лицу или объекту), у них возникает тенденция развивать сходные ориентации относительно этого третьего. Причем Ньюком предположил, что развитие этих сходных ориентаций может быть увеличено за счет развития межличностной коммуникации. Поэтому, если в паре или группе возникает расхождение ориентаций по отношению к какому-либо объекту, логично предположить, что потребность в уменьшении этих расхождений приведет к увеличению частоты коммуникативных актов. Стремление к развитию сходных ориентаций Ньюком назвал стремлением к «симметрии ориентаций» и определил их силу как силу уз между двумя людьми или силу их аттитюдов по отношению к третьему.

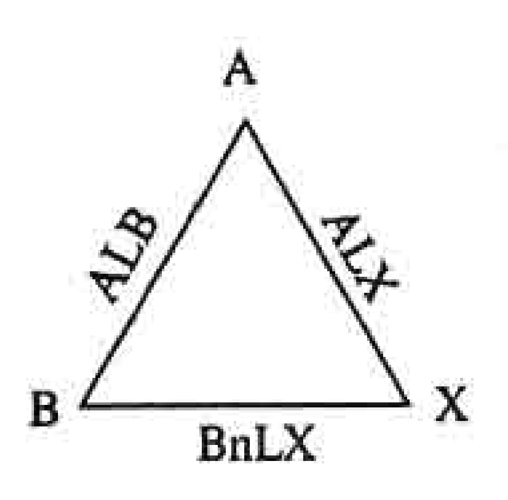
Основная задача, которую ставил перед собой Ньюком, состояла в том, чтобы объяснить, как в группе возникает «давление, принуждающее к единообразию», что и делает группу сплоченной.

Для этой же цели выявлялась тенденция группы развивать коммуникативные акты по отношению к «девиантным» членам, т.е. обладающим несходными аттитюдами.

Подобно Хайдеру, Ньюком построил схему, показывающую, каким образом развитие межличностной коммуникации способствует изменению аттитюдов участников взаимодействия. Эта схема получила название «схема *А-В-Х*», где *А* выступает как воспринимающий субъект, *В* — как другая личность, *Х* — как объект, к которому оба имеют отношения. Все рассуждения ведутся подобно тому, как это делается в схеме Хайдера, с точки зрения того, как *А* воспринимает *В* и *Х*, а именно: *А* воспринимает как консонанс *сходство* своего отношения к *Х* и отношения *В* к *Х*. Сходство этих отношений будет порождать привязанность между *А* и *В*, и напротив, расхождение этих отношений будет порождать неприязнь между *А* и *В*. Развитие же коммуникаций между *А* и *В* будет вести к развитию сходства их отношений к *Х*.

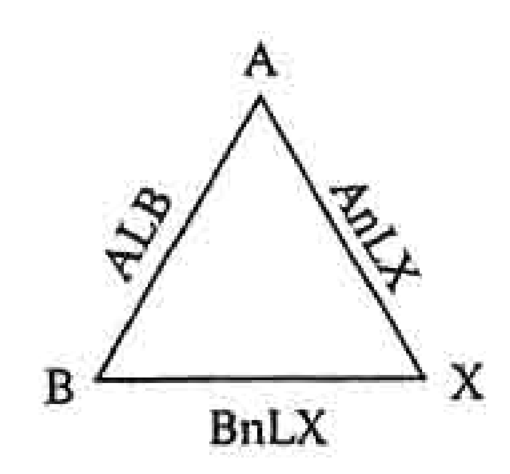
Если же обнаружится расхождение, *А* будет стремиться изменить свое отношение к *Х*, с тем чтобы оно стало сходным с отношением *В* к *Х*. Иным выходом из этой ситуации — при условии, что стремление к консонансу сохраняется всегда, — является разрушение отношения привязанности между *А* и *В*.

Действие этой схемы поясняется на весьма житейском примере: пусть *А* — некий бизнесмен, мечтающий о покупке дорогой лодки, *В* — жена этого бизнесмена, к которой супруг сильно привязан, *Х* — та самая новая лодка, которую бизнесмен хочет приобрести и к покупке которой его жена относится весьма отрицательно. В обрисованной ситуации возникает дисбаланс, изображаемый на схеме так:

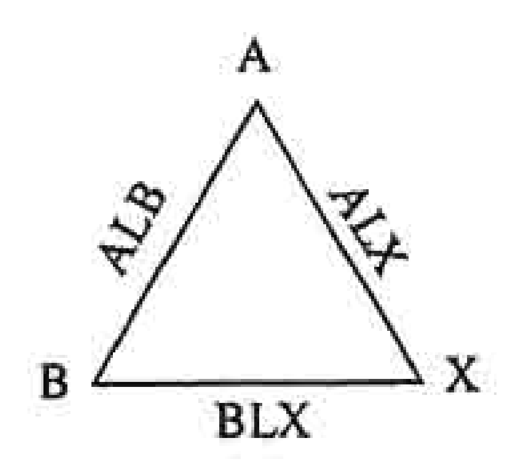


Согласно сформулированным ранее рассуждениям развитие коммуникаций между участниками данного взаимодействия, например ведение систематических переговоров относительно покупки лодки, может вызвать три варианта возвращения данной системы в состояние баланса:

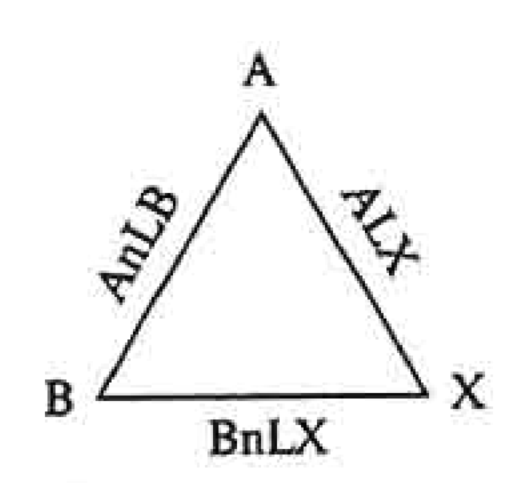
1. *А* изменяет свое отношение к *X* (для бизнесмена утрачивается привлекательность лодки), чтобы сделать свое отношение к *X* сходным с отношением *В* к *X*.



2. *В* изменяет свое отношение к *X* (жена проникается желанием приобрести лодку), чтобы это отношение стало сходным с отношением *А* к *X*.



3. *А* изменяет свое отношение к *В* (бизнесмен утрачивает расположение к супруге) и таким образом достигает хоть и своеобразного, но консонанса.



Легко видеть, что все три случая возвращения системы в консонантное состояние соответствуют правилам, выведенным Хайдером: консонанс там, где все три отношения позитивны, либо там, где одно позитивно, а два негативны; диссонанс там, где два соотношения позитивны, а одно негативно.

Модель Ньюкома, так же как и модель Хайдера, применяется в исследованиях по массовой коммуникации. Особую популярность теория Ньюкома приобрела при анализе так называемой убеждаю-

щей коммуникации (persuasive communication). Б. М. Фирсов и Ю. А. Асеев замечают по этому поводу: «Модель Хайдера, представляя собой терминологическое описание аффективного поля сознания *P* и некоторых действующих в нем сил, не является коммуникационной моделью в строгом смысле этого слова. Для своего применения к психологии убеждающей речи она, точно так же, как и бихевиористическая схема формирования рефлекторных связей, должна быть выражена в терминах коммуникативной ситуации. Такого рода преобразованием основной балансной модели Хайдера к условиям убеждающего речевого воздействия является модель Ньюкома» [Фирсов, Асеев, 1973, с. 29].

Схема остается в том же виде, меняются лишь обозначения. Вместо познающего субъекта *A* возникает реципиент *P*, принимающий сообщение, переданное через какой-либо канал массовой коммуникации. Вместо абстрактной «другой личности», чье мнение важно для реципиента, возникает коммуникатор *K* — тот, кто передает сообщение и в нем выражает свое мнение о некотором объекте коммуникации. Наконец, сохраняется объект отношения этих двух, который теперь называется объектом коммуникации *X* (в качестве этого объекта может выступать любое событие, явление, лицо, по поводу которого развернута какая-либо пропагандистская кампания). Вся схема рассматривается в этом случае вновь с точки зрения восприятия ситуации реципиентом *P*, т.е. исходы, получившиеся в результате пропагандистских действий коммуникатора, будут знаменовать собой изменение позиции *P* по отношению к объекту коммуникации *X* под влиянием пропагандистского воздействия коммуникатора *K*. В принципе адекватность модели могла бы быть проверена ее способностью предсказать эти исходы в каждой конкретной ситуации.

Но все дело в том, что в реальной практике применения этой модели в исследованиях эти предсказания не получаются однозначными: модель ведь может лишь предсказать изменение позиции *P* в ситуации дисбаланса, но не может предсказать *направления* этого изменения. Иными словами, в случае дисбаланса можно с уверенностью сказать, что *P* будет стремиться к возвращению его когнитивного поля в сбалансированное состояние, но нельзя сказать, будет ли это достигнуто изменением его отношения к *объекту* коммуникации или к *коммуникатору*. Вместе с тем, справедливо отмечают Б. М. Фирсов и Ю. А. Асеев, «с точки зрения результативности коммуникации оба этих исхода далеко не равноправны.

Восстановление баланса в установочной системе реципиента *P* путем изменения отношения к коммуникатору означало бы, что последний не добился своей цели. Противоположный же исход означал бы принятие реципиентом рекомендуемой точки зрения» [там же, с. 31]. Для практических же действий в организации пропаганды крайне важно именно конкретно прогнозировать направление изменений установок реципиента. Поэтому модель Ньюкома оказалась в целом малоэффективной при исследованиях в данной прикладной области.

Но кроме таких чисто практических просчетов, которые допускает модель Ньюкома в прикладных исследованиях, есть и более серьезные уязвимые места теоретического порядка. Подобно тому как это имело место и при анализе модели Хайдера, вызывает неудовлетворенность отсутствие ясных определений исходных понятий: «симметрия ориентаций», «частота коммуникаций»... (Что считать «достаточной» и что «недостаточной» частотой коммуникаций, предполагает ли «симметрия» равенство сходных ориентаций или просто их одинаковую направленность? Если предполагается «равенство», как оно измеряется? и др.)

Кроме того, и при использовании этой схемы остается открытым вопрос о связи тех изменений, которые происходят в когнитивной структуре, с мотивацией. В самом деле, схема не позволяет ответить даже на вопрос, рождается ли мотивация к изменению позиции лишь из желания достигнуть симметрии или из ожиданий удовлетворения последствиями уменьшившегося напряжения. И наконец, вновь схема предусматривает лишь взаимодействие в триаде, а переход от триады к группе остается неразработанным. Поэтому, так же как и схема Хайдера, схема Ньюкома не продуцирует большого количества исследований, хотя и остается известной вехой в развитии теоретических представлений, построенных на идее соответствия. В этом плане рассмотренным двум схемам четко противостоит теория, предложенная Л. Фестингером.

2.3. Теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера

2.3.1. *Сущность диссонанса*

Теория когнитивного диссонанса, созданная в 1957 г., явилась для ее автора продолжением разработки идеи «социального

сравнения», которой Фестингер занимался значительно раньше. В этой области Фестингер выступает как ученик и последователь Левина. Исходным понятием для него является понятие потребности, причем анализируется особый вид потребностей, а именно «потребность в оценивании самого себя» («evaluative need»), т.е. стремление оценивать свои мнения и способности прежде всего (впоследствии последователь Фестингера Шехтер распространил принцип сравнения также и на оценку эмоций). Однако мнения, способности соотносятся с социальной реальностью, а она, в отличие от физической реальности, создана не эмпирическим наблюдением, но групповым консенсусом — согласием. Если в физическом мире кто-то считает, что поверхность хрупка, он может проверить свое мнение, взяв молот и стукнув по этой поверхности.

Иное дело, по Фестингеру, социальная реальность: здесь многие мнения нельзя проверить эмпирическими наблюдениями, поэтому единственный способ проверки мнения — через социальное согласие, консенсус. Но консенсус может быть установлен только в том случае, если люди смогут сопоставлять свои мнения с мнениями других, т.е. сравнивать их. То же относится к способностям — они выявляются в сравнении со способностями других людей. Отсюда и рождается, или, точнее, этим и диктуется потребность каждого человека сравнивать себя с другими.

Фестингер предположил, что тенденция сравнивать себя с другими *уменьшается,* если различие между моим мнением или способностью и мнением или способностью другого *возрастает.* Более того, сравнение *устойчиво* тоже в том случае, когда собственные мнения и способности сравниваются с близкими им мнениями и способностями. Личность вообще меньше стремится к тем ситуациям, где сталкивается с мнениями, далекими от ее собственных, и, напротив, ищет ситуации, где сталкивается с мнениями, близкими ей. Соответственно и сравнение осуществляется по преимуществу с людьми, чьи мнения и способности более сходны с собственными: человек, начинающий учиться игре в шахматы, скорее будет сравнивать себя с другими новичками, а не с признанными мастерами. Попутно Фестингер замечает, что минимальное несходство мнений ведет к конформизму — личность легко меняет незначительно отличающееся от других мнение, чтобы совсем приблизить свое мнение к мнению группы.

Легко видеть, что теория социального сравнения базировалась на знании о себе и знании о другом. В этом смысле она носила

интерперсональный характер и могла претендовать на статус социально-психологической теории.

Однако она породила весьма ограниченное количество исследований, отчасти вследствие того, что полученные в исследованиях результаты очень легко допускали интерпретацию в других терминах и значение теории представлялось минимизированным. Другой причиной явилось то, что сам Фестингер довольно быстро перешел от нее к построению новой теории — когнитивного диссонанса. В этой теории исходной вновь признается «потребность в знании», однако теперь это «знание о себе», а именно потребность знать связанно, последовательно, непротиворечиво. Вместо *интерперсональной* теории социального сравнения строится *интраперсональная* теория, которая в строгом смысле слова не является социально-психологической, но, скорее, претендует на статус общепсихологической теории. Но как это было и в случае с теорией Хайдера, социально-психологические применения теории когнитивного диссонанса оказались настолько значительными, что она прочно заняла место среди социально-психологических теорий и обычно рассматривается как разновидность теорий соответствия в одном ряду с теориями баланса, коммуникативных актов, конгруэнтности и пр. «Все эти теории, — утверждают Дойч и Краусс, — полагают, что личность стремится воспринимать, познавать или оценивать различные аспекты своего окружения и себя таким образом, чтобы в поведенческих последствиях этого восприятия не было противоречивости» [Deutsch, Krauss, 1965, p. 68].

Вместе с тем в отличие от других теорий соответствия теория Фестингера нигде не делает акцента именно на социальном поведении и, кроме того, ее судьба сложилась более драматично, чем судьба любой другой теории соответствия. Теория когнитивного диссонанса стимулировала значительно большее количество исследований, и в этом смысле ее популярность много выше по сравнению с другими, но вместе с тем и оппозиция ей оказалась гораздо более сильной. Важно еще отметить, что теория когнитивного диссонанса имеет весьма солидную «литературу»: во-первых, она весьма подробно изложена самим автором в работе 1957 г. «Теория когнитивного диссонанса» [Festinger, 1957] и, во-вторых, она получила огромный отклик в трудах многих представителей западной социальной психологии, так что можно, пожалуй, фиксировать специальную «литературу по теории диссонанса», представляющую собой критический анализ этой теории, зачастую под-

строчные комментарии к ней, а порой — весьма острую с ней полемику[10].

Сам Фестингер начинает изложение своей теории с такого рассуждения: замечено, что люди стремятся к некоторой согласованности как желаемому внутреннему состоянию. Если возникает противоречие между тем, что человек *знает*, и тем, что он *делает*, то это противоречие стремятся как-то объяснить и, скорее всего, представить его как *непротиворечие* ради того, чтобы вновь достичь состояния внутренней когнитивной согласованности. Далее Фестингер предлагает заменить термины — «противоречие» на «диссонанс», а «согласованность» на «консонанс», поскольку эта последняя пара терминов кажется ему более «нейтральной», и теперь сформулировать основные положения теории.

Она может быть изложена в трех основных пунктах: а) между когнитивными элементами может возникать диссонанс; б) существование диссонанса вызывает стремление уменьшить его или воспрепятствовать его росту; в) проявление этого стремления включает: или изменение поведения, или изменение знаний, или осторожное отношение к новой информации. В качестве примера обычно приводится ставший уже нарицательным пример с курильщиком: человек курит, но вместе с тем знает, что курение вредно; у него возникает диссонанс, выйти из которого можно тремя путями: а) изменить поведение, т.е. бросить курить; б) изменить знание, в данном случае — убедить себя в том, что все рассуждения, статьи о вреде курения как минимум недостоверны, преувеличивают опасность; в) осторожно относиться к новой информации относительно вреда курения, т.е. попросту игнорировать ее[11].

Прежде чем дальше излагать содержание теории Фестингера, необходимо более точно определить вводимые термины. Во-первых, основными единицами в теории диссонанса являются «когнитивные элементы», которые, напомним, именно автором тео-

---

[10] В связи с тем, что работа Л. Фестингера «Теория когнитивного диссонанса» полностью переведена на русский язык [*Фестингер Леон.* Теория когнитивного диссонанса/Пер. с англ. СПб., 1999], для удобства читателя все ссылки в дальнейшем тексте будут сделаны именно на это издание. При этом возможно некоторое разночтение в переводах, выполненных нами с английского текста, и переводов, имеющихся в русском издании, что, впрочем, не влияет на содержание.

[11] В работе Фестингера эти три возможности описаны в различных местах текста. В сводном виде они представлены в работе Э. Аронсона «Общественное животное», также переведенной на русский язык [*Аронсон Э.* Общественное животное/Пер. с англ. М., 1998].

рии и были определены как «любое знание, мнение, убеждение относительно среды, кого-либо, чьего-либо поведения или самого себя».

Во-вторых, среди всех этих когнитивных элементов, или «когниций», необходимо различать два типа: относящиеся к поведению (не важно, к чьему) и относящиеся к среде. Пример первых — «я еду сегодня на пикник», пример вторых — «идет дождь». Эти два типа когниций важно различать между собой потому, что степень возможности изменения этих когнитивных элементов различна: легче изменить когниции, касающиеся поведения, чем когниции, касающиеся среды, например суждения относительно очевидной реальности.

Здесь необходимо сделать еще одно важное замечание. При изложении теории когнитивного диссонанса часто допускается несколько двусмысленное понимание существа «несоответствия». Строго говоря, всегда имеется в виду несоответствие внутри когнитивной структуры индивида, т.е. между двумя когнициями, с другой стороны, несоответствие формулируется порой, и в частности у самого Фестингера, как несовпадение «знания» и «поведения», т.е. уже не между двумя когнициями, а между элементом когнитивной структуры и реальным действием индивида. При таком толковании диссонанс, вообще говоря, перестает быть чисто когнитивным. Вместе с тем при таком толковании легче интерпретировать его, что и делает Фестингер, как фактор, мотивирующий поведение. Противоречие двух пониманий становится особенно отчетливым именно при рассмотрении различий между когнитивными элементами двух типов: здесь ведь прямо говорится, что легче изменить когниции, «относящиеся к поведению» (т.е. не само *поведение,* а лишь знание, мнение о нем), чем когниции, «относящиеся к среде». Несмотря на обилие комментариев, этот вопрос нигде не поднимается, а между тем он имеет принципиальное значение. Практически же в многочисленных исследованиях по теории диссонанса так и продолжают сосуществовать два различных толкования этого вопроса.

В-третьих, в теории диссонанса не рассматриваются *любые* отношения между когнитивными элементами, ибо их в принципе может быть три: а) абсолютное отсутствие связи между ними, их нерелевантность друг другу (например, знание о том, что во Флориде никогда не бывает снега, и о том, что некоторые самолеты летают с превышением скорости звука); б) отношения консо-

нанса; в) отношения диссонанса. В теории рассматриваются только два последних типа отношений между когнитивными элементами, причем, естественно, главное внимание уделяется диссонантным отношениям. Вот собственная формулировка Фестингера относительно того, что такое диссонантные отношения: «Два элемента *X* и *Y* находятся в диссонантных отношениях, если при их изолированном рассмотрении отрицание одного следует из другого, а именно *не-X* следует из *Y*» [Фестингер, 1999, с. 29]. Пример: человек является должником *(Y),* но покупает новую, дорогую машину *(X).* Здесь возникают диссонантные отношения, поскольку из *Y* (того факта, что человек должник) должно было бы следовать какое-то уместное в данном случае действие *X*, и тогда наблюдался бы консонанс. В приведенном случае из *Y* следует отличное от «разумного» варианта действие («*не-X*»), т.е. не соответствующая обстоятельствам покупка дорогой машины, поэтому и возникает диссонанс.

При таком формулировании сущности диссонантных отношений сразу же рождаются два вопроса, которые дают пищу весьма затяжной дискуссии в литературе по диссонансу. Эти два вопроса связаны с двумя уязвимыми формулировками: 1) что значит «следует»? 2) что значит «*не-X*»?

2.3.2. *Причины возникновения и величина диссонанса*

Категория «следования» есть категория логики; в современных системах математической логики имеется специальное символическое обозначение следования — там выражение «следует» имеет вполне определенный логический смысл. Фестингер вводит иное толкование следования, включающее в себя не только логическое, но и психологическое понимание этого отношения. Объясняя, что значит в его формуле выражение «следует из», Фестингер предлагает четыре источника возможного возникновения диссонанса [там же, с. 30—31]:

1) *из логической непоследовательности,* т.е. когда «следование "*не-X*", из *"Y"*» есть доказательство чисто логической противоречивости двух суждений как когнитивных элементов. Примеры такой ситуации: человек верит в то, что можно достичь какую-то отдаленную планету, но не верит в то, что можно построить соответствующий корабль; человек знает, что вода замерзает при 0°C, но одновременно полагает,

что стакан льда не растает при +20°С; известно, что люди смертны, а я думаю, что буду жить вечно, и т.д.;

2) *из несоответствия когнитивных элементов культурным образцам*, или, иначе говоря, нормам. Пример: принято, что на дипломатическом приеме есть жаркое нужно, держа вилку в левой руке, а нож в правой, но некто оперирует вилкой при помощи правой руки; профессор, выйдя из себя, кричит на студента, зная, что это элементарное нарушение педагогических норм. Здесь нет логического несоответствия, но есть несоответствие иного рода, а именно несоответствие принятым в определенной среде нормам поведения;
3) *из несоответствия данного когнитивного элемента какой-то более широкой системе представлений*. Пример: некий американский избиратель является демократом, но вдруг на выборах голосует за республиканского кандидата. Осознание того факта, что он — демократ, не соответствует конкретному действию, это порождает диссонанс в его когнитивной структуре, хотя здесь снова чисто логического несоответствия нет;
4) *из несоответствия прошлому опыту*. Пример: кто-то вышел без зонта под дождь и думает, что не промокнет, хотя всегда в прошлом в такой ситуации он промокал до нитки. Между знанием о том, что под дождем всегда промокаешь, и таким когнитивным элементом, относящимся к «среде», как констатация «дождь меня не замочит», существует также несоответствие, порождающее диссонанс.

Все три последних случая возникновения диссонанса основаны на иной природе «неследования», чем это принято в логике. Два виднейших представителя теорий соответствия Р. Абельсон и М. Розенберг предложили для обозначения подобных ситуаций несоответствия особый термин «психологика». Эта психологика призвана обозначить особый характер импликаций, возникающих между когнициями [см.: Lindzey, Aronson (eds.), 1968].

Для того чтобы сформулировать правила психологики, Абельсоном и Резенбергом предложена классификация всех возможных элементов и отношений, фигурирующих в когнитивном поле. *Элементы* могут быть трех типов: деятели (сам субъект восприятия, другие люди, группы); средства (действия, институты, ответы); цели (результаты). *Отношения,* которые связывают эти элементы, могут быть четырех типов: позитивные, негативные, нейтральные, ам-

бивалентные. Два элемента и отношение между ними составляют «предложение». Всего можно получить 36 типов предложений. Объединенные вместе, они представляют собой структурную матрицу. Ее исследование и позволяет вывести восемь правил психологики.

Не останавливаясь сейчас на изложении всей концепции Абельсона и Розенберга, покажем на одном примере содержание этих правил (вводятся обозначения для элементов: *A, B, C;* для отношений: *p* — позитивные, *n* — негативные, *o* — нейтральные, *a* — амбивалентные):

$$A_n B \text{ и } B_n C \text{ включает } A_p C,$$

что означает, что если *A* позитивно относится к *B,* а *B* негативно относится к *C*, то *A* позитивно относится к *C*. Сами авторы полагают, что, хотя «резоны» подобного рода отклоняются логиками, они в действительности существуют: так на практике часто рассуждают люди. Абельсон отмечает, что при этом имеется в виду серьезный, но не слишком блестящий «мыслитель», который рассуждает примерно так: «Если *A* делает действие *B,* а *B* блокирует цель *C,* то из этого следует, что *A* — против цели *C*. Но я всегда думал, что *A* принимает цель *C,* и теперь это меня смущает» [op. cit., 1968, p.114]. Здесь фиксируется потенциальное несоответствие, которое иллюстрирует противоречие практических соображений и правил логики. Именно такие практические соображения и отражены в правилах психологики.

Заметим сразу же, что структурная матрица Абельсона и Розенберга представляет собой обобщение всех типов возможных связей между элементами и отношениями, фиксируемыми в различных теориях соответствия. Точно так же и правила психологики, сформулированные авторами, справедливы не только для теории когнитивного диссонанса. Однако поскольку именно здесь острее встает вопрос о природе «соответствия», обоснование необходимости психологики прежде всего адресуется этой теории. Абельсон прямо предлагает усматривать в когнитивном диссонансе некоторый психологический подтекст, который состоит в том, что диссонанс фиксирует как раз не логическое противоречие, но противоречие между логическим и алогическим в поведении человека: «Вопрос о природе соответствия (имеется в виду в теориях когнитивного соответствия. — *Авт.)* в конечном счете есть вопрос о природе Смысла, о «субъективной рациональности» [op. cit., p. 112]. Таким образом, выражение «следует из» в теории Фестингера при-

обретает специфическое значение, которое, несмотря на уже довольно обширную литературу по психологике, остается не вполне выясненным и потому продолжает давать пищу критике.

Точно так же не вполне удовлетворяет и другая категория, использованная в формуле, определяющей сущность диссонантных отношений: «*не-X*». Исследователь теории диссонанса Э. Аронсон полагает, например, что неопределенность границ понятия «*не-X*» приводит к тому, что в ряде случаев трудно зафиксировать факт диссонанса, ибо возникают ситуации *неявного диссонанса*. Аронсон предлагает такую ситуацию: «Мой любимый писатель бьет свою жену». Подходит ли это под формулу диссонанса, т.е. под формулу: «*не-X* следует из *Y*»? Ответ на этот вопрос зависит от того, полагаем ли мы, что «не-битие» своей жены должно быть атрибутом любимого писателя. Значит, все зависит от того, как мы вообще определяем понятие «любимый писатель», т.е. включаем ли в него характеристику высоких моральных качеств этого человека, соблюдение им норм поведения или нет. Различный ответ на этот вопрос заставляет по-разному отнестись к самому факту установления диссонанса или отрицания его в данной ситуации [Aronson, 1968; также: Аронсон, 1984, с. 116].

Возможно, что полемика вокруг этих проблем не была бы столь острой, если бы теория диссонанса в других своих частях не претендовала на достаточно большую точность, на попытки формализовать отдельные ее положения. В самом деле, все, что говорилось до сих пор, в общем, укладывалось в русло других когнитивных теорий, в том числе и с точки зрения оправдания присутствия в них соображений здравого смысла. Как видно, и у Фестингера все опирается на весьма житейские примеры, на некоторые аксиомы, почерпнутые из обыденных сентенций. Кажется логичным, что такое основание теоретических рассуждений допускает известную нестрогость терминов и некоторую шаткость логических построений. Однако одно дело — допустить право на существование внутри научной теории подобных оснований (а когнитивизм утверждает прежде всего именно это), другое дело — пытаться на *таком* основании строить строгую теорию, в частности с включением в нее элементов формализации. Стоит только встать на этот путь, как количество трудностей, возникающих перед теорией, будет умножено. Примерно это происходит и с теорией диссонанса. Двусмысленное толкование исходных понятий оказывается очень трудно перешагнуть, как только вводятся попытки *измерения диссонанса*.

Между тем Фестингер, в отличие от других представителей теорий соответствия, пытается не просто констатировать наличие диссонанса, но и измерить его величину (степень). Общее определение величины диссонанса дается так: «Величина диссонанса между двумя когнитивными элементами есть функция от важности (или значимости) элементов для индивида» [Фестингер, 1999, с. 35], т.е. между двумя малозначимыми элементами диссонанс не может быть большим, несмотря на высокую степень несоответствия. С другой стороны, два значимых элемента могут развить большой диссонанс, даже если сама степень несоответствия не столь велика. Примером может служить такая ситуация: если кто-то купил недорогую вещь, а потом разочаровался в ней, величина возникшего здесь диссонанса невелика. Если же, например, студент хорошо знает, что не готов к экзамену, а сам тем не менее бросает занятия и идет в кино, то диссонанс, возникающий при этом, значительно больше.

Однако одного приведенного определения еще недостаточно, чтобы измерить величину диссонанса. Прежде всего потому, что практически личность имеет в своей когнитивной структуре отнюдь не два когнитивных элемента, определенным образом сопоставляемых друг с другом, а много. Поэтому было необходимо ввести понятие «общей величины диссонанса». По Фестингеру, общая величина диссонанса зависит от «взвешенной пропорции тех релевантных элементов, которые являются диссонантными» [там же]. «Взвешенные пропорции» означают, что каждое отношение должно быть взвешено пропорционально важности участвующих элементов. При этом вводится понятие «наименее стойкий элемент»: «Максимальный диссонанс, который может существовать между двумя элементами, равен общему сопротивлению изменению наименее стойкого элемента» [Фестингер, 1984, с. 108]. Но тогда сейчас же встает вопрос: как измерить «важность» этих элементов, как выразить степень этой важности и как выявить наименее стойкий элемент? Ответов на эти вопросы автор теории диссонанса не дает, путь измерения степени важности когнитивных элементов остается невыясненным. Это в значительной мере обесценивает все дальнейшие рассуждения, в частности попытку вычислить так называемый «максимум диссонанса» и пр. Поэтому расчет на то, что введение в теорию диссонанса измерительных процедур придаст ей бóльшую строгость и «респектабельность», в общем, не оправдался.

Хотя при изложении теории периодически предлагаются различного рода формулы, например, относительно «общей величины диссонанса», строгого математического значения они не имеют. Можно, правда, признать, что определенную смысловую нагрузку они несут, фиксируя некоторые действительно уловленные свойства диссонантных отношений. Однако при этом, естественно, математический аппарат теории отсутствует: предложенные «формулы» дают не более чем описательную характеристику отношений, выполненную лишь при помощи другого языка.

2.3.3. *Способы уменьшения диссонанса*

На наш взгляд, гораздо более значимой является не та сторона теории диссонанса, которая связана с претензией на установление его количественных характеристик, а как раз анализ некоторых качественных особенностей феномена [см.: Трусов, 1973]. К ним, например, относится описание последствий диссонанса и способов его уменьшения. Напомним, что последствия диссонанса указывались сразу же при его определении: 1) существование диссонанса, будучи психологически дискомфортным, мотивирует личность уменьшить диссонанс и достичь консонанса; 2) когда диссонанс существует, в дополнение к попыткам его уменьшить личность активно избегает ситуаций и информации, способствующих его росту. Таким образом, Фестингер определенно вводит в свою теорию некоторые элементы *мотивации*. Но важно очень точно определить границы в постановке этой проблемы. Подобно тому как допускалась двойственность при определении сущности «несоответствия», постановка вопроса о мотивирующей роли диссонанса выглядит также неоднозначно. С одной стороны, как мы уже отмечали, сам Фестингер приписывает диссонансу роль фактора, мотивирующего действие. С другой стороны, при изложении способов уменьшения диссонанса становится ясным, что диссонанс выступает лишь как мотивация перестройки когнитивной структуры, но не как мотивация действия.

Как уже упоминалось, существует три способа уменьшения диссонанса.

1. *Изменение поведенческих элементов когнитивной структуры.* Пример: человек собрался на пикник, но пошел дождь. Возникает диссонанс — несоответствие «представления о пикнике» и «знания о том, что плохая погода». Уменьшить диссонанс или даже воспрепятствовать ему можно, отказавшись от участия в пик-

нике. Здесь проявляется та двусмысленность, о которой речь шла выше. В общей форме данный способ уменьшения диссонанса определяется как изменение *когнитивного элемента,* относящегося к поведению (т.е. некоторого суждения, например: «я еду на пикник»), при изложении же примера фигурирует уже не просто изменение элемента когнитивной структуры, но изменение *реального поведения,* рекомендация определенного *действия* — остаться дома.

Складывается впечатление, что диссонанс выступает здесь как мотивирующий фактор поведения, но, строго говоря, аргумент к поведению здесь не вполне законен: ведь речь — в теоретическом плане — постоянно идет о несоответствиях между двумя элементами *знания* (или мнениями, или убеждениями), т.е. двумя *когнитивными элементами.* Поэтому, с точки зрения общих принципов теории, более точна формулировка, гласящая, что уменьшить диссонанс можно, изменив один из когнитивных элементов, следовательно, исключив из когнитивной структуры утверждение «я еду на пикник», заменив его другим суждением — «я не еду на пикник». Здесь относительно реального поведения просто ничего не говорится, что вполне «законно», если оставаться в пределах предложенной теоретической схемы. Конечно, следует предположить, что *вслед* за изменением когниций наступит изменение поведения, но связь между этими двумя этапами еще нужно исследовать. В соответствии же со строгим определением сущности диссонанса надо признать, что он выступает вовсе не как фактор, мотивирующий поведение, но лишь как фактор, мотивирующий изменения в когнитивной структуре. Особенно отчетливо это проявляется, когда рассматривается второй способ уменьшения диссонанса.

2. *Изменение когнитивных элементов, относящихся к среде.* Пример: человек купил автомобиль, но он желтого цвета, и друзья пренебрежительно называют его «лимон». В когнитивной структуре купившего возникает диссонанс между осознанием факта приобретения дорогой вещи и отсутствием удовлетворения, вызванным насмешками. «Мнение друзей» в данном случае — «элемент среды». Как изменить этот когнитивный элемент? Рекомендация формулируется так: нужно *убедить* (выделено нами. — *Авт.*) друзей, что автомобиль — совершенство. Как видно, это не изменение среды как таковой (собственно, когнитивистская позиция здесь присутствует уже при самом определении «среды» как некоего когнитивного образования — сово-

купности мнений, убеждений и др.), т.е. отнюдь не поведенческая активность, а противопоставление мнения мнению, переделывание мнения, т.е. известная активность только в области когнитивной сферы.

3. *Добавление в когнитивную структуру новых элементов,* лишь таких, которые способствуют уменьшению диссонанса. Обычно здесь вновь используется пример с курильщиком, который не бросает курить (не изменяет когниции, относящиеся к поведению), не может изменить когниции, относящиеся к среде (не может замолчать научные статьи, направленные против курения, «страшные» рассказы очевидцев), и тогда начинает подбирать специфическую информацию: например, о пользе фильтра в сигаретах, о том, что такой-то курит двадцать лет, а вон какой здоровяк, и т.д. Феномен, описанный здесь Фестингером, вообще говоря, известен в психологии под названием «селективная экспозиция» и может быть рассмотрен как фактор, мотивирующий лишь определенную «когнитивную» активность. Поэтому нельзя переоценивать того упоминания о мотивирующей роли диссонанса, которое мы находим в теории Фестингера. В общем плане и здесь проблема связи когнитивных структур и мотивации поведения остается нераскрытой. Можно согласиться с осторожной позицией, занятой Абельсоном: «Вопрос о том, может ли когнитивное несоответствие выступать в качестве драйва, является спорным» [Abelson, 1968, p. 113].

Уязвимым местом теории диссонанса остается прогнозирование конкретного пути уменьшения диссонанса, избираемого личностью. Первое суждение, которое как будто бы обладает силой очевидности, заключается в том, что легче всего, вероятно, избрать первый путь — изменение когнитивных элементов, относящихся к собственному поведению. Однако апелляция к житейским ситуациям показывает, что и этот путь не всегда возможен. Иногда такой способ выхода из состояния диссонанса может потребовать жертв: в случае с желтым автомобилем, например, продажа его может привести к потере определенной суммы денег. Кроме того, изменение поведенческих элементов когнитивной структуры не может быть рассмотрено в вакууме: всякий такой поведенческий элемент связан целой цепочкой связей с другими обстоятельствами. Например, отказ от поездки на пикник из-за дождя — дело, может быть, и разумное, но пикник под дождем необязательно

однозначно плох, ибо могут обнаружиться своеобразные «компенсаторы», которые сделают изменение поведения не столь уж безусловно необходимым: в компании могут быть очень веселые люди, близкие друзья, с которыми давно не виделись, и т.д. Наконец, иногда изменению поведенческих элементов попросту препятствуют физиологические особенности человека, например его чрезмерная эмоциональность, подверженность страху и пр. [Фестингер, 1999, с. 44–46].

Все оказанное не позволяет принять ту точку зрения, что в любом случае или в большинстве их обязателен первый способ уменьшения диссонанса. Что же касается второго и третьего, то и они прогнозируются весьма слабо. Аронсон, в частности, отмечает то обстоятельство, что точному прогнозу препятствуют и индивидуально-психологические различия людей, которые порождают совершенно различное отношение разных людей к самому факту диссонанса. С его точки зрения, люди различаются (прежде всего по их способности «умерить» диссонанс: одни лучше, чем другие, умеют игнорировать его). Кроме того, разным людям нужна различная величина диссонанса, чтобы привести в действие силы, направленные на его уменьшение. Можно, пожалуй, сказать, что разным людям свойственна различная «диссонансоустойчивость».

Другое различие касается способов уменьшения диссонанса: одни предпочитают скорее изменять когнитивные элементы, относящиеся к поведению, другие — селективно принимать информацию. И наконец, люди различаются по оценке диссонанса, т.е. идентифицируют с диссонансом различные явления. Поскольку диссонанс субъективно переживается как психологический дискомфорт, для разных людей оказывается различным тот «набор» несоответствий, возникших внутри когнитивной структуры, который переживается как дискомфорт.

Такого рода затруднения, мешающие построению точного прогноза способов уменьшения диссонанса в каждом конкретном случае, связаны еще с двумя важными обстоятельствами. Исследователи отмечают, что чувствительность к диссонансу в значительной степени зависит и от уровня развития самосознания личности, в частности от желания, способности, умения анализировать состояние своей когнитивной структуры. Следовательно, при более высоком уровне самосознания возникает просто больше шансов на *выявление* диссонанса. Это обстоятельство тоже может быть поставлено в одном ряду с индивидуальными различиями как фактором, осложняющим прогноз.

Р. Зайонц выдвинул еще соображение и совсем иного плана, относящееся к некоторым *ситуативным* факторам оценки диссонанса. Он предположил, что восприятие диссонанса зависит от ожиданий личности в определенных ситуациях. Зайонц обращается к такому житейскому наблюдению: почему люди охотно смотрят фокусы? Всякая ситуация наблюдения фокуса, строго говоря, должна создавать психологический дискомфорт, поскольку сталкивает несоответствующие суждения, заставляет принять вопиющие противоречия. Но как тогда быть с формулой, что в случае возникновения диссонанса личность не просто стремится к уменьшению его, но также стремится и избегать ситуаций, где он проявляется? Логично было бы предположить, что естественное стремление всякого — навсегда отказаться от созерцания фокусов, от созерцания кроликов, неожиданно вынутых из шляпы, распиленной на глазах женщины и т.д. Однако многие люди охотно посещают выступления фокусников и находят удовольствие от созерцания фокусов. Зайонц предположил, что диссонанс, возникающий в этих случаях, терпим, поскольку ситуация несоответствия в когнитивной структуре здесь *ожидается* [Zajonc, 1968, p. 382]: возникающий здесь диссонанс не воспринимается как дискомфорт. Эта зависимость идентификации диссонанса с дискомфортом накладывает еще одно ограничение на формулу Фестингера и потому ставит важное препятствие на пути к ее универсализации.

Существенные комментарии к проблеме «универсальности» когнитивного диссонанса идут также и со стороны этнопсихологии. Видный исследователь в этой области Г.Триандис отмечает, что все заключения относительно природы диссонанса базируются на наблюдениях и экспериментах, выполненных в рамках американской культуры. В то же время эти эксперименты, будучи воспроизведены, например, в условиях африканской культуры, дают совсем иные результаты: степень «диссонансоустойчивости» человека в разных культурах весьма различна, что обусловлено как различной ментальностью, так и различными социокультурными нормами у разных народов [Triandis, 1975].

2.3.4. *Диссонанс и конфликт*

В критических суждениях относительно теории диссонанса иногда звучит мотив, что эта теория есть просто «новое наименование старых идей» [Аронсон, 1984, с. 117]. Особенно часто это утверждается по поводу взаимоотношения теории диссонанса и теории

конфликта. На первый взгляд кажется, что действительно ситуация диссонанса и ситуация психологического конфликта весьма сходны, а теории этих двух явлений практически идентичны.

Однако вопрос этот намного сложнее. Сам Фестингер считает важнейшей областью приложения теории диссонанса именно область исследования конфликтов и специально разъясняет необходимость различения этих двух феноменов. Самое главное отличие — *место* диссонанса и конфликта по отношению к процессу принятия решения. Диссонанс возникает *после* принятия решения, он — следствие принятого решения; конфликт возникает *до* принятия решения. Конфликтная ситуация перед принятием решения обусловлена наличием различных альтернатив. Эти альтернативы могут быть описаны по-разному: используется традиционный вариант, предложенный Левином, иногда фиксируются как возможные оба негативных решения, оба и с позитивной, и с негативной стороной, наконец, оба позитивных. При любом наборе в конфликтной ситуации перед принятием решения личность изучает все альтернативы, стремится собрать наиболее полную информацию, включающую аргументы как *pro*, так и *contra*, и только тогда принимает решение [Фестингер, 1999, с. 56].

После принятия решения при наличии альтернативы возникает диссонанс, когда диссонантными отношениями выступают *негативные* стороны *выбранного* и *позитивные* стороны *отвергнутого* решения. Величина диссонанса зависит при этом не только от важности принятого решения, но и от степени привлекательности отвергнутого. Если более дешевый автомобиль куплен, а более дорогой отвергнут, то диссонанс после покупки тем больше, чем больше положительных качеств припоминается у отвергнутого автомобиля. (Естественно, что величина диссонанса больше, если речь идет именно об автомобиле, а, например, не о куске мыла.) Фестингер замечает также, что величина диссонанса зависит здесь и от того, однородные или разнородные ситуации подвергаются сравнению: диссонанс при любых обстоятельствах меньше, если выбираем одну книгу из двух, один автомобиль из двух, а не между книгой или билетом в театр, не между автомобилем или домом. Важно, что при прочих равных условиях величина диссонанса зависит от привлекательности отвергнутого решения [там же, с. 59].

Тогда-то и возникает различие стратегий при конфликте и при диссонансе: если в первом случае привлекалась полная информация, здесь информация, как вообще всегда при диссонансе, привлекается селективно, а именно лишь та, которая позволяет увели-

чить привлекательность выбранного при наличии альтернативы. Цель, которая при этом преследуется, — изобразить решение как наиболее резонное, «оправдать» его. Поэтому можно сказать, что конфликт, возникающий до решения, более «объективен», диссонанс же, возникающий после решения, целиком «субъективен». Меньшая объективность и бóльшая пристрастность в рассмотрении альтернатив после принятия решения определяются Фестингером как «рационализация» решения. Дойч и Краусс, комментируя это положение, считают, что внесение психоаналитического термина «рационализация» позволяет трактовать стремление снизить диссонанс после решения как один из «защитных механизмов» [Deutsch, Krauss, 1965, p. 74]. Сам Фестингер в одном из интервью подчеркнул, что у диссонанса и рационализации общим является лишь механизм, теоретическое же обоснование его содержания совершенно различно в двух разных теориях. Для Фестингера рационализация важна прежде всего с точки зрения более строгого анализа всех возможных альтернатив человеческого поведения. Сама «анатомия» диссонанса и конфликта с этой точки зрения весьма полезна, и именно эта часть теории диссонанса стимулировала многочисленные экспериментальные исследования.

Фестингер очень тщательно описывает в своей работе большое количество экспериментов, в которых исследуются различные факторы, способствующие уменьшению диссонанса после принятия решения.

В частности, известно исследование Брема (1956 г.), когда он давал испытуемым альтернативные решения и предлагал выбрать одно из них. Через некоторое время предлагалось оценить как выбранное, так и отвергнутое решение. Во всех случаях выбранные решения оценивались выше, чем отвергнутые. Аронсон и Миллс (1957 г.) создавали такую ситуацию, чтобы испытуемые затрачивали некоторые усилия для присоединения к некоторой группе, после чего убеждались, что группа «плохая». Возникший диссонанс испытуемые уменьшали, пытаясь выявить или просто «усмотреть» положительные характеристики группы, оценить ее выше. Аронсон и Карлсмит (1963 г.) ставили эксперимент с детьми, у которых отбирали какую-то игрушку и даже наказывали их за пользование этой игрушкой. В результате дети начинали особенно сильно любить данную игрушку. Эти и другие многочисленные эксперименты обычно расцениваются как доказательства продуктивности теории диссонанса. Именно в ходе этих экспериментов получали дальнейшее развитие многие положения теории.

Так, Фестингер дополняет ее анализом таких феноменов, как *вынужденное согласие*, когда диссонанс порождается наличием угрозы или перспективой наказания, *принудительное информационное воздействие*, которое также способствует возникновению или поддержанию диссонанса. Особое место занимает исследование роли *социальной поддержки*, создаваемой в группе, где проявляются разногласия, и одна из позиций способствует либо усилению, либо ослаблению диссонанса. В этой связи Фестингер переходит к анализу ряда «макроявлений»: роли слухов в обществе, массового обращения в веру и других форм социального влияния. Все это свидетельствует о значительности и важности теории когнитивного диссонанса.

Правда, сами эксперименты, в которых проверяются отдельные гипотезы, недостаточно строги и уязвимы во многих отношениях. Аронсону принадлежит довольно своеобразное «оправдание» их. Он полагает, что многие погрешности теории диссонанса вырастают из более общих методологических трудностей социально-психологического эксперимента. «Эта слабость, — пишет Аронсон, — едва ли вина теории. Методологические трудности касаются всех теорий, предсказывающих социально-психологические феномены. Они связываются с теорией диссонанса просто потому, что именно она продуцирует максимальное количество исследований» [Aronson, 1968, p. 10]. Эти затруднения общего плана действительно существуют, и можно согласиться с Аронсоном в характеристике некоторых из них (например, отсутствие стандартизированных техник для операционализации понятий в социальной психологии, факт возможности и довольно частого существования альтернативных объяснений эмпирических результатов и т.д.). Но все это, действительно, общие проблемы социальной психологии, так что приведение их в качестве аргумента при анализе одной конкретной теории хотя и уместно, но явно недостаточно.

2.3.5. *Критические комментарии*

Необходимо выявить определенные просчеты внутри самой теории когнитивного диссонанса. Некоторые из них также носят достаточно общий характер, хотя присущи уже не всей социальной психологии, а лишь всему классу теорий соответствия. Самая главная слабость такого порядка — это достаточно противоречивое и неоднозначное решение вопроса о мотивирующем значении диссонанса. Как уже было отмечено, в различных изложениях

теории речь идет о разных вещах: то о мотивирующем значении диссонанса для *поведения*, то о мотивирующем его значении для перестраивания *когнитивной структуры*. Но это принципиально различные вещи, и «приблизительный» характер описания этой проблемы является, конечно, существенным изъяном теории. Некоторую неудовлетворенность разработки проблемы мотивации чувствует и сам автор теории: «На протяжении всей этой книги мы почти ничего не сказали о мотивации. Конечно, диссонанс может быть рассмотрен как мотивирующий фактор, но существует множество и других мотивов, оказывающих влияние на человека. И кроме того, мы оставили за пределами нашего анализа вопрос об отношении между основными мотивами человека и стремлением к уменьшению диссонанса» [Фестингер, 1999, с. 314].

Также сомнительным представляется постоянное оперирование лишь парой изолированных когнитивных элементов, рассмотрение лишь их отношений. Здесь снова встает вопрос о праве на существование определенной модели в системе социально-психологического знания. Безусловное признание такого права не означает снижения требований к принципам построения модели. Одним из таких принципиальных, методологических вопросов моделирования является правомерность выделения той или иной связи в качестве основы модели. В данном случае возникает вопрос: допустимо ли принять в качестве основы анализа динамики когнитивной структуры взаимодействие двух элементов? Не задается ли уже этим фактом крайняя ограниченность предложенной модели? Складывается впечатление, что такая изолированная пара когниций, какая рассматривается при объяснении возникновения несоответствия, весьма слабо поддается в дальнейшем сопряжению ее с другими элементами когнитивной структуры, и это практически не позволяет перейти к сложным системам взаимодействия когнитивных элементов. Несмотря на относительно хорошую, как справедливо отмечает В. П. Трусов [Трусов, 1973], по сравнению с другими теориями соответствия разработку теории диссонанса, несмотря на длительную историю ее продуктивного существования (если иметь в виду многочисленность экспериментов), вопрос так никогда и не был перенесен в плоскость рассмотрения содержания диссонанса при учете *всей системы* когнитивных элементов, образующих когнитивную структуру человека.

Наконец, серьезные возражения сохраняются и в отношении психологики, вводимой как обязательный компонент при утверждении основного принципа теории диссонанса. Предложенная

Абельсоном и Розенбергом попытка более тщательной разработки ее проблем дала лишь более или менее формализованные констатации суждений здравого смысла, обыденной житейской психологии. Поставив важный вопрос о том, что люди в повседневных поступках руководствуются необязательно требованиями логики, но иными «резонами», Абельсон и Розенберг, естественно, не сделали эти резоны более строгими. Поэтому сакраментальная формула «*не-X* следует из *Y*» остается допускающей слишком произвольные толкования.

Д. Катц справедливо отмечает, что психологический уровень несоответствий (наряду с логическим уровнем и уровнем бессознательного), обнаруженный в теории диссонанса, сам по себе, конечно, значим, поскольку позволяет индивиду как бы «взвешивать» несоответствие в сопоставлении с его личным опытом, социальной позицией, принимаемыми ценностями и т.д., однако он также не выводит за пределы чисто когнитивной сферы как «вместилища» этих несоответствий. Катц пишет, что и здесь несоответствие предстает как «конфликт неконгруэнтных элементов», в то время как за бортом остается вопрос «об исторических силах, ответственных за этот конфликт» [Katz, 1968, p. 182]. Хотя и в весьма своеобразной форме, но Катц приходит здесь к требованию более внимательного исследования «объективной среды». Теория диссонанса, как все когнитивные теории, этот вопрос просто не ставит: противоречия внутри когнитивной системы человека вообще не анализируются с точки зрения того, какие реальные противоречия окружающего мира нашли в них свое отражение (если, конечно, покинуть область повседневного обихода и попытаться проанализировать существенные характеристики этой «среды»).

По-видимому, довольно слабым утешением для теории когнитивного диссонанса могут служить слова Дойча и Краусса, завершающие анализ идей Фестингера: «Несомненно, Фестингер скорее интересен, чем прав. И подобное отношение к нему совершенно разумно. На современном этапе развития социальной психологии никто не бывает «прав» на длительный срок. Срок жизни любой теории очень краток» [Deutsch, Krauss, 1965, p. 76]. Теория диссонанса стимулировала большое количество исследований и обратила внимание на ряд интересных закономерностей, особенно в области психологического анализа конфликта. Главная же задача — объяснение мотивации человеческого поведения — оказалась невыполненной. Общая ограниченность теорий соответствия, отсут-

ствие попыток выйти за пределы только когнитивной организации человека в более широкую область социальных условий его существования, не позволила и при дальнейшем их развитии преодолеть этот рубеж.

Логика развития этих теорий в рамках принятой концептуальной схемы не обнаруживает выходов в сферу социальной реальности и в других вариантах подхода. Поиски устремляются совсем в другую сторону, они направлены на совершенствование теорий *внутри* принятых единых рамок постановки проблемы. В частности, поиск направлен на совершенствование анализа самой природы когнитивного несоответствия, на максимально более точное его описание. В этом отношении новый материал дает следующая из теорий соответствия.

2.4. Теория конгруэнтности Ч. Осгуда и П. Танненбаума

Термин «конгруэнтность», введенный Ч. Осгудом и П. Танненбаумом, является синонимом термина «баланс» Хайдера или «консонанс» Фестингера. Пожалуй, наиболее точным русским переводом слова было бы «совпадение», но сложилась традиция употреблять термин без перевода. Впервые концепция конгруэнтности была изложена в 1955 г., причем создана и разработана она была независимо от Хайдера и Фестингера. Главное отличие теории Осгуда и Танненбаума от других теорий соответствия заключается в том, что делается попытка предсказать изменение отношения (или аттитюда), которое произойдет у личности под влиянием стремления установить соответствие внутри ее когнитивной структуры, не к *одному*, а одновременно к *двум* объектам, если речь идет о триаде. Чаще всего областью практического применения теории является область массовых коммуникаций, поэтому все примеры приводятся обычно из этой сферы. Даны, как всегда в таких примерах: *P* — реципиент, *K* — коммуникатор, *O* — информация о каком-либо объекте, предоставляемая коммуникатором реципиенту. Если реципиент позитивно оценивает коммуникатора, который вдруг дает позитивную оценку какому-то явлению, которое сам реципиент оценивает негативно, то в когнитивной структуре этого реципиента возникает ситуация неконгруэнтности; два рода оценок — моя собственная и позитивно мною воспринимаемого коммуникатора — не совпадают.

Согласно Осгуду и Танненбауму, в отличие, например, от Хайдера, выход из этой ситуации — *одновременное* изменение отношения реципиента и к коммуникатору, и к объекту. По терминологии Осгуда и Танненбаума, хайдеровским «позитивным отношениям» здесь соответствуют «ассоциативные утверждения», а «негативным отношениям» — «диссоциативные утверждения». Эти термины вводятся потому, что методика, которая применяется Осгудом для установления направления изменения отношения, связана именно с измерением этих двух типов утверждений. Это хорошо известная методика *семантического дифференциала,* примененная Осгудом (1942 г.) при изучении синестезии, социальных стереотипов (1946 г.) и проверенная позднее в эксперименте Танненбаумом применительно к теории конгруэнтности [Osgood, Tannenbaum, 1955].

Создавая методику семантического дифференциала, Осгуд работал в специфической области психологии — в области исследования значений или, более точно, в его терминологии, в области «прагматических значений» [см. Петренко, 1997]. Любопытно отметить, что, хотя проблематика, которая интересовала Осгуда уже в то время, была довольно традиционной проблематикой когнитивизма, сам подход его во многих случаях несет явную печать бихевиоризма. Разрабатываемая Осгудом техника измерения значений прямо связывается самим автором с теориями научения, в частности само значение понимается как важнейшая переменная поведения [Osgood et al., 1968, p. 32]. Вместе с тем сам же автор апеллирует и к «менталистской» точке зрения на значение, а в дальнейшем приходит к построению теории, прочно вписывающейся в чисто когнитивистскую традицию. Этот факт является еще одной иллюстрацией размывания границ между теоретическими подходами, которое происходит в реальной исследовательской практике.

Осгуд опирался на тот факт повседневной жизни, что человек постоянно сталкивается с такой ситуацией, что стимул как некоторый знак и стимул как некоторый объект никогда не совпадают. Поэтому перед человеком всегда встает проблема, при каких условиях стимул-знак вызывает те же самые реакции, что и стимул-объект. Осгуд предположил, что реакции на знак «предположительно зависят от предшествующего ассоциирования знака с означаемым» [op.cit., p. 56–58]. Было важно разработать методику, которая была бы пригодна для выявления отношения испытуемого к объекту на основании его отношения к знаку. Методика семантического дифференциала обеспечивала количественное и качественное индексирование

значений при помощи особых шкал. Было высказано предположение, что если индивид воспринимает знак «опасность», у него возникают такие же формы эмоциональных реакций, как и реакции, вызываемые объектом, представляющим опасность.

Методика предназначалась для исследования субъективного значения понятий. Испытуемому предъявляются в виде биполярных прилагательных-антонимов наборы альтернативных вербальных ответов, которые представляют собой концы континуума, разделенного на семь ступеней. Далее употребление методики известно: испытуемый отмечает позицию на шкале, которая наиболее полно соответствует направлению и интенсивности его суждений. При этом важно заметить, что методика позволяет фиксировать и *направление,* и *интенсивность* отношения. При помощи факторного анализа из 12 пар прилагательных были выделены три группы факторов: *оценки* (хороший—плохой), *активности* (активный—пассивный), *силы* (сильный—слабый). Легко видеть, что семантический дифференциал имеет дело не с денотативными значениями, а с коннотациями, или, как говорит Осгуд, «с эмотивными», «метафорическими» значениями [op.cit., p. 26]. Так, например, слово «молоток» может быть коннотативно интерпретировано как «твердый», «тяжелый», «холодный» гораздо скорее, чем при помощи определения из словаря — «инструмент для забивания гвоздей». По существу здесь исследуется именно не семантика, а эмоциональная окраска значений, хотя метод, как ни парадоксально, называется «семантическим дифференциалом».

Хорошо известно, что методика семантического дифференциала удобна в том смысле, что помогает прямым замером измерить отношение испытуемого к социальным объектам. В отличие от традиционных методик шкалирования здесь от испытуемого не требуется выразить свое отношение к объекту через согласие или несогласие с предлагаемыми суждениями. Он производит эту оценку сам, при помощи биполярных определений. В практике американских исследований семантический дифференциал применялся многократно, например, в экспериментах при оценке политических ораторов и др. Важнейшим условием корректного применения методики является правильный подбор биполярных оценочных пар, для чего Осгудом разработана специальная теория «семантического пространства значений» (которое и образуется набором семантических шкал, состоящих из пар прилагательных).

Не вдаваясь сейчас в подробности содержания этой теории, отметим лишь, что она включает в себя следующие основные идеи:

а) возможность определить место каждого значения в некотором семантическом пространстве: собственно, «семантическая дифференциация» и есть последовательное сведение понятия к точке в многомерном семантическом пространстве; б) возможность вычисления расстояний между значениями (различие в значении двух понятий и есть функция различий их соответствующих положений в одном и том же пространстве); в) возможность зафиксировать сдвиг значений слов при вхождении их в словосочетания. Именно эти принципы теории позволяют использовать методику семантического дифференциала в контексте теории конгруэнтности [Osgood, Tannenbaum, 1955].

Обосновывая возможность перехода от идеи семантического пространства к измерению отношений, Осгуд писал: «Точка в пространстве, служащая нам операциональным определением значения, имеет два основных свойства — направление от начальной точки и расстояние от начальной точки. Мы можем рассматривать эти свойства как *качество* и *интенсивность* значения соответственно» [Osgood et al., 1968, p. 4]. И хотя, по мнению автора, принцип конгруэнтности не зависит непосредственно от семантического дифференциала как вида измерительного инструмента, последний все же может быть применен и при исследовании конгруэнтности, поскольку «до той степени, до которой семантический дифференциал служит мерой познавательных событий, он является «естественным» средством проверки принципа» [op.cit., p. 31].

В отличие от теорий Хайдера и Ньюкома теория Осгуда и Танненбаума делает два предположения, которые позволяют прогнозировать исходы дисбалансных состояний.

1. Дисбаланс в когнитивной структуре *P* (в частности, в его аттитюдах) зависит не только от общего *знака* отношения *P* к *K* и *K* к *O*, но и от *интенсивности* этого отношения. Так, отношение может быть положительным, но различным по степени (можно что-то или кого-то «сильно любить», просто «любить» и т.д.). С точки зрения Осгуда, различная интенсивность отношения тоже может привести к возникновению «неконгруэнтных ситуаций». Логично в этом случае ввести процедуру измерения именно этой интенсивности отношений, для чего и можно использовать методику семантического дифференциала.
2. Восстановление баланса может быть достигнуто не только за счет изменения знака отношения *P* к одному из членов

триады, но и путем изменения и интенсивности, и знака, причем одновременно к обоим членам триады. При этом величина изменения в каждом случае будет обратно пропорциональна интенсивности отношения (более крайние оценки изменяются в меньшей степени, т.е. чем более интенсивно, например, отношение *P* к *O*, тем меньше оно изменится при «возвращении» системы в конгруэнтное состояние). Наибольшему изменению в неконгруэнтных состояниях, следовательно, подлежат малополяризованные отношения.

В общем виде это может быть пояснено на следующем примере. Допустим, что *P* не расположен к *K*, и оценим силу его негативного отношения в три единицы (его отношение в этом случае обозначим как −3). Вместе с тем *P* достаточно хорошо относится к *O* (обозначим это позитивное отношение как +2). Если теперь *P* (пусть это будет некий реципиент, воспринимающий сообщение коммуникатора) услышит, что *K* утверждает что-то положительное относительно *O*, то для *P* возникает неконгруэнтная ситуация. По Осгуду, *P* будет стремиться выйти из этой ситуации, одновременно изменяя свое отношение и к *K*, и к *O*. При этом несколько снизится степень «положительности» в отношении к *O*, но также снизится и степень «отрицательности» в отношении к *K*. Окончательный баланс будет достигнут лишь при условии одинакового («выравненного») отношения *P* и к *K*, и к *O* как по знаку, так и по интенсивности. Поэтому величина изменения отношений *P* к *K* и к *O* будет измеряться по формулам:

$$Д_к O := \frac{|K|}{|O| + |K|} \cdot p';$$

$$Д_к K := \frac{|O|}{|O| + |K|} \cdot p',$$

где $Д_к O$ — изменение отношения *P* к *O*; $Д_к K$ — изменение отношения *P* к *K*; *O* и *K* — абсолютные величины аффективных отношений *P* к *O* и *P* к *K*; p' — величина «давления в сторону конгруэнтности», т.е. величина суммарного изменения отношений, необходимого для выравнивания их значений. Эта величина получается измерением расстояний между значениями по оценочной шкале семантического дифференциала.

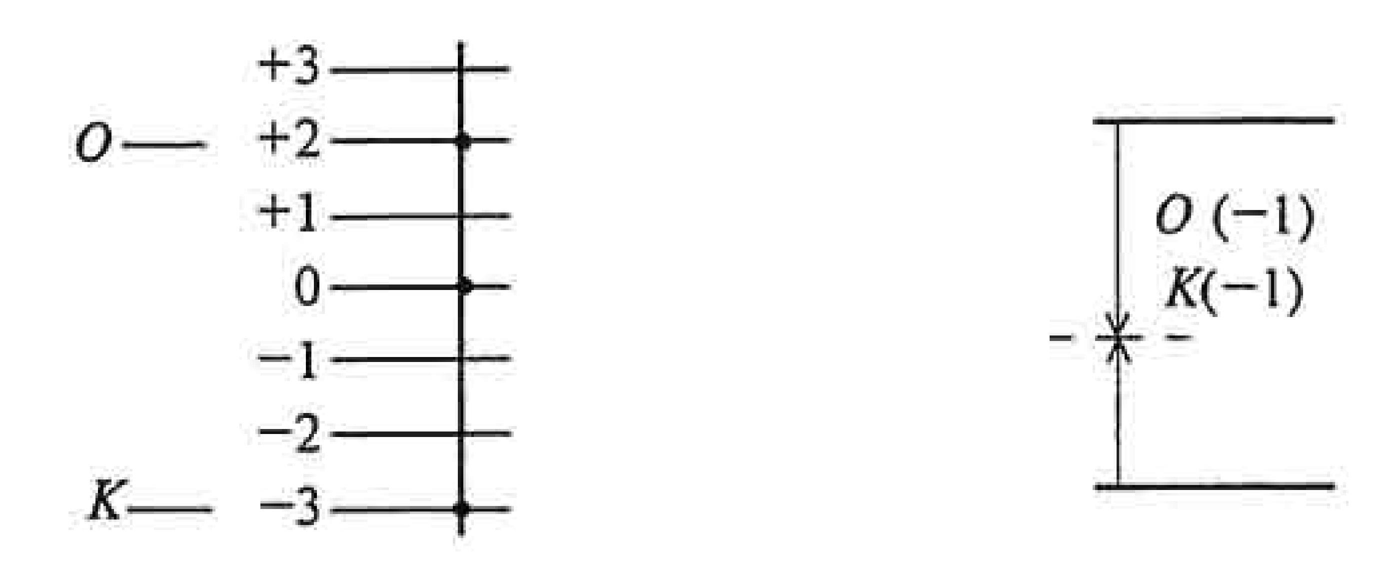
Подставив теперь в эти формулы принятые нами значения, характеризующие отношения *Р* к *К* (−3) и *Р* к *О* (+2), получим

$$Д_кО = \frac{3}{2+3} \cdot 5 = 3;$$

$$Д_кК = \frac{2}{2+3} \cdot 5 = 2.$$

Это означает, что изменение отношения *Р* к *О* должно «сдвинуться» на три единицы, а отношение *Р* к *К* — на две единицы, причем направление этих изменений будет таково, чтобы значения, выражающие эти отношения, сближались.

Значения формул хорошо поясняются графически:



Ситуация до коммуникации *Ситуация после коммуникации*

На графике видно, что более поляризованное негативное отношение *Р* к *К* (оно было равно −3) изменилось в сторону «улучшения», но не слишком сильно (сдвинулось на две единицы), и достигло −1. В то же самое время менее поляризованное позитивное отношение *Р* к *О* (оно было равно +2) также сдвинулось, но в сторону «ухудшения», причем в более сильной степени, чем отношение *Р* к *К* (сдвиг здесь равен трем единицам). В итоге значение отношения *Р* к *О* также достигло точки −1. Таким образом, значения обоих отношений уравнялись и конгруэнтная ситуация восстановлена.

В теории Осгуда и Танненбаума разработаны и более сложные формулы, которые дают возможность подсчета величины и направления изменения отношения как для ассоциативных, так и для диссоциативных утверждений. Таким образом, в основу всех измерений здесь положена методика семантического дифференциала.

Экспериментальная проверка пригодности этой методики для таких нужд была осуществлена Танненбаумом в исследованиях 1953 и 1956 гг. Группе испытуемых было предложено три источника информации (*К*): профсоюзные лидеры, газета «Чикаго трибюн», сенатор Р. Тафт. Были измерены по шкалам семантического дифференциала отношения студентов к этим источникам. Далее испытуемым были предложены три темы для выражения своего отношения к ним: легализованные азартные игры, проект сокращения срока обучения в колледжах, абстрактное искусство. В первой серии эксперимента все испытуемые формулировали свое отношение к трем названным проблемам, и это отношение также замерялось по методике семантического дифференциала. Через месяц — во второй серии эксперимента — испытуемым были прочитаны вымышленные статьи, якобы исходящие от трех различных источников информации (т.е. от имени профсоюзных лидеров, газеты «Чикаго трибюн» и сенатора Р. Тафта) и содержащие в себе совершенно различную оценку трех названных явлений. После этого снова измерялось отношение испытуемых ко всем трем сюжетам и выявлялось, насколько и в какую сторону изменились оценки по сравнению с полученными в начале эксперимента, т.е. «независимо» от источников информации. Фактические данные эксперимента (т.е. «сдвиг» в отношениях как к проблемам, так и к источникам информации) и данные, полученные при подсчете по формуле, в основном совпали, что дало основание Танненбауму сделать вывод о пригодности модели Осгуда для прогноза [Osgood, Tannenbaum, 1955].

Правда, при этом было сделано две оговорки. Во-первых, отношения к объекту (в эксперименте — к трем предложенным для оценки явлениям) в неконгруэнтных ситуациях оказались устойчивее, чем отношения к коммуникатору (в эксперименте — к трем источникам информации). Во-вторых, модель не работает при очень больших *p* («давлении в направлении конгруэнтности»), т.е. при очень высокой поляризации отношений к оцениваемой теме и к источнику информации (в эксперименте в этом случае испытуемые просто отказывались верить в подлинность текста, выдаваемого от имени одного из источников).

При учете этих двух поправок прогноз изменения отношений с реальными изменениями давал корреляцию +0,96 [op. cit., p. 36]. Такой результат показывает, что теория конгруэнтности Осгуда и Танненбаума представляет собой известный прогресс по сравне-

нию с другими теориями соответствия, поскольку в большей степени обеспечивает прогнозирование изменения отношений, происходящего под влиянием стремления достичь соответствия в когнитивной структуре реципиента. Однако легко заметить, что направление этого прогресса весьма одностороннее: улучшается система измерения изменяющихся отношений (т.е. в определенном смысле совершенствуется описание природы когнитивного несоответствия), теория принимает более «респектабельный» вид, внутри принятой системы постулатов возникает бóльшая логическая связанность между суждениями. Но все это относится к совершенствованию лишь формальной стороны теории и не касается обогащения ее содержания.

В теории Осгуда и Танненбаума не ставится ни один из принципиальных вопросов, выдвигаемых критиками теорий соответствия, а именно о допустимости исходных определений, об их обоснованности, о самом «спектре» факторов, детерминирующих возникновение несоответствия, о связи когнитивного несоответствия и мотивации, когнитивного несоответствия и поведения и т.д. Вместе с тем без ответа на эти вопросы теориям соответствия трудно претендовать на то, что найден действительно общий подход к объяснению социального поведения. Как видно, все они, без исключения, не могут вырваться из круга одинаковых для всех трудностей.

Суммируя, можно так определить эти трудности:

1. Все теории соответствия страдают достаточно неточными определениями своих основных понятий. Рассмотренные более подробно в связи с теорией когнитивного диссонанса возражения по поводу понимания «следования» и «неследования» как основы соответствия и несоответствия могут быть с тем же успехом приложимы и к теории сбалансированных структур, и к теории коммуникативных актов, и к теории конгруэнтности. Сколько бы далее ни формализовать характер этих «следований» и «неследований», без одновременной разработки содержательной стороны психологики эти теории не могут стать более строгими.
2. Рыхлость исходных понятий как важнейших элементов теории ведет к достаточно уязвимым моделям объяснения, при помощи которых интерпретируются факты. В сущности — и это несмотря на неявно существующую претензию — теории соответствия не могут предложить сколько-нибудь строгих моделей объяснения. Важно не то, что эти теории исхо-

дят из соображений здравого смысла (может быть, в социальной психологии в определенных ее разделах это и неизбежно), а то, что «на выходе», т.е. в интерпретациях, сплошь и рядом получаются объяснения, мало отличающиеся от суждений здравого смысла. Психологический механизм возникновения несоответствия остается не объясненным в терминах психологической науки, наличие его лишь констатируется при апелляциях к жизненному опыту.

3. Почти все случаи построения моделей, к которым прибегают авторы теорий соответствия, оказываются сверхупрощениями. Практически во всех них когнитивная структура индивида представлена не более чем тремя элементами, и переход от этой упрощенной схемы к более сложной нигде не проработан. Можно, конечно, сказать, что эти теории и не брали на себя обязанность анализировать сложную ситуацию изменения когнитивной структуры человека в группе (в любой, а не только в диаде или триаде). Но коль скоро они коснулись проблем межличностных отношений, коммуникативных актов и прочих характеристик групповой активности, они «обрекли» себя на постановку и этих вопросов, между тем ничего не дав для прогресса такого рода анализа.

Поэтому, хотя теории соответствия и дают определенную возможность для проведения исследований в области изменения аттитюдов, межличностной перцепции, аттракции и коммуникации в группах, они в лучшем случае ценны тем, что зафиксировали ряд любопытных феноменов и дали им «право на существование» внутри социальной психологии как науки. Решения этих проблем надо еще ожидать.

Одну из причин такого относительного неуспеха теорий соответствия называет МакГвайр, сам проявляющий большой интерес к этим теориям. Он считает, что принятый на вооружение теоретиками соответствия принцип, признающий потребность в соответствии когнитивной структуры важнейшей потребностью человека, превратился на протяжении пятнадцати лет их существования в *самоцель*, в то время как должен был быть лишь *средством* для объяснения целого ряда сложных проблем мышления. Прогресс в совершенствовании лишь формальной стороны теории МакГвайр склонен считать ответственным за «игнорирование концептуальных структур и их функционирование» [McGuire, 1968,

p. 141]. По его мнению, по мере развития теории соответствия вообще уходят в совсем другие области по сравнению с теми, которые были обозначены при их возникновении (а именно: соотношение рационального и нерационального в поведении человека, соотношение логичного и алогичного в его действиях): «Дело часто подменяется другими проблемами: образованием понятий, информационными процессами, воспроизведением когнитивных процессов на компьютерах и т.д.» [ibidem].

Не менее острой является и критика теорий соответствия со стороны Д. Катца. Отмечая слабую связь теорий соответствия с проблемами мотивации, Катц делает и более общий упрек методологического плана. Он полагает, что теории когнитивного соответствия сузили фокус рассмотрения когнитивных проблем лишь до проблемы когнитивного конфликта, который при этом и сам оказался чрезвычайно обедненным: при характеристике конфликта лишь констатируется неконгруэнтность элементов и оставляется без анализа содержание этих элементов [Katz, 1968]. Такое сужение проблемы далее сознательно используется для разработки определенной стратегии исследования, а именно лабораторного, экспериментального исследования.

Приверженность определенному методу исследования имеет некоторую внутреннюю связь с исходными теоретическими принципами когнитивизма. Тот факт, что объяснения мотивации, предлагаемые во всех теориях соответствия, остаются в пределах мотивации изменения когнитивных структур, т.е. адресованы преимущественно перестройке сознания, а не действительности, позволил сконцентрировать внимание на чисто психологическом механизме процесса, не соотнося его с проблемами реальной деятельности людей. Известным методологическим «оправданием» такого подхода и служит апелляция к лабораторному эксперименту: именно здесь можно достигнуть достаточно высокой точности в исследованиях такого механизма. Перспектива построить строгое лабораторное исследование способов перестройки когнитивных структур обладает, конечно, определенной заманчивостью, но вместе с тем оправдывает ряд изначально заданных ограничений, в том числе и прежде всего логическую неоднозначность основных понятий, типов связи между ними. По требованиям лабораторного эксперимента на определенном этапе исследования от этого можно абстрагироваться. Однако в дальнейшем абстрагирование такого рода исключает возможность экстраполяции полученных результатов на

реальную жизнь. Исследования, таким образом, остаются достаточно «респектабельными», но и достаточно «стерильными».

Другое соображение принципиального порядка касается собственно теоретического постулата, принимаемого когнитивистской ориентацией. Все теории соответствия исходят из идеи, что потребность в связанности, интегрированности когнитивных структур есть фундаментальная потребность человеческой психики. Но, как справедливо отмечают Б. В. Фирсов и Ю. А. Асеев, «желание организовать когнитивный мир индивидуума в единое целое не является и не может быть основным и единственным мотивом познавательной деятельности человека» [Фирсов, Асеев, 1973, с. 38].

При абсолютизации принципа гомеостазиса исключается принятие таких решений, которые связаны с поиском нового, выходящего за рамки привычных схем. «Наряду со стремлением к стабильности устойчивых систем, — пишут Б. М. Фирсов и Ю. А. Асеев, — мы с тем же, если не с большим, правом можем постулировать существование в человеке стремления к новому, «ориентировочно-исследовательский» рефлекс, заставляющий его обращать внимание и *активно искать* как раз те элементы ситуации, которые не укладываются в рамки его пройонцептов» [там же]. Все эти проблемы могут и не встать, если исследование замкнуто лабораторией, когда, по существу, элиминированы содержательные моменты поведения, когда в условиях лабораторной инструкции снято, например, общественное значение передаваемой информации или оно присутствует, но дано испытуемому в незначимой для него (с точки зрения его социального статуса, реальной общественной позиции) ситуации.

В значительной степени все названные здесь ограничения относятся не только к теориям соответствия, но и ко всему классу когнитивных теорий в социальной психологии вообще. Выше уже говорилось о том, что кроме теорий соответствия когнитивистская традиция включает в себя идеи еще целого ряда авторов, сохраняющие общую когнитивистскую окраску, но не опирающиеся на принцип соответствия.

3. ВТОРАЯ ВЕРСИЯ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА (С. Аш, Д. Креч, Р. Крачфилд)

В американской литературе эти концепции иногда называют примером классических когнитивистских теорий, приложенных к

социальному поведению. В самом схематичном виде идеи Креча и Крачфилда сводятся к следующему.

Сложный процесс поведения человека может быть понят только при условии рассмотрения «менталистских» переменных, таких, как перцепт, идея, образ, ожидание и пр. Адекватным методом исследования может быть только холистский, или молярный, подход, рассматривающий поведение как нечто целостное. Невозможно понять единое поведение, исследуя по отдельности его компоненты («молярные элементы»). Поведение не просто молярно организовано, но важнейшим элементом этой организации является познание (cognition). Перцепция рассматривается как отношение поступающих данных к когнитивной структуре, а научение — как процесс когнитивной реорганизации.

Краткое резюме этого подхода авторы выражают такими словами: «Поведение *организовано*. Эта организация *молярна*. Наиболее важный ее элемент — *познание*» [Krech, Crutchfield, Ballashey, 1962, p. 187].

Нетрудно заметить, что общая концептуальная схема объединяет эту теорию с другими когнитивными теориями и вместе с тем отличает ее от теорий соответствия. Для Креча и Крачфилда характерен еще более широкий (или более общий) круг принимаемых посылок. Собственно, теории здесь вообще нет, так как отсутствует ее содержательная сторона. Скорее, здесь в «чистом виде» сформулирован определенный методологический подход, дающий набор некоторых самых общих принципов исследования. Но коль скоро эти принципы реализуются в экспериментальной практике, связанной достаточно тесно с исследованием совершенно определенной группы феноменов, прежде всего таких, как перцепция, аттитюды, аттракция и т.д., вместе с этим массивом экспериментальных работ идеи Креча и Крачфилда именуют «когнитивной теорией».

В таком же смысле, т.е. в наиболее методологической ее ипостаси, когнитивистская теория может быть зафиксирована и в работах С. Аша. В его работах формулируются, конечно, определенные теоретические принципы, но большую известность приобретает серия экспериментальных исследований. В этой связи здесь уместно обратиться к той проблематике, которая преимущественно разрабатывается в рамках когнитивистской ориентации на уровне эксперимента. В фокусе исследований — проблема *социальной перцепции*, хотя не всегда при однозначном употреблении этого тер-

мина. Впервые сам термин «социальная перцепция» был введен Д. Брунером в 1947 г., когда была сформулирована программа «Новый взгляд» («New Look»). В первоначальном употреблении термин «социальная перцепция» подразумевал влияние всей совокупности социальных и культурных факторов на восприятие. Позднее же, в основном социальными психологами, термин стал употребляться в значении «восприятие социальных объектов», хотя практически исследования охватили не проблему восприятия всех возможных социальных объектов (а под ними понимались люди, группы, социальные общности), но лишь восприятие другого человека, другой личности. Поэтому в качестве синонима выражению «социальная перцепция» в социально-психологических исследованиях стал употребляться термин «восприятие личности» («person perception») или «межличностное восприятие» («interpersonal perception»). Именно в плане исследований восприятия другого человека и была впервые применена модель Хайдера *Р-О-Х*.

Идеи «Нового взгляда» были положены в основание исследований по социальной перцепции, прежде всего в той их части, где утверждалось, что восприятие избирательно организовано (т.е. что новая информация об объекте соединяется с предшествующим знанием, вследствие чего возникают упорядоченные категории, которые значимы и функциональны для индивида), что перцептивные процессы осуществляются таким образом, что новые впечатления категоризируются на основании *сходства* с прежними и т. д. Эта идея «перцептивной интеграции» была, в частности, положена в основу многих исследований С. Аша.

Точка зрения Аша в социальной психологии является приложением идей гештальтпсихологии о том, что перцептивная организация имеет тенденцию быть настолько хорошей, насколько это позволяют преобладающие условия. В конечном счете эта мысль преобразуется у Аша в тезис о том, что человек имеет тенденцию быть настолько «хорошим» (для Аша это — «мыслящим связанно», «понимающим», «отвечающим условиям среды»), насколько это допускают обстоятельства. В этом смысле взгляды Аша противостоят той традиции в истории психологии, которая приписывает человеку иррациональность поведения, крайний эгоцентризм и т.д. По Ашу, человек, стремясь построить максимально интегрированную систему своих представлений о мире, организует ее каждый раз в соответствии с обстоятельствами, в частности с условиями места и времени. Именно в русле таких рассуждений

Аш строит свой получивший широкую известность эксперимент [Asch, 1946].

Двум группам испытуемых (90 и 76 человек) был предложен список прилагательных, обозначающих свойства личности некоего якобы реально существующего человека. Список включал по шесть одинаковых прилагательных: «энергичный», «уверенный», «ироничный», «любознательный», «практичный», «осторожный», а седьмое прилагательное было разным для двух групп. В одном случае это было слово «теплый», а в другом — слово «холодный». На основании перечисленных характеристик было предложено дать общее описание некоей воображаемой личности, обладающей этими характеристиками. После этого испытуемым в обеих группах дали лист с перечислением восемнадцати черт характера и попросили указать, какие черты свойственны, по их мнению, вышеописанной личности. Оказалось, что относительно многих из восемнадцати предложенных черт (например, щедрый, добродушный, обладающий чувством юмора, популярный, обладающий воображением) наблюдался довольно большой разброс мнений в зависимости от того, принадлежал ли испытуемый к группе, где фигурировало слово «теплый», или к группе, где фигурировало слово «холодный». Таким образом, различие сопоставлений определялось тем, что «теплый» и «холодный» были восприняты *как* центральные характеристики личности, вокруг которых и строилась вся конфигурация черт воображаемого человека. Однако для других черт (настойчивый, реалистичный, серьезный, честный, хорошо выглядящий) приписывание их воображаемой личности не в такой сильной степени зависело от присутствия свойства «теплый» или «холодный».

Аш сделал вывод, что при восприятии другого человека проявилась тенденция объединять воспринимаемые характеристики в организованные смысловые системы, причем введение всяких новых характеристик направлено к тому, чтобы эти смысловые системы пополнить. Кроме того, было установлено, что при организации этой смысловой системы воспринимаемые характеристики попадают в определенный контекст, в котором особенно очевидна роль одной характеристики, воспринятой как *центральная*. Связное, целостное представление о личности в значительной мере организуется вокруг этой центральной характеристики.

Модификация образа некоторой воображаемой личности в связи с той окраской, которую придает ее чертам добавление лишь од-

ной, но оказавшейся значимой характеристики («теплый», «холодный»), интерпретируется Ашем и в более широком теоретическом плане. Он делает вывод, что при построении образа какого-либо предмета, явления для человека «идентичные данные не являются теми же самыми в различных контекстах» [Asch, 1946, p. 440]. Это положение распространяется, в частности, на познание социальных явлений: «Рассматриваем ли мы исторические движения или экономические и политические идеи, сохраняет место факт, что каждый акт приобретает свое значение и важность в его отношениях с условиями места, времени и обстоятельств» [op. cit., p. 442]. Само по себе бесспорное, это положение приходит, однако, в противоречие с той конкретной практикой экспериментальных исследований, которая создала Ашу широкую известность. Так, в исследованиях по конформизму, проведенных в условиях лаборатории, оказался недооцененным именно факт *значимости* того явления, по поводу которого группа оказывала давление на индивида [см. Андреева, 1999]. Мы не рассматриваем сейчас вопрос о более глубоких основаниях критики, которые связаны с некорректностью основной теоретической модели группы у Аша [см. Петровский, 1973], но даже с точки зрения введенной автором же идеи «контекста» эксперименты по конформизму вызывают заслуженную критику.

Подобный разрыв между резонным положением, сформулированным на уровне теоретического рассуждения, и экспериментальной практикой, вообще говоря, не такое уж редкое явление в науке. Но в работах социальных психологов когнитивистского направления эта слабость кажется особенно вопиющей, потому что сам смысл всей ориентации формулируется как концентрирование исследования на «значениях» вещей и явлений, презентированных в когнитивной структуре индивида. И когда именно эта сторона оказывается недооцененной, стоит только «спуститься» от теории к эксперименту, методологическая погрешность проявляется особенно отчетливо.

Что же касается экспериментальной практики, то эта ветвь когнитивистских теорий дала довольно обильные плоды. Эксперименты Аша были повторены Келли (1950), Лачинсом (1948), Коллином (1958), и все эти исследования, в общем, так же трактуются, как приложения когнитивистских теорий. Однако на примерах видно, что принципы когнитивистских ориентаций здесь представлены лишь в достаточно общей форме и, по существу, ника-

кой специальной теории (даже на принятом и допустимом уровне ее неформализованности) не образуют. Отнести эти исследования к когнитивистской ориентации позволяет, однако, тот факт, что в конечном счете и здесь заявлена попытка прогнозировать отношение человека к «миру (или по крайней мере к другим людям) на основании формирования некоторого целостного впечатления о событиях или о другом человеке, на основании построения интегрированной, связанной системы представлений. Никакие «выходы» не только в практическую деятельность, но даже просто в традиционно понимаемое «поведение» здесь не присутствуют. Все когнитивистские теории так или иначе объединены именно этими исследовательскими установками. Поэтому теперь можно сформулировать отличие программы когнитивизма от программы бихевиористской ориентации.

В общем виде когнитивистские теории выступили, конечно, как своеобразный антипод бихевиоризму. Основные пункты противопоставления просматриваются по следующим линиям:

1. Главная идея бихевиористской ориентации — оперантное или классическое обусловливание, научение, в то время как главная идея когнитивных теорий — образование понятий, мышление, знание.
2. Основной источник данных для бихевиоризма как в психологии вообще, так и в социальной психологии в частности — наблюдаемое поведение. Источник данных для когнитивизма — менталистские образования (знаки, значения, понимание и пр.), хотя предполагается, что они могут быть выведены из поведения.
3. Для бихевиоризма в конечном счете процессы поведения подчиняют себе процессы познания, т.е. доминируют именно процессы поведения. Для когнитивизма в фокусе находятся процессы познания, и оно подчиняет себе поведение.
4. Бихевиоризму в большей мере свойственна идея «молекулярного» анализа поведения (выявление его поэлементного строения), в то время как для когнитивистской ориентации одна из наиболее значимых идей — идея «молярного» анализа, т.е. фиксация исследования на целостном процессе [Shaw, Costanzo, 1970, p. 171].

Тот факт, что вся ориентация когнитивизма есть ориентация на анализ «внутренних» характеристик человеческого поведения,

создает известную психологическую привлекательность этому направлению. В методологическом плане такая ориентация как бы снимает ряд неразрешимых проблем лабораторного эксперимента. Если одно из возражений против применения этой методики в социальной психологии заключается в том, что полученные здесь данные с трудом экстраполируются на реальную ситуацию, поскольку она неизмеримо сложнее любых воссозданных в лаборатории условий, то когнитивизм предлагает своеобразный контраргумент подобным упрекам. Констатация в лабораторных условиях чисто *психологического* факта, а именно некоторого состояния когнитивной структуры индивида, может в принципе претендовать на то, что зафиксирована модель, действующая точно в таком же виде и в реальной ситуации. Проблема большей сложности внешних условий, снижающих возможность экстраполяции, здесь просто обходится, эксперимент сознательно ограничивается рамками установления определенной *феноменологии*.

Конечно, такое самоограничение остается в значительной мере формальным: верно, что в когнитивных теориях фиксируются такие переменные, которые свойственны именно человеческому поведению; верно, что в этом смысле когнитивизм преодолевает неразрешимую для бихевиоризма проблему перехода от экспериментов на животных к выводам относительно поведения человека; верно, что «рисунок» когнитивных характеристик поведения, полученный в лаборатории, в основных чертах повторяется в реальных ситуациях. Но остается открытым вопрос о том, насколько же все-таки все эти находки когнитивистских теорий позволяют дать адекватное описание именно *социального* поведения человека и так ли уж ценна способность теории отвлечься от специфики подлинного социального контекста такого поведения.

Популярность когнитивистских теорий связана в значительной степени с кажущейся возможностью преодоления «дегуманистической» традиции бихевиоризма. Идея «гуманизации» психологии в целом вообще свойственна последнему периоду развития этой дисциплины на Западе. Много симптомов подтверждают такую характеристику: и развитие так называемой экзистенциальной психологии, и авторитет школы транзактной психологии, и, наконец, «второе дыхание» левиновской традиции. Когнитивизм в определенной степени претендует на место в этом ряду, хотя содержательный анализ предлагаемых теорий свидетельствует о том, что «гуманизация», декларируемая здесь, остается именно

декларацией, поскольку ни одна из выдвинутых теорий не в состоянии подняться до анализа подлинно человеческих проблем, если под «человеческими проблемами» понимать проблемы общественного человека, прежде всего человека в его деятельном проявлении.

Источником многих затруднений, препятствующих продуктивному использованию результатов исследований, проводимых в русле когнитивистской традиции, является, по-видимому, прежде всего разрыв когнитивных процессов и предметной деятельности, который с самого начала задан той моделью человека, которая принимается сторонниками названного подхода. Эта модель характеризуется тем, что человек рассматривается как разумное существо, способное понять значение ситуации, в которой ему приходится действовать и строить свое поведение в зависимости от этого понимания и в соответствии с ним. Хотя сам по себе факт такой зависимости очевиден, предлагаемая модель, как видно, не обладает необходимыми объяснительными функциями.

Прежде всего остается необъясненным факт возникновения «когнитивной структуры» личности (совокупности ее убеждений, мнений, знаний, установок и пр.). Но если даже принять каким-то образом возникшую когнитивную структуру, как она существует на данном этапе развития личности, затруднения вызывает объяснение ее изменений, данное в терминах «реорганизация», «переструктурирование» и т.п. Объяснение, даваемое этому феномену в рамках когнитивизма, исходит из презумпции комфортности для личности состояния равновесия, гомеостаза. Строго говоря, на уровне общих соображений методологии здесь снимается проблема активности личности, хотя формально термин «активность» и присутствует. Активность сохраняется на уровне *познавательной* активности, причем в строго заданном направлении, а именно в направлении восстановления комфортного состояния, баланса когнитивной структуры. При сведении активности к этому ее единственному проявлению все многообразие человеческих мотивов и потребностей остается за бортом, поскольку другая форма активности — нарушение состояния равновесия с целью выйти за пределы данной системы связей, а значит, и потребность в этом, оказывается исключенной [Ярошевский, 1976]. Адекватную иерархию в системе мотивов и потребностей личности, очевидно, можно построить лишь при условии понимания возникновения и организации когнитивной структуры не на основе

абстрактной «активности», но в ходе предметной деятельности человека.

Парадокс основной идеи когнитивизма заключается в том, что, выступив против бихевиористской схемы поведения как непосредственно зависящего от внешней среды, подчеркивая в социальном поведении роль «менталистских» образований как элементов внутренней, когнитивной организации человека, когнитивизм в конечном счете вновь приходят к зависимости поведения от чисто внешних факторов, хотя и с противоположной стороны. Когнитивная активность личности полностью зависит от внешнего воздействия в том смысле, что личность постоянно организует свою независимость от этого воздействия путем восстановления равновесия. Эта зависимость «наизнанку» сохраняется и при том условии, что сама потребность в гомеостазе объявляется *потребностью личности*. По существу, такая потребность выступает здесь лишь как защитный механизм, охраняющий личность от нарушений состояния равновесия когнитивного поля. Активность приобретает крайне односторонний характер прежде всего потому, что сфера ее ограничена когнитивным полем, она не выведена в область предметной деятельности человека, а только иерархия деятельностей, как отмечает А. Н. Леонтьев, раскрывает многообразие проявлений человеческой личности [Леонтьев, 1975]. Поэтому анализ когнитивных процессов и вообще, и в собственно социально-психологической проблематике приобретает новые перспективы именно в рамках теории деятельности.

Аксиоматически принятая идея комфортности когнитивного гомеостазиса распространяется в анализируемых концепциях и на область межличностных отношений: их «сбалансированность» также объявляется оптимальным («комфортным») способом существования группы. Но это полностью исключает необходимость анализа содержания групповой деятельности как условия развития самой группы, формирования групповых мотивов, потребностей, ценностей. «Деятельность» группы по приведению в «соответствие» межличностных отношений, несмотря на несколько модифицированную терминологию, повторяет идею разрыва эмоционально-контактных отношений и отношений, складывающихся по поводу собственно деятельности группы. И хотя само по себе выявление групповой когнитивной структуры, которое логически может следовать из дальнейшего исследования когнитивных процессов в социальной психологии, есть перспективный и интерес-

ный аспект анализа, в отрыве от деятельностного подхода оно вряд ли приблизит исследователя к пониманию сущности социального поведения.

Проблема связи когнитивных структур и реальных действий *личности* еще более остро встает при исследовании связи когнитивных структур и реальной деятельности *группы*. В другой терминологии это проблема *реализации знаний в деятельности*, а именно она становится особенно актуальной, если социальная психология действительно предполагает изучение реальных проблем общества.

Распространение идеи когнитивного соответствия в социальной психологии не может быть рассмотрено вне общей панорамы развития науки. Выдвинутая в 20-е годы в физиологии идея гомеостаза приобрела большую популярность в других областях знания. Наиболее вульгарно она оказалась использованной в социологии, где начиная с 40-х годов надолго утвердилась «парадигма равновесия», представленная «теорией социального действия» Т. Парсонса. В своих социально-политических выводах эта теория (как и другие варианты идеи гомеостаза в социологии) приводила к весьма реакционным выводам о «стабильности» капитализма, отвечая тем самым на определенный социальный заказ.

Своеобразное приложение идея гомеостаза нашла и в социальной психологии — в виде теорий когнитивного соответствия. Будучи по своему происхождению чисто психологическими, эти концепции не содержали в себе каких-либо вульгарно-социологических включений и не касались в прямой форме проблемы равновесия социальных структур. Но, претендуя на объяснение механизмов поведения и локализовав идею гомеостаза в области когнитивных структур, эти концепции оказались в общем русле «парадигмы соответствия, хотя в отличие от социологических концепций, настаивающих на «равновесии», «соответствии» социальных систем, социальная психология просто ушла от оценки этих систем, т.е. от оценки реальных общественных отношений. Но если связность, рациональность когнитивного мира человека не объясняется через его соответствие связному, рациональному внешнему миру, то социальная психология, желая или не желая того, приходит к осознанию другого факта, а именно тщетности попыток построить внутренний гармоничный, связанный, рациональный мир в условиях нерационального, полного конфликтов внешнего мира.

4. КОГНИТИВИСТСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

Несмотря на наличие серьезных возражений, когнитивистская ориентация оказалась достаточно популярной в социальной психологии и на протяжении последней четверти XX столетия. Убедительным доказательством этого может служить тот факт, что именно на ее основе начиная с 70-х годов возникла в качестве самостоятельной научной дисциплины такая отрасль психологии, как *психология социального познания* (*Social Cognition*). Ее возникновение стало своеобразным итогом развития двух названных сторон когнитивистской ориентации — ее несомненной привлекательности и вместе с тем нерешенности ею многих принципиальных вопросов. Характеристика этой дисциплины в полном объеме не входит в задачу настоящей работы, поскольку требует подробного и пристального анализа, который к тому же уже выполнен в ряде специальных исследований[12]. Для нас важно лишь показать, в каких основных направлениях новая дисциплина «усвоила» уроки когнитивистской ориентации и в каких продвинулась дальше. Тот факт, что психология социального познания использует эти уроки, признают и сами создатели новой дисциплины. Когда рассматриваются источники психологии социального познания, обычно, кроме внепсихологических источников (в философии и социологии), называют наряду с изучением познавательных процессов в общей психологии три раздела социальной психологии: межличностное восприятие, теории когнитивного соответствия и атрибутивные процессы. Каждый из этих разделов получил свое развитие, и можно смело сказать, что принципиальные, концептуальные соображения в большей степени почерпнуты именно в теориях соответствия.

Одно из первых определений психологии социального познания делало акцент на исследование того, каким образом люди осмысливают свое положение в реальном мире и свои отношения с другими людьми. Таким образом, в качестве важнейшей черты социально-познавательного процесса рассматривалось соотношение *знания* о мире и его *осмысления*. Вспомним, что идея поиска смыс-

[12] См.: *Андреева Г. М.* Психология социального познания. М., 2000.

ла на основе знания являлась одной из основных идей теорий когнитивного соответствия. Однако в психологии социального познания в проблему осмысления человеком окружающего мира вносилось много нового [Fiske, Taylor, 1994].

В значительной степени потребность в акценте на роль знания о социальной реальности была обусловлена объективными изменениями, происходящими в самой этой социальной реальности к концу столетия. Хотя ориентация в окружающем мире всегда была необходима человеку, поскольку при ее отсутствии легко утерять смысл происходящего вокруг, в современных условиях значение адекватной интерпретации социального окружения резко возрастает. Бурный темп социальных изменений, развитие средств массовой информации требуют от человека не только большей адаптации к социуму, но и умения «совладать» с новой ситуацией, оптимизировать деятельность в ней, следовательно, лучше понять окружающий мир. Познание и понимание социального мира обыденным человеком становится специальным предметом исследования.

По сравнению с идеями традиционной когнитивистской ориентации в психологии социального познания были сделаны весьма существенные добавления.

Прежде всего гораздо более определенно было заявлено, что речь идет о познании и осмыслении *социального* мира. Если в теориях когнитивного соответствия практически единственным социальным объектом выступал другой человек, то в психологии социального познания был расширен спектр рассматриваемых социальных объектов: это и другие люди, и социальные группы, и различные социальные явления, и социальный мир в целом. Понятно, что процесс познания сложных социальных объектов сам по себе становится значительно более трудным, поэтому особое внимание уделяется теперь характеристике этого процесса, его элементам, детерминантам, возможным ошибкам и сложностям, возникающим на этом пути.

В частности, была сделана серьезная попытка преодолеть такую ограниченность когнитивистских теорий, как рассмотрение в качестве субъекта познания только и исключительно *индивида*. Вспомним, что в теориях и Ф. Хайдера, и Т. Ньюкома, и Л. Фестингера, и Ч. Осгуда—П. Танненбаума вся проблема соответствия рассматривалась как возникновение (или разрушение) соответствия в когнитивной структуре именно *одного* человека — субъекта вос-

приятия. В психологии социального познания была поставлена со всей остротой проблема *невозможности* познания социального мира *одним человеком*. Одна из центральных идей в новой дисциплине — идея **коммуникации**, как обязательной составляющей процесса социального познания.

И наконец, «усиление» социального содержания познания проявилось в том, что был поставлен вопрос, который вообще не возникал в теориях когнитивного соответствия, а именно вопрос о *разделенности* социального познания. Иными словами, это вопрос о том, что «продукты» познания, «результаты» его должны быть разделяемы определенной группой людей: построенные ими *образы* социальных явлений по крайней мере должны быть понятны участникам коммуникативного процесса. Без этого условия сама социальная жизнь становится невозможной [см. подробно: Андреева, 2000, с. 51—54]. В этой связи подробно исследуется роль *языка* в познавательном процессе. В известной степени сбылось предсказанное в свое время в социальной психологии перемещение фокуса исследований на анализ языка как в коммуникации, так и вообще в построении картины мира.

Введением этих новых идей психология социального познания отвечала на многочисленные критические замечания, сделанные в свое время в адрес теорий когнитивного соответствия за то, что в них недостаточно подчеркнут аспект специфики именно *социального* познания и, напротив, гипертрофирован *когнитивный* аспект. Впрочем, критические замечания подобного рода не исчерпаны и до сих пор, и современным исследователям психологии социального познания проиходится вновь и вновь доказывать «преодоленность» ошибок традиционных когнитивистов [Augoustinos, Walker, 1996].

Между тем важным дополнением к их идеям относительно субъективных способов поисков *смысла* в окружающем мире являются два положения: гипотеза селективной представленности информации Д. Фрея и дальнейшая разработка положений психологики. Суть гипотезы заключается в том, что специфика работы человека с социальной информацией с самого начала демонстрирует включенность субъективных компонентов: познающий субъект *отбирает* только ту информацию, которая представляется ему *значимой*. Эта идея является прямым продолжением рассуждений Фестингера о способах выхода из диссонанса: один из этих способов и состоит, по его мнению, в том, что индивид допускает

или отвергает информацию лишь определенного рода. Фрей придает этой идее более общий характер и апеллирует к социальным факторам, от которых зависит отбор той или иной информации субъектом.

Что касается психологики, разработанной Р. Абельсоном и М. Розенбергом, то, как было показано, вопрос о природе смысла там был истолкован как вопрос о «субъективной рациональности». Теперь предложена расшифровка этого положения, а именно скрупулезный анализ того, как эта «субъективная рациональность» проявляется в «работе» человека с социальной информацией. При этом выявлены все особенности процесса категоризации, как они протекают при познании *социальных* объектов обыденным человеком, все те «подводные камни», которые возникают на каждом из этапов его когнитивной работы и обусловлены включением субъективных компонентов познания.

Так, идеи психологики дополнены анализом *эвристик*, используемых в процессе категоризации, т.е. таких сокращенных «правил произвола», на основании которых люди высказывают суждение, несмотря на недостаточность и неопределенность имеющейся в их распоряжении информации [Tversky, Kahneman, 1974]. Описаны, в частности, такие виды эвристик, как эвристика *представленности* (тенденция рассматривать факты как более широко представленные, чем они есть на самом деле) и эвристика *наличности* (тенденция оценивать явления на основе готовых суждений, которые более «доступны», поскольку ранее всего приходят на ум).

Гораздо более подробно для этой же цели описана роль *эмоций* в познавательном процессе [Fiske (ed.), 1982], также один из «слабых» пунктов теорий соответствия. Эти теории критиковались не только за игнорирование социального контекста, но и за то, что акцент на рациональность в познавательном процессе приводит к весьма слабому обозначению роли эмоций и мотивов познающего субъекта. В психологии социального познания эти проблемы получают глубокое развитие, в частности, выявляется роль *настроения*, более подробно исследуется влияние *аттитюдов*, специфические формы *перцептивной защиты* и многие другие компоненты процесса социального познания.

Что же касается усиления социальной направленности при анализе когнитивных процессов, то сделан акцент на таких детерминантах этого процесса, как роль *социального консенсуса* и влияние *ценностей*. Идея социального консенсуса, разработанная А. Тэш-

:лом [Tajfel, Fraser, 1978], означает признание того, что наценность на определенную информацию зависит не только от инвидуального опыта, способностей, когнитивного стиля восприимающего, но и от принятых образцов толкования социальных лений в той или иной культуре, в том или ином типе общества ли какой-либо его части. Эти общепринятые образцы есть, иными словами, *конвенциональные значения*, своего рода договоренности, сложившиеся исторически, о том, как толковать, интерпретировать данные, получаемые в процессе социального познания.

В том же направлении разрабатывается и вопрос о роли ценностей в социальном познании. Через призму определенных ценностей человек «смотрит» на окружающий мир, а это значит, что и :рез этот канал неизбежно воздействие культуры и социума. Оритация на те или иные ценности общества порождает специфи:ские ошибки в процессе категоризации, главными из которых ляются *сверхисключение* и *сверхвключение*. В первом случае имеся в виду тенденция отнести к позитивно-нагруженной категории (т.е. к классу явлений, одобряемых обществом, например, юрядочность») как можно меньше объектов, с тем чтобы не обесценить» ее. Во втором случае при наличии негативно-нагру:нной категории (например, «жулики») проявляется тенденция нести к ней максимум вызывающих «подозрение» объектов (как ı не «пропустить» что-то «отрицательное»). Легко видеть, что рейнг ценностей задается обществом или определенной социальой группой, к которой принадлежит познающий субъект. Таким бразом преодолевается отстраненность классического когнитивизı от внешнего мира, что неоднократно ставилось в вину теоретим когнитивного соответствия.

Важной составной частью психологии социального познания ляется характеристика «продуктов» познания социального мира — юблема, вообще не исследованная в рамках традиционной когнитивистской ориентации. Там, как помним, в основном изучался юцесс возникновения соответствия в когнитивной структуре ıдивида, но оставался открытым вопрос о том, во имя *чего* складывается такое соответствие, во имя построения образа *каких* социальных объектов. Теперь в новых концепциях скрупулезно изучается весь набор социальных реалий, как они предстают в социально-познавательном процессе: как формируется образ самого себя социальном мире (социальная идентичность), образ Времени, в отором живет человек (временная идентичность), образ социаль-

ной Среды обитания (средовая идентичность), образы любых других социальных явлений, наконец, целостный образ Общества.

Особое внимание уделяется в психологии социального познания анализу действия *социальных институтов*, оказывающих влияние на процесс социального познания: семьи, школы, групп сверстников, организаций, средств массовой информации, церкви и др. Все они интерпретированы как агенты социума, через которые и осуществляется непосредственная социальная детерминация познавательного процесса.

По каждой из названных здесь проблем существует обширная литература и большое количество экспериментальных исследований, что позволяет заключить, что психология социального познания сегодня — одно из ведущих направлений социальной психологии. Наследование ею идей, разработанных в когнитивистской ориентации, несомненно, так же как несомненны попытки выйти из тупиков ее «индивидуалистической» направленности. Некоторые из конкретных теорий, разработанных в новом направлении, будут рассмотрены ниже.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ

1. ОСОБЕННОСТИ ОРИЕНТАЦИИ

Диалог сциентизма и гуманизма, характерный для современной социальной психологии, четко может быть прослежен, когда мы приступаем к характеристике психоаналитической ориентации. Позитивистской, натуралистической тенденции построения психологии, «адекватной науке», пытающейся проникнуть в мир личности и межличностных отношений с помощью методов, аналогичных методам естествознания, противостоит направление, ратующее за психологию, «адекватную человеку», подчеркивающее уникальность духовного мира личности и потому невозможность его постижения с позиций естественно-научной методологии. И если первая тенденция наиболее рельефно представлена необихевиористской ориентации, то теоретическим выражением второй являются психоаналитический, интеракционистский, гуманистический подходы. Именно в их рамках авторы пытаются концептуализировать творческую сущность личности, разрушают «сверхрационализированную» модель межличностного взаимодействия, созданную сторонниками бихевиоризма.

Раскрывая основные особенности психоаналитической ориентации, необходимо иметь в виду следующие предварительные соображения. В настоящее время прежде всего речь может идти о феномене так называемого рассеянного психоанализа. Под этим мы подразумеваем, во-первых, тот факт, что без учета влияния психоанализа невозможно понять весь облик зарубежной социальной психологии, некоторые ее принципиальные характеристики и установки. Например, столь характерная тенденция рассматривать групповые взаимоотношения как сугубо эмоциональные, непосредственные сложилась, вероятно, не без влияния фрейдизма.

Показательно, что практически все социальные психологи на Западе называют учение Фрейда теоретическим источником своих взглядов. Во-вторых, мы имеем в виду весьма активный процесс включения, интеграции отдельных психоаналитических принципов в самые различные системы взглядов. В этой форме психоанализ оказывает большое влияние на всю теорию и практику исследований за рубежом. В качестве примера можно сослаться на случаи ассимиляции психоаналитических понятий и представлений в необихевиористской традиции (в частности, идея фрустрации–агрессии), в интеракционистском подходе (например, учение о защитных механизмах личности), в теории К. Левина. Картрайт и Зандер отмечают в этой связи: «Хотя в рамках этой ориентации (психоанализа) проведено сравнительно мало экспериментальных или качественных исследований групп, понятия и гипотезы психоаналитической теории проникли в большую часть работы по групповой динамике» [Cartwright, Zander, 1968, p. 41]. Наконец, третьей формой усвоения социальной психологией традиций психоанализа является практика заимствования его отдельных положений применительно к интерпретации различных социально-психологических проблем.

Среди отдельных социально-психологических проблем, теоретически осмысливаемых с позиций психоанализа, можно выделить две группы: собственно социально-психологические проблемы и соответственно социально-психологические теории и проблемы, теории пограничные, находящиеся на стыке социальной психологии с другими общественными дисциплинами. К числу первых прежде всего относятся проблемы и теории, связанные с исследованием групповых процессов. Вторые представлены широким блоком традиционных психоаналитических исследований, сложившихся на границе между социальной и общей психологией, между социальной психологией и социальной философией, между социальной психологией и социальной антропологией.

В настоящей работе мы остановимся в основном на анализе теорий, внедряющих психоаналитические тенденции в разработку отдельных социально-психологических проблем. Наиболее рельефно данные тенденции реализуются в следующих концептуальных схемах: динамической теории группового функционирования В. Байона [Bion, 1961], теории группового развития В. Бенниса и Г. Шепарда [Беннис, Шепард, 1984], трехмерной теории интерперсонального поведения В. Шутца [Schutz, 1958, 1984].

Современные психоаналитические представления о групповых процессах своими корнями восходят к социально-психологическим взглядам З. Фрейда, наиболее концентрированно выраженным в его работе 1921 г. «Массовая психология и анализ человеческого Я» (в английском варианте ее название выглядит несколько по-иному и буквально переводится как «Групповая психология и анализ Эго»). Данная книга Фрейда принадлежит к группе работ, написанных в 20-е годы, в которых он предпринимает усилия по завершению построения своей системы взглядов. Это книги «По ту сторону принципа удовольствия» (1920), названная выше «Групповая психология и анализ Эго» (1921), и «Я и Оно» (1922). Характерно, что в названных работах Фрейд больше не занимается психопатологией, его интерес сосредоточивается на нормальной личности, ее структуре. Особенно важно отметить также представленную в данных работах Фрейда тенденцию выхода за границы собственно психологии личности и обращения к вопросам социальной психологии, социологии, философии, истории, наметившуюся в очерках «Тотем и табу» (1912–1913) Важнейшими методологическими приемами, используемыми в подобных случаях, оказываются аналогия и экстраполяция, т.е. перенос положений и принципов, вычлененных при анализе невротика, на новые области социального знания. В частности, этот прием оказывается основным при раскрытии Фрейдом в работе «Групповая психология и анализ Эго» существа групповых связей, природы групповой динамики.

Известно, что важнейшим путем к объяснению личности невротика для Фрейда было обнаружение психологических механизмов функционирования такой первичной группы, как семья. В дальнейшем эти механизмы положены в основу интерпретации межличностных отношений, по существу, во всякой человеческой группе. В этом смысле Фрейд не проводит различия, в частности, между малой и большой группами. Специфически понятые семейные связи оказываются в равной мере прототипом групповых отношений в том и другом случае. Ключевыми понятиями фрейдовской теории групповой динамики являются понятия десексуализированного либидо (сублимированной любви), идентификации. Именно к ним апеллирует Фрейд, отвечая на вопрос о природе сил, связывающих людей в группе.

Существо группы составляет система эмоциональных, либидонозных по своему характеру связей. Первичная группа, по Фрей-

ду, представляет собой совокупность индивидов, которые принимают одну и ту же личность — лидера — за свой идеал, идентифицируют себя с ним и лишь постольку, поскольку это происходит, идентифицируют себя друг с другом. Таким образом, устанавливается два ряда эмоциональных связей: между членами группы и между каждым членом группы и лидером. В групповой психологии Фрейда ключевой фигурой оказывается лидер. Именно отношение членов группы к лидеру является связью первого порядка — оно в определенном смысле детерминирует отношения членов группы друг к другу. В случае нарушения связей с лидером группа распадается. С точки зрения Фрейда, психология лидера резко отличается от психологии других членов группы. Он не имеет эмоциональных привязанностей к кому-либо, кроме себя. Он никого не любит, кроме себя, самоуверен и независим, обладает всеми качествами и способностями, которых члены группы не могут достичь, поэтому он становится их идеалом — Я. Именно это качество нарциссизма делает его лидером.

Идентификация с лидером отнюдь не предполагает однозначно позитивных чувств по отношению к нему. Напротив, Фрейд рассматривает идентификацию с лидером как, в частности, механизм защиты против враждебных чувств к лидеру и как косвенный способ «стать» лидером. Подобная логика рассуждений становится понятной, если иметь в виду, что в схеме Фрейда лидер в группе является своего рода изображением отца и отношение с ним строится по модели отношения с отцом. Такие черты регрессивного группового поведения, как повышенную внушаемость, потерю критичности, Фрейд объясняет влиянием сильного лидера, зависимостью членов группы от него. Под действием обаяния сильного лидера член группы уподобляется загипнотизированному индивиду: подобно тому как последний отказывается от своей самостоятельности в пользу гипнотизера, он, по сути, отказывается от интернализованного родительского образа и передает его роль лидеру. Таковы вкратце основные моменты групповой психологии Фрейда. Мы обратили внимание в первую очередь на те из них, которые так или иначе, в том или ином виде воспроизводятся современными последователями психоанализа в зарубежной социальной психологии.

Г. Оллпорт, отмечая характер воздействия идей Фрейда на социальную психологию, писал в 50-е годы следующее: «Именно гигантское влияние Дарвина, Ницше, Мак-Даугалла и Фрейда с

их варьирующими концепциями инстинкта гарантировало главенство иррационализма в социальной психологии сегодняшнего дня. Далее умалению интеллекта содействовал подъем бихевиоризма и союз социальной психологии с патопсихологией в конце XIX в. Лишь последние годы отмечены знаком реакции против иррационализма» [Allport, 1968]. Данная оценка, несомненно, справедлива. Фрейд немало способствовал утверждению инстинктивистской, иррационалистической тенденций в этой области психологии, как и в обществознании в целом. Инстинктивизм как социально-психологическая платформа представлен в социальной психологии как раз теориями, ориентированными на психоаналитические принципы. Обратимся к анализу концепций групповых процессов современных последователей Фрейда.

2. ДИНАМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГРУППЫ В. БАЙОНА

К началу 50-х годов относится сформулированная Байоном динамическая теория группового функционирования. Основной эмпирический материал автор получал в области психотерапии, согласно сложившейся психоаналитической традиции. В данном случае объектом наблюдений явились терапевтические группы. По мнению Байона, группа представляет собой макровариант индивида, и, следовательно, она характеризуется теми же параметрами, что и отдельная личность, т.е. потребностями, мотивами, целями и т.п., которые интерпретируются им всецело в психоаналитическом духе. Группа всегда представлена как бы в двух планах: с одной стороны, она обычно выполняет какую-то задачу и в ее решении члены группы вполне рационально, осознанно принимают участие; с другой стороны, Байон вычленяет аспекты групповой культуры, продуцируемые неосознаваемыми вкладами членов группы. Постулируется возможность конфликтов между двумя обозначенными уровнями групповой жизни, вычленяются «коллективные защитные механизмы», аналогичные индивидуальным.

Одним словом, Байон пытается перенести понятия и механизмы, вычлененные и обоснованные Фрейдом при изучении индивидуальной психики, на тот случай, когда их субъектом оказывается не отдельная личность, а целая группа. В большей своей части высказанные Байоном положения остались неверифицированны-

ми, т.е. эмпирически и экспериментально они не проверялись и не получили особого распространения в социальной психологии. Они интересны лишь в том отношении, что отражают один из довольно распространенных, особенно на начальных этапах, «заходов» к вычленению проблематики социальной психологии как самостоятельной дисциплины. Мы имеем в виду вообще принцип интерпретации параметров группы по аналогии с психологическими характеристиками индивида и соответственно выделение разделов социальной психологии, аналогичных разделам в структуре общей психологии. Известно, что ряд первоначальных пособий по социальной психологии воспроизводил по структуре общепсихологические пособия, с той лишь разницей, что субъектом психических процессов пытались рассматривать группу. В настоящее время вряд ли можно обнаружить последовательную реализацию данного принципа в каком-либо направлении зарубежной социальной психологии, хотя ряд сложившихся тем, несомненно, перекликается с соответствующими общепсихологическими темами. В социальной психологии группа, как и личность, рассматривается в качестве субъекта выбора целей, ценностей, решения проблем, принятия решений и т.д. Однако в целом пока остается неясной до конца проблема критерия правомерности подхода к группе как субъекту тех же психических характеристик и процессов, которые отличают отдельную личность. Таким образом, поставленная Байоном проблема возможности анализа группы как системы по аналогии с системой «личность», несомненно, заслуживает внимания.

3. ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ ГРУППЫ В. БЕННИСА И Г. ШЕПАРДА

Теорию группового развития, сформулированную Беннисом и Шепардом в середине 50-х годов, вряд ли можно характеризовать как выдержанную исключительно в русле психоаналитической традиции. По мнению Шоу и Костанцо, она является психоаналитической по основной направленности, но в то же время испытала влияние и других подходов. Теория Бенниса и Шепарда построена на осмыслении процессов, происходящих в так называемых Т-группах, или группах тренинга человеческих отношений, группах самоанализа. Такие группы оказались феноменом жизни западного общества 60—70-х годов. Прежде чем раскрыть теорию Бенниса и

Шепарда, остановимся вкратце на характеристике этих групп. Это уместно сделать именно в данном контексте, потому что практика Т-групп при всем многообразии впитанных ею теоретических позиций сложилась под несомненным влиянием психоанализа.

Дать краткое описание Т-группы — довольно сложное дело, главным образом вследствие многообразия ее нынешних форм и недостаточного теоретического осмысления их практики. Прежде всего следует отметить, что Т-группа является одной из форм или одним из методов социально-психологического тренинга. Под социально-психологическим тренингом в широком смысле обычно понимают обучение знаниям, умениям и навыкам межличностного общения. Активная разработка и использование метода Т-группы в американской практике относится к 60—70-м годам. В последнее время их активность пошла на убыль. В 1947 г. была создана Национальная лаборатория тренинга в Бэтэле, вслед за которой возник целый ряд аналогичных лабораторий, в частности при университетах. В основе практики Т-группы лежит групповая дискуссия. Предметом групповой дискуссии в данном случае оказываются реальные межличностные отношения участников, а задачей является изучение самой группой ее динамики через анализ происходящих в ней процессов, т.е. эти процессы изучаются не со стороны, а самими членами группы. Предполагается, что результатом подобного анализа явится возросшая компетентность личности в отношении собственных мотивов, интенций, фрустраций, вообще возможностей в межличностном общении, а также большее понимание мотивов, целей, стратегий поведения партнеров по общению, осмысление помех взаимопонимания, «безопасное» апробирование возможных путей их избежания и т.д. В целом весь этот комплекс можно обозначить как «социально-психологическую компетентность», а конечную цель Т-группы определить как совершенствование социально-психологической компетентности ее участников.

Достижение конечной цели предполагает реализацию более частных задач, эксплицитно формулируемых или имплицитно подразумеваемых. На групповом уровне обычно целью объявляется установление валидной коммуникации. Это означает достижение такого состояния, когда, во-первых, каждый член группы способен точно и свободно сообщать о своих чувствах, мотивах, интенциях и т.д., во-вторых, валидная коммуникация предполагает, что «восприятие каждым членом своего места в группе согласует-

ся с восприятием других членов группы, что провозглашаемая цель группы и усилия ее членов конгруэнтны и что члены группы способны разделять многие уровни коммуникации» [Беннис, Шепард, 1984.].

Размеры подобных групп могут быть разными — от 7 до 15 человек. Это могут быть реальные группы, но, пожалуй, чаще программы тренинга предусматривают участие лиц, которые ранее не были знакомы друг с другом. В большинстве случаев это администраторы, преподаватели, психологи, социологи — одним словом, представители профессий, предполагающих известное мастерство межличностного общения. Собираются эти группы на разные сроки обучения — от двух дней до двух месяцев. Обычно за каждой группой закрепляется так называемый тренер (ведущий). Его роль может варьировать в зависимости от конкретных задач тренинга. Однако в любом случае в его функцию входит обеспечение атмосферы доверия, открытости в группе, он должен продемонстрировать модель желаемого поведения, т.е. искренне и открыто выражать свои чувства, проявлять лояльность по отношению к другим, поддерживать их искренность и т.д. «Роль лидера (тренера) Т-группы не в том, чтобы представлять нам ответы, но в том, чтобы просто помочь установить атмосферу доверия и интенсивного исследования, в котором мы желаем пристально посмотреть на собственное поведение и поведение других» [Аронсон, 1986]. Заметим, что роль ведущего в Т-группе отличается от аналогичной роли в группе психотерапевтической; тренер-ведущий не апеллирует к прошлому опыту участников и вообще к их опыту вне данной группы и пытается их самих удержать от этого. Акцент делается на анализе того, что происходит «здесь и теперь». Налаженная система обратной связи позволяет каждому участнику видеть, как другие интерпретируют то, что он говорит и делает, а следовательно, создает предпосылку для осмысления возможных последствий своих действий в группе.

Успех обучения в Т-группе во многом зависит именно от налаженной системы обратной связи. Важными предпосылками обеспечения эффективной обратной связи являются, во-первых, климат «психологической безопасности» в группе и, во-вторых, явление так называемого «размораживания», «сбрасывания фасада», когда участник оказывается в состоянии отказаться от привычных сложившихся способов восприятия и взаимодействия, обнаружив их недостаточность или несовершенство. В отсутствие названных

предпосылок получаемая обратная связь может оказаться неэффективной.

В теоретическом плане на практику Т-групп несомненно влияние психоаналитической традиции. Это проявляется, в частности, в акценте на возможности расширения опыта личности путем доведения до сознания и постановки под его контроль тех механизмов поведения, которые функционируют, используются личностью, но не осознаются ею. В целом, однако, теоретическое обоснование данной практики остается недостаточным, что признается самими зарубежными авторами. «Вся эта область такова, — пишет, например, К. Роджерс, — что практика далеко опередила здесь и теорию, и исследование» [Rodgers,1969, p. 56].

Одной из попыток построения теории на основании практики Т-групп является попытка, предпринятая Беннисом и Шепардом. Их теория группового развития касается главным образом процессов изменения в Т-группе на пути к достижению цели валидной коммуникации. Она включает два основных вопроса: анализ помех валидной коммуникации и определение стадий группового развития.

Основной помехой установлению валидной коммуникации, с точки зрения авторов, является ситуация неопределенности, в которой оказывается каждый из участников на старте Т-группы. Участники скованны в выражении своих истинных отношений, реакций, чувств, потому что они не знают, что можно ожидать от других. По мнению Бенниса и Шепарда, неопределенность касается двух планов функционирования группы: вопроса о власти и вопроса о взаимозависимости.

Вопрос о власти — это вопрос о лидере, вопрос о том, кто будет ведущим и на кого выпадет роль ведомого. Не вполне ясной является и область межличностных отношений между членами группы. Здесь неопределенность связана с вопросами тесноты эмоциональных связей. Далее Беннис и Шепард высказывают суждения вполне в духе групповой психологии Фрейда. Они полагают, что вопрос о лидере первичен и ориентация по отношению к лидеру опосредует, в определенной мере детерминирует ориентацию члена группы по отношению к другим ее членам, т.е., по мнению Бенниса и Шепарда, в процессе группового развития прежде всего разрешается вопрос о власти, о лидерстве и лишь постольку поскольку разрешен этот вопрос, на его основе разрешается вопрос о взаимоотношениях между членами группы. Отправной точ-

кой анализа «группового поведения» оказывается выделение двух рядов отношений в группе—рядовой член группы—лидер и отношения членов группы друг с другом, причем первый ряд отношений является первичным и в смысле генетическом, и в том смысле, что он детерминирует отношения членов группы друг к другу. Соответственно в теории выделяется две фазы группового развития. Содержанием первой фазы является решение вопроса о лидере, во второй фазе вносится ясность во взаимоотношения членов группы. Этот вопрос рассматривается весьма обстоятельно, в каждой фазе выделяется еще три подфазы, т.е. всего в развитии группы тренинга просматривается шесть этапов.

С самого начала, в первой подфазе, группа сталкивается со следующей ситуацией. Участники ожидают, что тренер-ведущий возьмет на себя лидерские полномочия. Однако особенность Т-группы, в частности, состоит в том, что ведущему противопоказано выполнять эту роль, и он сразу предупреждает об этом. Обычно в данный момент возникает некоторое напряжение, неудовлетворенность ситуацией, дискуссия о целях и задачах группы. Начало второй подфазы часто связано с просьбой участников к ведущему оставить группу. По вопросу о лидерстве выделяется, как правило, два противоположных мнения. Одна подгруппа является сторонником «сильной лидерской структуры», а другая выступает за менее структурированную групповую атмосферу и возражает против сильного лидера и ригидных, жестких форм управления группой. Третья подфаза связана с разрешением вопроса о лидере. Оно может быть достигнуто быстро или затянуться, и группа тогда долго находится в состоянии колебаний. Однако в конце концов если группа не распадается, она вступает в следующую фазу — фазу установления межличностных отношений, или «решения проблемы взаимозависимости».

Мы не будем останавливаться на выделяемых авторами трех подфазах этого этапа развития группы. Отметим лишь, что, рассматривая описанную схему как типичную, Беннис и Шепард признают различные возможные отклонения от нее: например, группа не достигает конечной цели или на неопределенно долгое время задерживается на какой-либо ранней фазе, а то и вовсе распадается.

Таким образом, очевидно, что теория Бенниса и Шепарда разработана исключительно на основе наблюдения практики весьма специфических групп тренинга — Т-групп. Кстати, ее авторы и не претендовали на большую общность своей теории. Однако иногда

проявляется тенденция без дополнительного обоснования переносить теорию, описывающую групповое развитие в особых условиях, на более широкий круг групп. Подобный путь вряд ли правомерен. Известным доказательством недопустимости абсолютизации схемы, предложенной Беннисом и Шепардом, являются, в частности, данные, приводимые другими исследователями. В американской социальной психологии имеется, как известно, несколько других теорий группового развития применительно к различного рода группам. Широко известна, например, теория фаз в развитии группы, ориентированной на решение какой-либо задачи, сформулированная Бейлзом и Стродбэком [Cartwright, Zander, 1968]. Они вычленяют следующие этапы развития группового взаимодействия: от ориентации через проблемы оценки — к фазе контроля.

Следует отметить известную сопоставимость данной схемы и рассмотренной выше теории Бенниса и Шепарда. Так, этап контроля у Бейлза и Стродбэка эквивалентен фазе установления отношений власти, или лидерства, у Бенниса и Шепарда. Однако обращает на себя внимание различное, даже противоположное место данной стадии в названных теориях — в первой схеме она завершает групповое развитие, а у Бенниса и Шепарда с нее начинается развитие группы. Это обстоятельство лишний раз указывает на опасность расширительного толкования и использования рассмотренной теории. В настоящее время остается неясной принципиальная возможность разработки некоей единой теории группового развития, охватывающей все возможные разновидности групп. И конечно, в качестве таковой не может быть рассмотрена теория Бенниса и Шепарда, описывающая эволюцию лишь специфического класса групп.

Что же касается адекватности описания в рамках этой теории развития групп тренинга, то и в этот адрес можно сделать ряд замечаний. Во-первых, теория устанавливает лишь последовательность фаз группового развития, но не предполагаемую длительность каждой из них, т.е. пока нет ответа на вопрос о том, как долго может и должна продолжаться каждая фаза. Во-вторых, в анализе не вычленены переменные, влияющие на скорость развития группы; переменные, определяющие полноту стадий или пропуск некоторых из них; переменные, определяющие форму разрешения проблем зависимости и взаимозависимости. В силу перечисленных обстоятельств прогностические возможности данной теории ограничены.

4. ТРЕХМЕРНАЯ ТЕОРИЯ ИНТЕРПЕРСОНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В. ШУТЦА

Эта теория представлена в работе Шутца, относящейся к 1958 г., под аналогичным названием. Она еще известна под сокращенным названием ФИРО, что означает «Фундаментальная ориентация межличностных отношений». Принципиальной основой теории Шутца является положение фрейдизма о том, что социальная жизнь взрослого человека фатально предопределена опытом его детства. Эта теория разрабатывалась на протяжении ряда лет и становилась «все более формальной, но необязательно более точной» [Shaw, Costanzo, 1970, p. 255].

Существо теории раскрывается в четырех постулатах, в свою очередь, связанных с соответствующими теоремами. Во-первых, Шутц постулирует наличие трех межличностных потребностей, характерных для каждого индивида. Это потребность включения, потребность в контроле и потребность в любви. По мнению Шутца, межличностные потребности во многих отношениях аналогичны биологическим потребностям. Если биологические потребности регулируют отношения организма с физическим окружением, то межличностные устанавливают связь личности с ее человеческим окружением.

В том и в другом случае возможен оптимальный вариант удовлетворения потребности и возможны отклонения в сторону «больше» или «меньше», что может приводить к соответствующим негативным последствиям. Так, болезнь организма или его смерть оказываются результатом неадекватного удовлетворения биологических потребностей, а психическое расстройство, иногда смерть, — результатом неадекватного удовлетворения межличностных потребностей. Правда, организм способен на какое-то время адаптироваться к ситуациям неполного удовлетворения и тех и других потребностей. Например, ребенок, лишенный в детстве адекватных форм удовлетворения межличностных потребностей, развивает определенные образцы адаптации. Эти сложившиеся в детстве поведенческие образцы всецело определяют, по мнению Шутца, способы ориентации взрослой личности по отношению к другим. В этом, собственно, состоит существо второго постулата его теории — постулата «относительной преемственности и непрерывности».

Второй постулат теории Шутца воспроизводит фундаментальное положение психоанализа об определяющей роли раннего дет-

ства в развитии личности. Конкретной сферой продолжения опыта детства оказываются межличностные отношения взрослого.

По мнению Шутца, индивид во взаимоотношениях с другими следующим образом реализует опыт межличностных отношений своего детства. Когда он воспринимает свою взрослую позицию в межличностной ситуации, аналогичной своей же позиции в отношениях с родителями в период детства, его взрослое поведение ориентируется на его поведение в детстве по отношению к родителям или значимым другим. Если же он воспринимает свою взрослую позицию в межличностной ситуации подобной позиции своих родителей в отношениях с ним в детстве, его взрослое поведение ориентировано на поведение его родителей или значимых других по отношению к нему, ребенку. Сразу же отметим, что этот момент теории Шутца является объектом критических замечаний со стороны зарубежных оппонентов, поскольку у автора остается без ответа вопрос о том, чем же определяется то обстоятельство, что один человек во взрослом состоянии, вступая в межличностные отношения, идентифицирует себя с родителями, а другой в том же случае воспроизводит свою собственную позицию, какой она была в отношениях с родителями в детстве.

Рассмотрим теперь, что Шутц конкретно понимает под постулированными им межличностными потребностями включения, контроля и любви. Включение он понимает как потребность устанавливать и поддерживать приносящие удовлетворение отношения с другими, т.е. как потребность быть включенным в группу. Степень включения можно ранжировать от интенсивного взаимодействия до полного ухода от такового. Отношения ребенка и родителей являются позитивными, если они насыщены контактами, и негативными, если родители общение с ребенком сводят к минимуму и, по сути, игнорируют его. В этой последней ситуации ребенок становится тревожным. Его тревоги утихнут, лишь когда он будет адекватно интегрирован в семейную группу. Если этого не произойдет, он может, например, уйти в «скорлупу» одиночества.

По Шутцу, в зависимости от характера удовлетворения потребности включения в детстве взрослый человек в межличностных отношениях склонен к проявлению недостаточно социального (undersocial) поведения, сверхсоциального (oversocial) или социального (social) поведения. Первый тип формируется опытом недостаточной интеграции в семье, второй — опытом чрезмерного включения в нее, а третий, идеальный, тип соответствует

адекватной интеграции. Первый тип характеризуется тенденцией к интраверсии, уходу от взаимодействия, к сохранению дистанции между собой и другими. Поведение такого человека может принимать форму прямого неучастия или более тонкие формы ухода от включения (например, опоздание на собрания либо вообще их игнорирование и т.д.). Человек глубоко тревожится, полагая, что «никто не находит его заслуживающим внимания». Характерно, что, избегая взаимодействий, он теряет возможность проверить свое убеждение. Человеку второго, сверхсоциального типа, напротив, свойственно находиться постоянно в поиске контактов. Он шумный, требует внимания, навязывает себя группе, но может войти в группу, используя и более тонкие приемы, например, демонстрируя знание и умение. Наконец, третий, социальный тип, по мнению Шутца, — беспроблемный в межличностных отношениях. Он счастлив наедине с собой и счастлив с людьми. Он включается в группу или не включается в нее — в зависимости от ситуации. Главное, что бессознательно он относится к себе как к личности, заслуживающей внимания.

Межличностная потребность в контроле имеет отношение к так называемому аспекту власти в межличностных отношениях. Соответствующее поведение может варьировать от слишком большой дисциплинированности — к отсутствию дисциплины вовсе, опять же в зависимости от характера отношений с родителями в детстве. Эти последние отношения можно ранжировать, полагает Шутц, от принуждающих отношений, когда родители полностью контролируют ребенка, принимая за него все решения, до вольных, так сказать, когда родители не вмешиваются и предоставляют детям свободу принимать решения самостоятельно. Как и в других случаях, идеальные отношения родителей с ребенком в детстве уменьшают его возможную тревожность, а слишком большой или недостаточный контроль ведет к защитным формам поведения. И тогда, пытаясь справиться с тревожностью, ребенок доминирует над другими, совсем отказывается от контроля или попадает под чей-то контроль. Соответственно Шутц выделяет три типа поведения индивида в сфере контроля, обозначая их как «отказывающееся», «автократическое» и «демократическое». Первый тип отличается тенденцией к смирению и покорности. В отношениях с другими он отказывается от власти и ответственности, предпочитая роль подчиненного, старается не принимать решения, когда этого можно избежать. «Подсознательно он чувствует, что не способен принимать ответственные решения и что другие знают об

этом его недостатке. Отказываясь принимать решения, он может по крайней мере скрыть меру своей неспособности» [Shaw, Costanzo, 1970, p. 259]. «Автократ» характеризуется тенденцией доминировать над другими, он предпочитает принимать все решения не только за себя, но также и за других. «Демократ», естественно, является идеальным типом, успешно решая проблемы межличностных отношений в сфере контроля. Он чувствует себя комфортно и в позиции подчиненного, и в позиции, так сказать, носителя власти. В зависимости от требований ситуации может отдавать распоряжения, а может принимать их к исполнению. «Подсознательно он верит, что способен принимать ответственные решения, и не чувствует потребности доказывать это другим» [Shaw, Costanzo, 1970, p. 259]. Шутц предположил, что в случае развития патологии в сфере контроля она связана с типичным психопатическим поведением, которое отличается отказом следовать социальным нормам и уважать права других.

Наконец, третья межличностная потребность — это потребность построения тесных эмоциональных связей в отношениях с другими. Она определяется как потребность нравиться и быть любимым. Выражения потребности любви могут быть позитивными (от аттракции до любви) либо негативными (от легкого неодобрения до ненависти). Следовательно, отношения ребенка с родителями могут характеризоваться теплом, одобрением, любовью или же холодностью, отвержением. Соответственно Шутц выделяет три типа межличностного поведения, вытекающих из опыта детства. Неадекватные отношения родителей с ребенком в эмоциональной сфере выливаются, по терминологии Шутца, в недостаточно личностное (underpersonal) или сверхличностное (overpersonal) поведение, тогда как идеальные отношения в этой сфере приводят результате к личностному (personal) поведению. В первом случе человек имеет тенденцию избегать тесных взаимоотношений. О поверхностно дружествен, сохраняет эмоциональную дистанцик и предпочитает, чтобы другие делали то же самое в отношении к нему. По мнению Шутца, основой подобного поведения являются тревога, глубокая озабоченность личности по поводу того, может ли она вызвать истинное расположение к себе, любовь. Человек озабочен тем, что его невозможно любить, и другие обнаружат это, как только он (в смысле эмоциональной привязанности) допустит к себе на более близкую дистанцию.

При сверхличностном типе поведения, наоборот, человек желает тесных эмоциональных связей и пытается строить именно та-

кие эмоциональные отношения. С точки зрения Шутца, динамика поведения здесь аналогична первому случаю. Оба типа мотивированы сильной потребностью в любви, и оба связаны с большой степенью тревожности по поводу того, что они могут не нравиться.

Для лиц, которые успешно решают эти проблемы в детстве, эмоциональные отношения с другими, как правило, не представляют сложности. Личностный тип поведения предполагает, что человек может адекватно чувствовать себя и в тесных, и в дистантных эмоциональных отношениях. Он не встревожен тем, чтобы быть любимым, подсознательно полагая, что он — человек, достойный любви. Шутц предположил, что неврозы — это форма патологии, связанная как раз с характером удовлетворения межличностной потребности в любви.

Таково обстоятельное рассмотрение двух из четырех постулатов теории Шутца. Третий постулат касается такого важнейшего феномена межличностных отношений, как совместимость. Определение совместимости дано на уровне здравого смысла: две личности совместимы, если они могут вместе работать в гармонии. Постулат, собственно, утверждает, что совместимые группы более эффективны в достижении групповых целей, чем группы несовместимые. Шутц предположил три возможных типа совместимости и разработал пути их измерения.

В основу выделения типов положено соотнесение выражаемого (демонстрируемого) личностью поведения и поведения, желаемого ею от других, в каждой из трех сфер межличностных потребностей.

Первый тип совместимости Шутц называет совместимостью, основанной на взаимном обмене. Максимум такой совместимости имеет место, когда сумма выражаемого и желаемого поведения у одной личности равна аналогичной сумме у другой личности. А несовместимы две личности оказываются в той мере, в которой они различаются в отношении этой суммы соответственно в области каждой из трех межличностных потребностей.

Второй тип — инициирующая совместимость — обнаруживается, когда проявления контроля, включенности и любви со стороны одного совпадают с потребностями другого. Так, например, этот тип совместимости имеет место в области контроля, если одна сторона, вступающая во взаимодействие, желает доминировать, а другая — находиться под контролем. Наконец, реципрокная совместимость характеризует степень, в которой выражения включения, контроля или любви одной взаимодействующей личности согласуются с желаниями другой в отношении тех же по-

требностей. Например, диада совместима, если сумма включения, выражаемого одной личностью, соответствует сумме включения, желаемого другой личностью, участвующей во взаимодействии. Шутц специально разработал шкалы и формулы подсчета совместимости, позволяющие вычислять шестнадцать индексов совместимости. Им сформулировано девять теорем совместимости. Например, первая выглядит следующим образом: если две диады различны по совместимости, то более вероятно, что члены более совместимой диады предпочтут друг друга для продолжения личного контакта. Все последующие теоремы аналогичны в смысле близости к суждениям здравого смысла.

Последний постулат рассматриваемой теории касается группового развития. Шутц полагает, что каждая группа в своем становлении проходит соответственно этапы включения, контроля, любви. В этом моменте обнаруживается большое созвучие теории Шутца и теории группового развития Бенниса и Шепарда. Основное различие состоит в добавлении Шутцем фазы включения как первой ступени. Формирование группы, по его мнению, начинается именно с принятия каждым решения, остаться в данной группе или выйти из нее. Лишь после разрешения проблемы включения происходит переход к фазе контроля, т.е. фазе распределения ответственности и власти. В третьей фазе решается проблема эмоциональной интеграции. В случае же распада группы ее движение идет в обратном порядке: сначала нарушаются эмоциональные привязанности, затем разрушаются отношения власти, после чего следует фаза выхода из группы. Шутц проанализировал также групповое развитие с целью выяснения характера совместимости на различных стадиях групповой жизни.

При рассмотрении четырех постулатов, в которых представлено существо теории межличностного поведения Шутца, становится очевидным, что психоаналитическая ориентация данной теории не подлежит сомнению. Показательны и прямые ссылки автора на работы З. Фрейда, К. Хорни, Э. Фромма.

Известно, что трудности и тупики объяснительной схемы классического психоанализа весьма рельефно были обозначены в различных ответвлениях неофрейдизма, пытавшегося модифицировать учение Фрейда. На наш взгляд, и в данном случае попытка преобразования и расширения сферы действия психоаналитических принципов обернулась наряду с эвристичностью демонстрацией их ограниченности. В контексте социально-психологических

проблем особенно усугубляются такие аспекты психоаналитического учения, как отказ от анализа социальных детерминант психологических процессов и интерпретация личности как «по сути реактивного организма, обусловленного его ранними опытами» [Coleman, 1969, p. 27]. Хотя Шутц в своей концепции межличностного поведения в ряде моментов модифицирует позицию ортодоксального фрейдизма, эта модификация не выводит его за пределы инстинктивизма и антиисторизма в подходе к межличностным отношениям. Как и у Фрейда, в теории Шутца неизменной системе внешних социальных условий противостоит статичная система внутреннего мира личности в форме изначально заданных потребностей, реализуемых в сфере межличностных отношений.

5. ПРИРОДА АВТОРИТАРНОЙ ЛИЧНОСТИ

В зарубежной социальной психологии немногочисленны теории, «системно» реализующие принципы психоаналитической ориентации. Гораздо более частыми являются случаи вкрапления отдельных психоаналитических положений в различные исследовательские и теоретические контексты.

Так, одно из основных положений ортодоксального фрейдизма — фатальная предопределенность личности взрослого опытом детства — в настоящее время оказалось интегрированным в ряд концептуальных схем, а также отдельных работ, вообще говоря, не заданных в строгом ключе психоанализа. В качестве примера подобного рассеяния принципов психоанализа можно сослаться на известное исследование авторитарной личности, выполненное под руководством Т. Адорно [Adorno et al., 1950]. Психоаналитический крен работы несомненен, и это обнаруживает анализ ее теоретических предпосылок, хотя самими авторами они не изложены в систематической форме.

Целью вышеуказанного исследования явилось выяснение корней предрассудка, точнее, личностных факторов, связанных с предрассудком. По мнению авторов, авторитарная личность продуцируется родителями, которые используют суровые и жесткие формы дисциплины по отношению к ребенку. Ребенок вынужден подчиниться суровой власти родителей, но в результате в нем развивается враждебность, которая не может прямо вылиться на фрустрирующий его объект — родителей, так как он боится их. Потребность ребенка подавлять враждебность по отношению к роди-

телям ведет к идентификации с фрустрирующей властью, к идеализации этой власти с сопутствующим смещением враждебности на аут-группы, т.е. внешние группы, которые обычно оказываются группами более низкого статуса. Именно на эти внешние группы, характеризующиеся более низким социальным статусом, происходит проекция тех авторитарных импульсов, которые вызваны у ребенка фрустрацией и подавлены вследствие неприемлемости их реализации в рамках семьи. По мнению авторов, боязнь собственных импульсов и потребность жестко их подавлять ведут к ригидной организации личности, к стереотипному мышлению. Таковы вкратце исходные предпосылки данного исследования.

Исследование выполнено вскоре после окончания Второй мировой войны, и ее события, несомненно, стимулировали интерес авторов к изучению социально-психологических предпосылок появления фашизма. Адорно и его соавторы сконструировали пять шкал для измерения антисемитских установок. Далее они исследовали, является ли антисемитизм частью более общей установки отвержения групп меньшинств вообще. Для этого была разработана шкала «этноцентризма». Следующим шагом явилась сконструированная авторами Ф-шкала, которая, по замыслу, замеряет предрасположенность к фашизму (отсюда буква «ф» в ее названии). Кроме того, в исследовании использовались клинические интервью и проективные тесты.

Сразу после выхода работа подверглась серьезной критике в зарубежной литературе. В частности, критиковались методическое обеспечение исследования (например, не вполне удачное построение шкал, которые не всегда имели четкие деления) и организация сбора данных. Отмечалось, что многие из полученных авторами различий личностного порядка, скорее, отражают различия, связанные с образованием или принадлежностью к разным социальным классам и т.д. Однако, несмотря на острую критику, книга стимулировала большое число эмпирических исследований, в которых устанавливалась корреляция между Ф-шкалой и другими параметрами личности.

Необходимо отметить представленную в данном подходе тенденцию ограничить анализ фашизма как социального явления его социально-психологическим рассмотрением вне контекста объективных экономических процессов. Подобная методология исследования, как неоднократно подчеркивалось в отечественной литературе, может приводить к обеднению спектра корней фашизма.

Одной из наиболее известных работ, данные которой, по мнению Дойча и Краусса, «генерализуют и ограничивают выводы “Авторитарной личности”» [Deutch, Krauss, 1965, p. 164], является вышедшая в 1960 г. книга М. Рокича «Открытое и закрытое сознание» [Rokeach, 1960]. В теоретическом плане она является примером характерного для современной социальной психологии переплетения школ: в данном случае сочетаются психоаналитическая и когнитивистская ориентации. Основной тезис Рокича состоит в следующем: мы организуем мир идей, людей и власти, в основном заботясь о конгруэнтности, согласованности содержания нашего сознания. И далее тоже вполне в духе когнитивистских принципов: нам нравятся люди с убеждениями, подобными нашим, и не нравятся носители противоположных убеждений. Существуют индивидуальные различия в степени, в которой люди готовы принять или отвергнуть других на этой основе, т.е. на основе сходства или различия когнитивных структур. Эти различия и отражают «открытость» или «закрытость» систем убеждений. По определению Рокича, система открыта в той степени, в которой человек может получать, оценивать и действовать на основе релевантной информации, поступившей извне, исходя из достоинств этой информации. «Закрытое сознание» в структурном отношении характеризуется меньшей дифференциацией его подсистем, большей изоляцией частей внутри и между подсистемами и т.д.

Подход Рокича к вопросу о происхождении «закрытого сознания» весьма близок к взгляду авторов «Авторитарной личности» на истоки такой личности. Он также подчеркивает роль продолжительного состояния угрозы в возникновении «закрытого сознания», таким образом, опыт ребенка в авторитарной семье предрасполагает к развитию жесткой, закрытой системы убеждений. Рокич предположил, что авторитаризм является отражением «закрытости сознания». Для измерения феноменов «открытости» или «закрытости» сознания им сконструированы соответствующие шкалы.

Итак, исследования, выполненные под влиянием работы «Авторитарная личность», показали, что личностные характеристики могут оказывать влияние на характер социальных установок, причем, как оказалось, наиболее непосредственно они влияют на структуру, организацию системы убеждений. Однако знание только личностных характеристик без знания содержания, характера убеждений, разделяемых «значимыми другими» в социальном окружении индивида, не позволяет предсказать конкретное содержание установок и убеждений личности. Неудовлетворенность вы-

зывают также связанные с психоаналитической теорией положения о том, что выросший в авторитарной семье индивид предрасположен быть чувствительным к влиянию авторитетов, которые воспринимаются им как имеющие ценности, согласующиеся с ценностями родительской власти или противоположные им. При этом не определяются условия, вызывающие сопротивление или покорность по отношению к ценностям авторитета, символизирующего родительскую власть. Неясно также, какие именно авторитеты будут символизировать родительскую власть.

Завершая рассмотрение психоаналитических теорий в современной социальной психологии, сделаем несколько замечаний. Как уже отмечалось в начале данного раздела, психоаналитическая ориентация в значительной мере противоположна бихевиористскому подходу. Если сторонники бихевиоризма стремятся строить свои теории в строгом соответствии со сциентистскими канонами «истинной науки», пытаются последовательно реализовать принципы гипотетико-дедуктивного построения теории, то последователи психоанализа не ограничивают себя в такой мере требованиями строгой эмпирической процедуры в позитивистском смысле этого слова. Напротив, подчеркивая уникальность психических процессов, они склонны акцентировать методологическую и методическую специфику психологического исследования и непригодность стандартов естественно-научного мышления в этой области. Отмеченная методологическая противоположность необихевиоризма и современного психоанализа реализуется в ряде моментов. Например, если для бихевиоризма характерна вытекающая из позитивистских установок тенденция ограничивать исследование сферой непосредственно наблюдаемого, то психоанализ исходит из предпосылки о глубинных детерминантах поведения, рассматривая его как проявление динамики потребностей и мотивов личности. Аналогичным образом, если бихевиористы пытаются удержаться в рамках строгой эмпирической науки, всячески избегая умозрительной метафизики, то современный психоанализ не свободен от элементов мифотворчества, характерных для работ Фрейда.

Следует, однако, подчеркнуть, что отмеченная выше полярность бихевиоризма и психоанализа в то же время не исключает их методологическую родственность в ряде аспектов. К числу таких аспектов следует, на наш взгляд, отнести характерную для обоих подходов односторонность в интерпретации социально-психологической реальности. Если необихевиористы абсолютизируют ра-

ционалистические аспекты межличностных отношений, игнорируя, по существу, все остальные, то представители психоанализа сводят межличностные отношения исключительно к отношениям эмоциональным. В результате и те, и другие игнорируют реальную сложность социально-психологических явлений.

Другим общим методологическим моментом бихевиористского и психоаналитического подходов является то обстоятельство, что они оба по существу оказываются некими разновидностями теории двух факторов. В самом деле, необихевиоризм, выделяя среду (в виде стимула и подкрепления) как фактор, формирующий поведение, постулирует вместе с тем изначальный драйв в виде стремления индивида к получению удовольствия и избежанию страдания. Именно через этот гедонистический принцип среда оказывается в состоянии воздействовать на поведение индивида. Аналогичным образом представители психоанализа постулируют, с одной стороны, некие изначальные базовые потребности личности (у разных авторов они варьируют), а с другой — признают воздействие среды (прежде всего в виде контекста семьи) на эти потребности. При этом характерно, что оба фактора — среда и потребности — рассматриваются, как правило, внеисторически. Но именно в области социальной психологии становится особенно явной неправомерность понимания сущности человека только как «совокупности межличностных отношений, формирующихся под влиянием комплекса Эдипа» [Клеман, Брюно, Сэв, 1976, с. 166].

Изложенные здесь психоаналитические теории социально-психологического толка, естественно, не исчерпывают всей полноты картины. Исходя из поставленной задачи они дают лишь иллюстрацию. На наш взгляд, сегодня в наибольшей полноте, развернутости психоаналитический комплекс идей развит и представлен в модифицированном варианте в гуманистической психологии. Это можно отнести ко всем ее многообразным ветвям, а не только к гуманистическому психоанализу Э. Фромма. Но в целом данный концептуальный комплекс касается не только социальной психологии, он сплавляет все области психологического знания, и потому об этом следует вести речь особо.

ИНТЕРАКЦИОНИСТСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ

1. ИСХОДНЫЕ ПОСЫЛКИ

Название интеракционистской ориентации происходит от понятия «интеракция», которое здесь обозначает не любое, а лишь «социальное взаимодействие», т.е. взаимодействие людей в общении, в группе, в обществе. Это понятие является для данной ориентации ключевым, поскольку оно охватывает ее *основную проблематику*.

Как и в других ориентациях ее границы весьма размыты. Наиболее значимым критерием для выделения данной ориентации является ее общий *теоретический источник*. Этим источником послужили социально-психологические концепции Джорджа Мида, а также отдельные ролевые концепции Линтона (1936), Мертона (1957) и др. Дж. Мид был одним из последних американских теоретиков, который выступал одновременно как философ прагматистского направления, социолог и социальный психолог.

Это обстоятельство обусловило важную специфическую особенность интеракционизма: в отличие от других теоретических подходов в социальной психологии, в основе которых лежат традиционные психологические школы и направления, интеракционистская ориентация пришла в социальную психологию из *социологии*. Абсолютное большинство ее представителей являются социологами по образованию. Зачастую они одновременно занимаются разработкой социологических и социально-психологических проблем [Blumer, 1969; Denzin, 1972; Kuhn,1964; Strauss, 1956 и др.]. Работы представителей интеракционистской ориентации печатаются как в социологических, так и в психологических журналах. Они служат весьма наглядным примером «социологической социальной психологии», где связь социологии и психологии является

настолько тесной, что между ними зачастую бывает трудно провести четкую границу.

Понятийный аппарат и проблематика интеракционистской ориентации взяты в основном из социально-психологических концепций Дж. Мида. Отправным пунктом анализа здесь является не отдельный индивид, как в других теоретических ориентациях социальной психологии, а социальный процесс, понимаемый как процесс интеракции индивидов в группе, обществе. «Мы в социальной психологии, — писал Мид, — не рассматриваем поведение социальной группы с точки зрения поведения составляющих ее отдельных индивидов. Мы скорее исходим из данного социального целого сложной групповой активности, в рамках которой анализируем поведение каждого отдельного индивида...» [Mead, 1934, p. 7].

Подход к понятию «интеракция» отличается от подходов к акту взаимодействия в других теоретических схемах. В последних интеракция выступает, как правило, в качестве внешнего условия, необходимого для анализа тех или иных специфических феноменов социальной психологии. Так, например, в когнитивистской ориентации в теории сбалансированных и несбалансированных структур Ф. Хайдера [Heider, 1958] и в теории коммуникативных актов Т. Ньюкома [Newcomb, 1953] даются определенные модели взаимодействия. Но авторов этих моделей интересует не столько процесс взаимодействия как таковой, сколько формирование определенных когнитивных структур его участников. Если обратиться к матрицам диадического взаимодействия Тибо и Келли в необихевиористской ориентации [Kelley, Thibaut, 1959], то здесь интеракция выступает как условие, необходимое для анализа реакций участников взаимодействия на те или иные стимулы. Что касается представителей интеракционистской ориентации, то их в первую очередь интересует сам процесс социального взаимодействия, анализ которого необходим, с их точки зрения, для понимания социального поведения человека. Они пытаются выяснить, какими специфическими для человека средствами осуществляется и регулируется процесс социальной интеракции. Отсюда большой интерес к проблеме коммуникации при помощи символов, языка, к интерпретации ситуации, к проблемам структуры личности, ролевого поведения и референтной группы как источнику формирования норм социального взаимодействия и социальных установок.

Данное перечисление показывает, что интеракционистская ориентация охватывает широкий круг весьма сложных проблем.

В ней можно выделить несколько направлений, школ и течений. Причем эти направления отличаются не столько спецификой своего подхода, хотя и она присутствует в определенной мере, но главным образом той проблематикой, которой в них уделяется основное внимание. В этом плане в интеракционистской ориентации можно выделить следующие направления:

1. Символический интеракционизм.
2. Ролевые теории.
3. Теории референтной группы.

Указанное деление является в значительной степени условным, так как эти направления часто тесно переплетаются между собой. Однако оно дает возможность более систематизированно осуществить теоретический анализ интеракционистской ориентации.

2. СИМВОЛИЧЕСКИЙ ИНТЕРАКЦИОНИЗМ

Те, кто считает себя представителями данного направления, являются наиболее последовательными выразителями идей и концепций Дж. Мида. Среди них наибольшей известностью пользуются такие авторы, как Г. Блумер, Н. Дензин, М. Кун, А. Роуз, А. Стросс, Т. Шибутани и др. Они большей частью разрабатывают не отдельные аспекты мидовских концепций, а берут весь комплекс проблем, которые ставил Дж. Мид в целом. При этом представители символического интеракционизма не столько развивают концепции Мида, сколько их интерпретируют и популяризируют.

2.1. Устная традиция Дж. Мида

По собственному признанию символических интеракционистов, наиболее значимым трудом в этой области до сих пор является работа Дж. Мида «Сознание, личность и общество» [Mead, 1934]. Она была опубликована через три года после его скоропостижной смерти в 1931 г. В ней изложены его основные социально-психологические концепции.

При жизни Мид не опубликовал ни одной социально-психологической работы. Для него была характерна так называемая *устная традиция*, т.е. он развивал свои научные концепции лишь в лекциях по социальной психологии, которые около 40 лет он

читал на социологическом факультете Чикагского университета, где возглавлял кафедру философии и социальной психологии. Книга Мида основывается на рукописных заметках, стенографических записях его чикагских лекций и студенческих конспектах. Она была составлена и отредактирована учеником Дж. Мида — известным исследователем С. У. Моррисом, который включил в нее также свою вступительную статью, обобщающую основные идеи Мида.

Изложение Мидом своих концепций отличается большой аморфностью, трудным стилем, отсутствием четких формулировок и ссылок на эмпирические исследования. Как отмечает Абельс [Абельс, 1999], по ходу лекций Мид сам многократно перестраивал свою теорию, и поэтому в ней не так просто разобраться. Некоторые места в книге часто повторяются, понятия каждый раз интерпретируются по-новому, что значительно затрудняет систематический анализ социально-психологических идей Мида. Именно этим отчасти можно объяснить большое число работ в области символического интеракционизма, посвященных просто изложению и интерпретации концепций Мида. Характеризуя его научное наследие, ученик Мида А. Стросс в связи с этим отмечает: «Дж. Мид предлагает нам не столько какие-то конкретные гипотезы и даже не теорию, а довольно абстрактную систему понятий, которая, если ею заняться серьезно и последовательно, неизбежно вызовет такую постановку проблем и направление исследований, которые не могут предложить никакие другие конкурирующие точки зрения» [Lindesmith, Stross, 1956, p. XVI].

До своей кончины Мид был известен в основном в Чикагском университете, возможно, из-за отсутствия собственных публикаций. Позже идеи Мида приобрели широкую известность в большой степени благодаря стараниям его ученика Герберта Блумера, который продолжил преподавание социальной психологии в Чикагском университете после смерти своего учителя. Несмотря на господство в то время других теорий, таких, например, как необихевиоризм Уотсона в социальной психологии и структурный функционализм Парсонса в социологии, Блумер всячески пропагандировал и подчеркивал значимость идей Мида под названием «символический интеракционизм». Блумер ввел это понятие в 1937 г., а затем оно получило широкое распространение [Абельс, 1999]. В 60-е годы идеи Мида в рамках символического интеракционизма стали одной из модных теорий.

2.2. Символическая коммуникация

Разрабатывая весь комплекс идей, выдвинутых Дж. Мидом, предтавители символического интеракционизма уделяют особенно больюе внимание проблемам «символической коммуникации», т.е. обцению, взаимодействию, осуществляемому при помощи символов.

По мнению Блумера, символический интеракционизм в коечном итоге базируется на трех основных предпосылках: *Первая* редпосылка указывает, что люди действуют в отношении «вецей» на основе значений, которыми для них обладают вещи. Под зещами» здесь понимается все, что человек воспринимает в окужающем мире: физические предметы; других людей; социальные атегории, например друзей и врагов; социальные институты — колу, правительство; идеалы — личную свободу и честность; эступки других людей — их приказы и пожелания; и ситуации, с эторыми человек сталкивается в своей повседневной жизни.

Во *второй* предпосылке утверждается, что значения вещей соаются или возникают во взаимодействии с социальным окруением. *Третья* теоретическая предпосылка указывает, что эти значения используются и изменяются в процессе интерпретации чеэвеком окружающих вещей» [Blumer, 1937, p. 81; цит. по: Абельс, 99, с. 50–51].

Дж. Мид и его последователи исходят из того, что способность ловека общаться развивается на основе того, что выражение лица, дельные движения и другие действия человека могут выражать о состояние. Эти действия, способные передать определенные ачения, Мид называет «значимыми жестами» или «символами». Кесты становятся значимыми символами, — писал он, — когда и имплицитно вызывают в индивиде те же реакции, которые сплицитно они вызывают или должны вызывать у других индидов» [Mead, 1934, p. 47]. Следовательно, значение символа или ачимого жеста следует искать в реакции того лица, которому эт символ адресован. Только человек способен создавать симво- и только тогда, когда у него есть партнер по общению. В связи с им символическая коммуникация объявляется, как отмечает Г. Ярошевский, конституирующим началом человеческой псики [Ярошевский, 1974, с. 296]. Она трактуется как главный приак, выделяющий человека из животного мира.

Представители символического интеракционизма всячески дчеркивают существование человека не только в природном,

физическом, но и в «символическом окружении», а также опосредствующую функцию символов в процессе социального взаимодействия. По их мнению, в символическом взаимодействии они интерпретируют жесты друг друга, ситуацию общения и действуют на основе значений, полученных в процессе интеракции [Блумер, 1984].

Процессы формирования значений, интерпретации ситуации и другие когнитивные аспекты символической коммуникации занимают большое место в трудах современных символических интеракционистов. Они развивают также положение Дж. Мида о том, что для успешного осуществления коммуникации человек должен обладать способностью «принять роль другого», т.е. войти в положение того человека, которому адресована коммуникация, и посмотреть на себя его глазами. Только при этом условии, по мнению Мида, индивид превращается в личность, в социальное существо, которое способно отнестись к себе как к объекту, т.е. сознавать смысл собственных слов, поступков и представлять, как эти слова и поступки воспринимаются другим человеком.

В случае более сложного взаимодействия, в котором участвует группа людей, для его успешного осуществления индивиду, входящему в группу, приходится как бы обобщить позицию большинства ее членов. Поведение индивида в группе, отмечает Дж. Мид, «...является результатом принятия данным индивидом установок других по отношению к самому себе с последующей кристаллизацией всех этих частных установок в единую установку, или точку зрения, которая может быть названа установкой "обобщенного другого"» [Mead, 1934, p. 90]. Нетрудно заметить, что идея Мида об «обобщенном другом» имеет прямое отношение к проблеме референтной группы.

Один из основных тезисов символического интеракционизма заключается в утверждении, что индивид, личность всегда социальны, т.е. личность не может формироваться вне общества. Этот тезис, однако, выводится не из анализа воздействия системы объективных общественных отношений на формирование личности, а из анализа процесса межличностной коммуникации, в частности роли символов и формирования значений, поскольку общество мыслится ими лишь как коммуникация [Блумер, 1984].

Акцентирование Дж. Мидом и его последователями в рамках символического интеракционизма социального характера человеческой личности, безусловно, является прогрессивным моментом.

Однако при этом надо иметь в виду, что понятия «социальное взаимодействие» и «социальный процесс» толкуются ими весьма ограниченно: все социальные отношения, по сути дела, сводятся лишь к социально-психологическим, межличностным отношениям. Социальное взаимодействие, любые социальные отношения рассматриваются только с точки зрения коммуникации, вне их исторической, социально-экономической обусловленности, вне предметной деятельности. В результате у Мида, по справедливому замечанию М. Г. Ярошевского, «...историческая реальность испарилась, а ее место заняла фикция «чистого» внутригруппового взаимодействия» [Ярошевский, 1974, с. 300].

Поведение индивида определяется, согласно концепциям интеракционистов, в основном тремя переменными: структурой личности, ролью и референтной группой.

2.3. Структуры личности

Вслед за Дж. Мидом интеракционисты выделяют три основных компонента в структуре личности: *I, me, self*[13]. Ни у Мида, ни у его последователей не дается определений этих понятий. Однако общий ход рассуждений интеракционистов позволяет интерпретировать их следующим образом:

Первый компонент — I (дословно — Я) — это импульсивное, активное, творческое, движущее начало личности.

Второй компонент — *me* (дословно — меня, т.е. каким мен должны видеть другие)[14] — это рефлексивное нормативно Я, своего рода внутренний социальный контроль, осно ванный на учете ожиданий-требований значимых других людей и прежде всего «обобщенного другого». Это рефлексивное Я как бы контролирует и направляет импульсивное Я в соответствии с усвоенными нормами поведения в целях успешного, с точки зрения индивида, осуществления социального взаимодействия.

[13] Пока еще не найдены достаточно адекватные переводы этих понятий на русский язык, поэтому их названия в русских изданиях обычно даются на английском языке с последующим раскрытием содержания.

[14] В первом издании мы использовали понятие «нормативное Я». Однако нам кажется более удачным в данном случае термин «рефлексивное Я», которое дает Х. Абельс [1999, с. 38]

Третий компонент — self («самость» человека, личность, личностное я) — представляет собой совокупность импульсивного и рефлексивного Я, их активное взаимодействие. Личность у интеракционистов понимается как активное творческое существо, которое способно оценивать и конструировать собственные действия.

Следует отметить, что вслед за Мидом современные интеракционисты видят в активном творческом начале личности основу развития не только самой личности, но и объяснение тех изменений, которые происходят в обществе. Поскольку они абстрагируются от исторических условий и социально-экономических закономерностей, то причину изменений в обществе, по их мнению, следует искать в специфике структуры личности, а именно в том, что наличие в ней импульсивного Я является предпосылкой для появления различных вариаций в шаблонах ролевого поведения и даже отклонений от этих шаблонов. Эти случайные вариации и отклонения и приводят, как они считают, в конечном итоге к тому, что последние становятся нормой новых шаблонов поведения и соответствующих изменений в обществе. Следовательно, изменения в обществе носят случайный характер и не подчиняются каким-либо закономерностям, а их причина заключается в личности.

Трехкомпонентная структура личности, предлагаемая интеракционистами, в определенной степени перекликается с моделью структуры личности, разработанной З. Фрейдом. Можно провести некоторую аналогию между интеракционистским импульсивным Я (I) и подсознательным фрейдовским Оно (Id), между рефлексивным Я (me) и фрейдовским сверх-Я (super-ego), а также между понятием личностного Я (self) у интеракционистов и Я (ego) у Фрейда. Но при этой внешней схожести имеются и значительные различия в содержательной трактовке структуры личности. Это прежде всего проявляется в понимании функции того компонента личности, который как бы осуществляет внутренний социальный контроль. Если у Фрейда функция сверх-Я (super-ego) заключается в том, чтобы подавлять инстинктивное, подсознательное начало, то у интеракционистов функция рефлексивного Я (me) заключается не в подавлении, а в направлении действий личности, необходимом для достижения успешной социальной интеракции. Если личность, Я (ego) у Фрейда — это поле вечного сражения между Оно (Id) и сверх-Я (super-ego), то у интеракционистов лич-

ность (self) — это как бы поле сотрудничества. Главное внимание фрейдистов направлено на исследование внутренней напряженности, конфликтного состояния личности. Интеракционисты же занимаются прежде всего исследованием такого состояния и поведения личности, которое характерно для процессов успешного сотрудничества данной личности с другими людьми.

2.4. Чикагская и Айовская школы символического интеракционизма

Символический интеракционизм как направление неоднороден. В нем обычно выделяют по крайней мере две школы. Первая — это так называемая Чикагская школа во главе с самым известным учеником Дж. Мида Г. Блумером. Данная школа наиболее ортодоксально продолжает мидовские социально-психологические традиции. Ей противостоит другая — Айовская школа символического интеракционизма во главе с М. Куном, профессором университета штата Айова, где он преподавал с 1946 по 1963 г. Данная школа пытается отдельные мидовские концепции несколько модифицировать в духе неопозитивизма[15]. Основное различие между этими школами проходит по методологическим вопросам, прежде всего по проблеме определения понятий и отношения к различным методам социально-психологического исследования.

Чикагскую школу, в частности Г. Блумера, не беспокоит неопределенность большинства используемых в ее концепциях понятий, а также невозможность проверить эмпирическим путем правильность мидовских выводов. В принципе Г. Блумер выступает против операциональных определений, против применения в социальной психологии таких методов исследования, как тесты, шкалирование, эксперимент и т.п. Это обосновывается тем, что социально-психологические характеристики личности, по мнению представителей Чикагской школы, невозможно и незачем выражать в математических величинах, так как личность испытуемого благодаря воздействию импульсивного Я, а также интеракции с другими людьми находится в процессе постоянного изменения. Не

---

[15] Интересно отметить, что хотя сторонники обеих школ считают себя представителями одного направления, которое в центр внимания ставит проблемы социального взаимодействия, эти школы тем не менее совершенно не взаимодействуют между собой. В их работах можно встретить ссылки на авторов других теоретических ориентаций, но работы интеракционистов другой школы игнорируются.

составляет исключения здесь и взаимодействие исследователя с испытуемым. Блумер утверждает: «Вследствие того что выражение (личностью своих отношений и состояний. — *Авт.)* складывается всякий раз различным образом, мы должны полагаться, естественно, на общие указания, а не на объективно фиксируемые свойства или способы выражения. Или, если подойти к этому с другой стороны: поскольку то, о чем мы заключаем, не выражает себя постоянно одним и тем же образом, мы не можем полагаться в нашем выводе на объективную фиксацию выражаемого» [Blumer, 1954, p. 8]. Поэтому для выявления социально-психологических феноменов и характеристик личности пригодны лишь применяемые в гуманитарных науках описательные методы, которые выявляют лишь наиболее общие характеристики и тенденции. К таким методам относят изучение документов, различного вида наблюдения, интервью и т.п.

М. Кун как представитель Айовской школы ставит своей задачей доказать отдельные теоретические положения Дж. Мида эмпирическим путем. Ради этого он вводит операциональные определения и идет даже на определенную модернизацию и изменение некоторых мидовских теоретических концепций.

Методологические различия между школами Г. Блумера и М. Куна особенно отчетливо проявляются в их трактовке структуры личности и детерминированности ее поведения, а также в преобладании акцентов на моментах процесса у Блумера и структуры у Куна.

Г. Блумер вслед за Дж. Мидом считает, что личность находится в непрерывном процессе изменения, суть которого составляет неповторимое и непрерывное взаимодействие между импульсивным Я и рефлексивным Я, постоянный диалог личности с собой, а также интерпретация и оценивание обстановки и поведения других людей. По мнению Блумера, наличие импульсивного Я предполагает индивида, активно противостоящего миру, а не заброшенного в мир, требует воздействия, а не просто реагирования, заставляет индивида не просто осознавать свои поступки, но и конструировать собственное поведение [Blumer, 1966]. Социальные установки личности, возникающие в процессе интеракции, не носят стабильного характера именно благодаря вышеуказанным процессам. Следовательно, невозможно однозначно выделить факторы, детерминирующие поведение личности, поэтому поведение личности можно как-то объяснить, но невозможно предсказать.

М. Кун, хотя и утверждает, что «индивид не является пассивным существом, автоматически реагирующим на объект в соот-

ветствии с тем значением, которое ему придает группа» [Hikman, Kuhn, 1956, p. 26], но в своих концепциях и исследованиях он, по существу, игнорирует воздействие импульсивного Я на поведение личности. Кун известен как автор «теории самооценки личности» («self theory»), в которой эта модификация мидовской концепции проявляется особенно явно. Б. Мелтцер и Дж. Петрас отмечают: «Куновская теория самооценки личности не содержит открытого признания импульсивного Я или взаимодействия между импульсивным и рефлексивным Я. Для него поведение детерминируется... тем, как индивид воспринимает и интерпретирует (окружающую действительность. — *Авт.)*, в том числе и себя. Таким образом, личность превращается лишь в рефлексивное Я и поэтому поведение личности (в принципе) можно предсказать на основе интернализованных ожиданий. Согласно Куну, если мы знаем референтную группу индивида, мы можем предсказать самооценку личности, если мы знаем самооценку личности, мы можем предсказать ее поведение» [Meltzer, Petras, 1972, p. 50]. Кун и его сторонники рассматривают личность как структуру социальных установок, сформировавшихся на основе интернализованных ролей, и придают им решающее значение в детерминации поведения личности.

Кун вводит следующее операциональное определение личности: «Операционально сущность личности можно определить... как ответы, которые индивид дает на вопрос: “Кто я такой?”, обращенный к самому себе, или на вопрос: “Кто Вы такой?”, обращенный к нему другим лицом» [Meltzer, Petras, 1972, p.49]. Это определение было использовано Куном при разработке в 1950 г. так называемого «теста 20 ответов по самооценке» («twenty statements self attitude test»), или теста «кто я» [Кун, МакПартленд, 1984]. Суть теста заключается в том, что испытуемого или группу испытуемых просят в течение 12 мин дать 20 различных ответов на обращенный к самому себе один вопрос: «Кто я такой?» В инструкции подчеркивается, что ответы должны даваться в том порядке, как они приходят в голову испытуемому независимо от логики и «важности» тех или иных ответов. Полученные ответы обрабатываются при помощи контент-анализа и шкалы Гутмана. Полученные ответы были подразделены авторами на две категории: а) консесуальные ответы, характеризующие социальный статус и роль испытуемого, его принадлежность к определенной группе; к этой категории относятся ответы такого типа, как «студент», «дочь», «гражданин» и т.п.; б) субконсесуальные ответы, относящиеся к индивидуальным характеристикам, например «толстый», «невезучий», «счастливый».

Исследования Куна и МакПартленда показали, что количество получаемых ответов одного испытуемого варьировало от 1 до 20. В среднем давалось по 17 ответов. Абсолютное большинство ответов относилось к первой категории, т.е. к ответам, характеризующим социальный статус и роль личности. Как правило, ответы этой категории шли первыми, ответы же второй категории нередко просто отсутствовали.

На основе проведения этих тестов авторами были сделаны выводы о том, что ролевые позиции являются наиболее значимыми для личности, так как они оказались ведущими в иерархии самооценок. Кроме того, было установлено, что у разных людей наблюдается весьма широкий диапазон самооценок в отношении их ролевых позиций и индивидуальных качеств. Установление этого факта эмпирическим путем обладает, по мнению Куна, большим преимуществом по сравнению с умозрительными заключениями Мида. Следует отметить, что тест «Кто я?» нашел довольно широкое распространение в США и применялся даже при отборе первых американских космонавтов.

Различие в методологических принципах Чикагской и Айовской школ находит свое отражение и в их подходах к ролевому поведению. Для Блумера и других представителей Чикагской школы ролевое поведение, для обозначения которого ими часто используется термин «делание роли» («role-making»), представляет собой поисковый, динамичный, творческий процесс. Такое понимание ролевого поведения логически вытекает из их концепции личности как активного и творческого существа, которое «конструирует» свои действия в зависимости от того, как оно воспринимает, интерпретирует окружающее. Блумер, в частности, пишет: «...уподобление человеческой групповой жизни функционированию механической структуры или... системы, стремящейся к равновесию, как мне кажется, сталкивается с серьезными трудностями из-за формирующего и поискового характера взаимодействия, в ходе которого участники оценивают друг друга и направляют свои действия в зависимости от этих оценок» [Blumer, 1953, p. 199]. Он считает, что культурные нормы, статусы и ролевые отношения являются лишь определенной сферой, в рамках которой осуществляются социальные действия, но не решающими факторами, определяющими эти действия. В противоположность Чикагской школе Кун, как отмечалось выше, придает решающее значение ролевым факторам. Представители Айовской школы предпочитают гово-

рить не о «делании роли», а об «исполнении», «проигрывании» роли или о «принятии роли», фактически исключая спонтанный творческий элемент из поведения личности. М. Кун утверждает, что индивид «формирует свои планы поведения в соответствии с исполняемыми ролями и занимаемыми статусами в группах, с которыми он себя идентифицирует, т.е. в его референтных группах. Его отношение к себе как к объекту является лучшим индикатором этих планов поведения... они являются определяющими для самооценок и для оценки других» [Hickman, Kuhn, 1956, p. 45].

* * *

Ряд представителей символического интеракционизма пытается занять какие-то компромиссные позиции по данным вопросам. Это, в частности, нашло отражение в изложении Дензином методологических принципов символического интеракционизма, в которых он указывает на необходимость учета обеих форм поведения «скрытого, символического» и явного, внешне наблюдаемого, необходимость рассматривать процесс интеракции с точки зрения самих взаимодействующих индивидов, чтобы избежать подмены точки зрения испытуемого позицией исследователя, использование как «гуманитарных», так и «сциентистских» методов исследования, поскольку в этом случае ограниченность одних методов может компенсироваться преимуществами других [Denzin, 1972, p. 266–269].

Современная теория символического интеракционизма, будучи прямым выражением и продолжением идей Дж. Мида, обладает в основном теми же достоинствами, недостатками и противоречиями, которые присущи его концепциям. С одной стороны, в заслугу интеракционистам следует поставить их попытку вычленить в противовес бихевиористам «специфически человеческое» в поведении человека, стремление подойти к личности как к социальному явлению, найти социально-психологические механизмы формирования личности во взаимодействии с другими людьми в группе, обществе, подчеркнуть активное творческое начало в личности. Однако субъективно-идеалистические позиции интеракционистов приводят к тому, что все социальные связи у них сводятся лишь к межличностному общению, а при анализе общения они игнорируют его содержание и предметную деятельность индивидов, не видя того, что, как пишет И. С. Кон, «в процессе формирования личности включается не только обмен мнениями, но, что особен-

но важно, обмен деятельностью» [Кон, 1967, с. 55]. Предлагается некая глобальная универсальная модель развития систем символизации и общения безотносительно к конкретным историческим и социально-экономическим условиям, игнорируется их влияние на формирование личности.

К этому следует добавить такой существенный недостаток интеракционистов, прежде всего относящийся к Чикагской школе, как неопределенность большей части используемых понятий, которые схватываются лишь интуитивно и не подлежат эмпирическому подтверждению при помощи современных методов исследования. Попытки куновской школы компенсировать этот недостаток носят довольно упрощенный и механистический характер.

Критикуя интеракционистов за то, что они пытаются дать представление о механизме социального взаимодействия индивидов в обществе в полном отрыве от содержания этого взаимодействия, некоторые зарубежные авторы справедливо отмечают, что теория символического интеракционизма как выразительница социально-психологических концепций Дж. Мида может дать представление о том, как происходит взаимодействие, но не может объяснить, почему человек поступает тем или иным образом [Meltzer, Petras, 1972, p. 20]. В качестве существенного недостатка символического интеракционизма можно назвать и игнорирование им роли эмоций в человеческом поведении.

Большинство из указанных достоинств и недостатков символического интеракционизма относится также и к другим направлениям интеракционистской ориентации, которые, по существу, развились на его основе. Относительно самостоятельное развитие ролевых теорий и теорий референтной группы, которые будут рассмотрены в следующих разделах, можно отчасти объяснить тем, что они более тесно связаны с эмпирическими исследованиями.

Вместе с тем следует отметить, что в последнее время наблюдается все возрастающий интерес к идеям символического интеракционизма. Показательно, что в последнем издании 1985 г. очень авторитетного многотомного труда «Руководство по социальной психологии», вышедшего в США, под редакцией Г. Линдсея и Э. Аронсона [ed. Lindzey, Aronson, 1985], в котором предпринимается попытка проанализировать современное состояние социальной психологии, впервые за 50 лет существования этой работы появилась статья, посвященная символическому интеракционизму. Ее авторы следующим образом объясняют причины возросшего интереса к идеям символического интеракционизма [Stryker,

ham, 1985]: во-первых, в современной социальной психоло- наметился ярко выраженный интерес к когнитивной социаль- психологии и соответственно интерес социальных психологов эугим парадигмам, имеющим ярко выраженную когнитивную равленность; во-вторых, возрождение феноменологического хода как в социологии, так и в социальной психологии [Harre, ord, 1972] вызывает, вероятно, все больший интерес к кон- циям, в которых центральное место занимает понятие *self* [лич- гное Я, самость]. Страйкер [Stryker, 1971, 1977] отмечает все эастающую «респектабельность» исследований субъективного та как отличительную черту социально-психологических ис- юваний последних лет. В этих условиях большое значение при- зтают поиски теории, которая объяснила бы, как люди в своей зедневной жизни создают свой социальный мир. Поэтому не- зительно, что исследователи атрибуции и схожих когнитивных цессов проявляют интерес к обсуждению символическими эракционистами того, как конструируется социальная жизнь. Более того, возрождение среди социальных психологов, име- их психологическую подготовку, интереса к гуманистическим энтациям [Хайдер, 1958; Герген, 1971; Герген, 1982; Харре и орд, 1972; Смит, 1974] сделало возможным более серьезное эшение к перспективам, которые исторически были менее тесно аны с жесткими методами.

3. РОЛЕВЫЕ ТЕОРИИ

3.1. Социально-психологический подход

Социально-психологический анализ социальной роли имеет ьшое значение для понимания социального поведения лично- Поэтому данная проблема привлекла внимание многих иссле- телей, причем не только интеракционистов, но и представи- й других ориентаций, например необихевиористской (Тибо и ли), когнитивистской (Ньюком) и др. К концу 60-х годов в эиканской социальной психологии насчитывалось уже много н преимущественно эмпирических, но также и теоретических едований в данной области. Такая популярность ролевых ис- ований объясняется некоторыми авторами двумя обстоятель- ми. Во-первых, проблема роли представляет большие возмож- и как для теоретических, так главным образом и для эмпи- ских исследований. Во-вторых, ролевая теория содержит такой

подход к исследованию социального поведения личности, который отсутствует в других теоретических ориентациях социальной психологии [Deutsch, Krauss, 1965]. Наибольшей известностью в данной области пользуются работы таких социальных психологов и социологов, занимающихся социально-психологической проблематикой, как Т. Сарбин, И. Гоффман, Р. Линтон, Р. Мертон, Р. Ромметвейт, Н. Гросс и др.

В настоящее время, как справедливо отмечает Дж. Хейс [J. Heiss, 1981], в социальной науке имеются два типа ролевых теорий, которые он называет структуралистской и интеракционистской. Структуралистская ролевая теория прочно стоит на социологических позициях. Теоретические основы социологической ролевой теории закладывались многими авторами — М. Вебером, Г. Зиммелем, Т. Парсонсом и др. Все они разрабатывали проблемы связи индивидов и общества и влияния общества на индивида. Большинство этих авторов рассматривали объективные аспекты ролевых теорий и практически не касались ее субъективных сторон. Один лишь Вебер отмечал однажды, что социология должна учитывать субъективную мотивацию исполнителя роли для объяснения его поведения [см.: Stryker, Stathem, 1985].

Современные интеракционистские ролевые теории опираются на социально-психологические концепции Дж. Мида, связанные с понятием «роль», введенным им в обиход социальной психологии. Мид не дал определения понятия роли при изложении своих концепций, употребляя его как весьма аморфное и неопределенное. Фактически это понятие было взято из сферы театра или обыденной жизни, где оно использовалось как метафора для обозначения ряда феноменов социального поведения, таких как проявления схожего поведения у самых различных людей в сходных обстоятельствах. Мид применял этот термин, когда он развивал идею «принятия роли другого», для объяснения акта взаимодействия индивидов в процессе речевой коммуникации.

Согласно Дж. Миду, «принятие роли другого», т.е. умение посмотреть на себя со стороны глазами партнера по общению, является необходимым условием для успешного осуществления любого акта взаимодействия между людьми. В качестве примера «принятия роли другого» у Мида фигурировали лишь детские ролевые игры, которые он считал одним из важнейших средств социализации личности. Этим, собственно, и ограничиваются его рассуждения о социальной роли личности. Позже понятия «роль» и «социальная роль» стали широко использовать и разрабатывать в запад-

ной социологии и социальной психологии. Значительный вклад в развитие ролевой теории внес социальный антрополог Р. Линтон. Он предложил так называемую статусно-ролевую концепцию [Linton, 1936]. По мнению Линтона, для определения связи индивида с различными системами общества очень удобны такие термины, как «статус» и «роль». Статус, по мнению Линтона, — это то место, которое индивид занимает в данной системе. А понятие роль используется им для описания всей суммы культурных образцов поведения, связанных с определенным статусом. По мнению Линтона, таким образом роль включает установки, ценности и поведение, предписываемое обществом для каждого из всех людей, имеющих определенный статус. В связи с тем что роль представляет собой внешнее поведение, она является динамическим аспектом статуса, тем, что индивид должен сделать, для того чтобы оправдать занимаемый им статус.

Понятие «социальная роль» является весьма сложным, так как роль представляет собой функцию разнопорядковых явлений объективного и субъективного характера. Подход отечественных авторов, нашедший отражение в ряде работ по этой проблематике [Буева, 1968; Кон, 1967; Шакуров, 1972 и др.], предполагает понимание ее как социальной функции, как неразрывного единства определенного вида деятельности и соответствующего способа поведения, выработанных в данном обществе, которые в конечном итоге детерминируются местом, занимаемым индивидом в системе общественных отношений. При этом если общий способ или стандарт поведения исполнителю той или иной социальной роли задается обществом, то ее конкретное индивидуальное исполнение имеет определенную личностную окраску, в чем проявляется уникальная неповторимость каждого человека.

Поэтому при исследовании социальной роли можно выделить социологический и социально-психологический аспекты, которые тесно взаимосвязаны. Социологический подход к социальной роли, как правило, имеет отношение к ее безличной, содержательной и нормативной стороне, т.е. к виду и содержанию деятельности, к предполагаемому выполнению определенной социальной функции, а также к нормам поведения, предъявляемым обществом к выполнению этой социальной функции. Социально-психологический аспект социальной роли связан прежде всего с исследованием субъективных факторов социальной роли, т.е. с раскрытием определенных социально-психологических механизмов и закономерностей восприятия и исполнения социальных ролей. Для интеракци-

онистов характерно придание особого значения именно социально-психологической стороне ролевой теории.

Сложность феномена социальной роли делает чрезвычайно трудным ее определение. Различные авторы в западной социальной психологии подходят к решению этой проблемы по-разному. Так, один из ведущих американских специалистов по вопросам ролевой теории Т. Сарбин в своей обобщающей статье по данной проблеме, написанной совместно с В. Алленом [Sarbin, Allen, 1968], предпочитает вообще не давать определения понятию «роль», указывая, что эта метафора удобна для социально-психологического анализа определенных аспектов социального поведения, и ссылается лишь на этимологию слова «роль», взятого из театральной атрибутики. Другие авторы пытаются найти свои определения. Так, например, большой известностью пользуется уже упоминавшееся определение роли, которое было предложено Р. Линтоном: роль — это динамический аспект статуса [Linton, 1936]. Линтоновское понимание роли мы находим и у И. Гоффмана, который определяет социальную роль как «осуществление прав и обязанностей, связанных с данным статусом» [Goffman, 1959]. Ряд авторов критикует определение Линтона за расплывчатость и неточность, но сами они при этом не предлагают определений [Bargotta, 1969; Gross, Mason, McEachern, 1958 и др.].

М. Дойч и Р. Краусс отмечают, что ввиду различных подходов к пониманию роли в социальной психологии нецелесообразно пытаться искать всеобъемлющее определение, а достаточно указать те аспекты социального поведения, которые имеются в виду большинством авторов, когда они говорят о роли. Ссылаясь на работы Дж. Тибо и Г. Келли, а также Р. Ромметвейта [Kelley, Thibaut, 1959; Rommetveit, 1955], они выделяют следующие аспекты:

1. Роль как существующая в обществе система ожиданий относительно поведения индивида, занимающего определенное положение, в его взаимодействии с другими индивидами.
2. Роль как система специфических ожиданий по отношению к себе индивида, занимающего определенное положение, т.е. как он представляет модель своего собственного поведения во взаимодействии с другими индивидами.
3. Роль как открытое, наблюдаемое поведение индивида, занимающего определенное положение.

Иначе говоря, в первом случае речь идет о представлениях других людей о том, как должен себя вести индивид, занимающий

определенное положение, во втором — о его собственном представлении, как он должен себя вести в том или ином положении, и в третьем — о наблюдаемом поведении индивида, занимающего определенное положение, во взаимодействии с другими людьми.

Как видно, в большинстве случаев роль индивида при ее социально-психологическом рассмотрении связывается с его положением, статусом. При этом статус зачастую рассматривается интеракционистами не как объективное положение индивида в системе определенных социальных отношений, а прежде всего как субъективная категория, т.е. «набор» или «организация ролевых ожиданий», которые подразделяются на ожидания-права и ожидания-обязанности индивида при исполнении им той или иной роли.

В такой трактовке со всей очевидностью проявляются характерные для интеракционистской ориентации субъективистский подход к анализу социальных явлений, игнорирование содержательной стороны роли как вида общественно полезной деятельности и ее отрыв от объективных социальных отношений. Представители ролевых теорий абстрагируются от того факта, что, как справедливо отмечает Л. П. Буева, ролевые ожидания являются ни чем иным, как субъективным выражением, «идеальной формой объективных общественных отношений, существующих в социальной практике общества» [Буева, 1968]. Хотя социально-психологический анализ социальной роли и предполагает рассмотрение прежде всего субъективных факторов ролевого поведения, однако подлинное проникновение в сущность этих факторов требует не их абсолютизации, а тесного связывания субъективных аспектов ролевого поведения с объективными общественными отношениями, так как именно последние являются в конечном итоге определяющими для формирования в общественном сознании ожиданий-требований, прав и обязанностей, способов поведения, соответствующих той или иной роли.

3.2. Классификации ролей

В работах, посвященных ролевым теориям, можно найти множество классификаций ролей по различным критериям. В этих классификациях мы не обнаружим четкого деления между социальной ролью, которая детерминируется местом носителя данной роли в системе общественных отношений, и межличностной ролью, которая определяется положением индивида в системе межличностных отношений. Прежде всего, редко употребляется сам термин

«социальная роль». Чаще фигурирует термин «роль индивида». Так, например, Т. Сарбин и В. Аллен в отдельных случаях употребления термина «социальная роль» тут же разъясняют, что он является для них синонимом термина «межличностная роль». Выделяя формальные и неформальные роли как относящиеся соответственно к макро- и микроструктуре, они видят основное различие между ними в том, что в отношении формальных ролей у участников взаимодействия имеются более единые и четкие представления о правах и обязанностях носителей этих ролей, которые часто бывают даже зафиксированы в письменной форме, чем о правах и обязанностях носителей неформальных ролей. Т. Шибутани, в свою очередь, по этому признаку подразделяет роли на «конвенциональные», т.е. такие, в отношении которых у членов общества имеются общепринятые, конвенциональные представления о том, каково должно быть поведение исполнителей этих ролей, и на «межличностные», в отношении которых нет подобных более или менее единых представлений [Шибутани, 1999]. Нет сомнения в том, что социальные роли более жестко детерминированы, чем межличностные, поскольку они непосредственно связаны с общественно необходимой деятельностью и объективными общественными отношениями. Представления о правах и обязанностях носителей социальных ролей достаточно четко отражаются в сознании членов общества, так как без этого было бы невозможно организовать даже самую элементарную общественно необходимую деятельность. Межличностные роли гораздо более неопределенны по форме своего выражения в конкретном поведении именно потому, что они связаны с субъективными отношениями, с психическими свойствами индивидов, обладающими гораздо большим разнообразием и неопределенностью, чем объективные закономерности общественного развития и функционирования общества.

Степень единства и четкости представлений о ролевых требованиях у членов общества в основном зависит от содержания и характера самих ролей, поэтому нельзя абсолютизировать субъективное восприятие роли и отрывать его от содержательных, деятельностных аспектов роли, от ее связи с социальными отношениями. В данном вопросе также находит свое отражение один из методологических принципов интеракционизма — сведение социальных отношений лишь к межличностным.

Широко распространено предложенное Тибо и Келли деление ролей на «предписанные» («prescribed»), т.е. внешне заданные, не зависящие от усилий индивида, и «достигнутые» («achieved»), т.е.

те, которые достигнуты благодаря личным усилиям данного индивида [Kelley, Thibaut, 1959].

Р. Линтон выделяет роли активные и латентные. Это деление обусловливается тем, что индивид как член общества участвует во многих отношениях и является одновременно носителем многих ролей, но в каждый данный момент он может активно выполнять лишь одну роль. Именно она будет активной, а другие будут оставаться латентными, каждая из которых может стать активной в зависимости от вида деятельности индивида и конкретных обстоятельств.

Т. Сарбин и В. Аллен классифицируют роли в зависимости от степени интенсивности их исполнения, от степени включенности в роль. Они выделяют семь таких стадий—от нулевой, когда индивид лишь числится носителем какой-либо роли, но, по существу, ее не выполняет, до максимальной включенности, которой считается исполнение какой-либо роли под воздействием веры в сверхъестественные силы. К промежуточным стадиям они относят «ритуальные роли» — вторые по степени включенности. Здесь имеются в виду различные роли, в том числе и профессиональные, которые исполняются индивидом полуавтоматически, без заинтересованности. Далее следует, по их терминологии, «углубленное исполнение роли», в качестве примера которой приводится успешное вхождение в роль актера. Следующие стадии связаны с исполнением роли в состоянии гипноза, невроза, экстаза и, наконец, под воздействием веры в сверхъестественные силы [Sarbin, Allen, 1968].

В вышеприведенной классификации наибольшее внимание уделяется либо незначимым для человека ролям, либо их исполнению в несвойственных для повседневной деятельности человека состояниях и меньше всего говорится об «углубленном исполнении роли», в качестве примера которой приводится лишь актерская деятельность. Нетрудно заметить, что во всех приведенных классификациях ролей берутся отдельные случайные критерии и нет попыток свести их в какую-либо единую систему.

Довольно большое место в ролевых теориях уделяется исследованию эмпатии как способности входить в роль другого не только на когнитивном, но и на эмоциональном уровне, т.е. не только знать, но и сопереживать роль другого вместе с ее исполнителем. В качестве примера может быть приведено исследование Р. Тернера о функции эмпатии в процессе взаимодействия [Sarbin, Allen, 1968]. Главный вывод Р. Тернера заключается в том, что эмпатия выполняет положительную функцию для участников взаимодействия в том случае, когда взаимодействующие индивиды добиваются общей цели, и

отрицательную, когда они преследуют противоположные цели, как, например, солдаты враждебных армий в ходе боевых действий.

Большое число теоретических и эмпирических работ в области ролевых теорий посвящено анализу факторов, воздействующих на восприятие и выполнение индивидом той или иной роли. При этом можно выделить следующие группы факторов: 1) знание роли, или представления о правах и обязанностях, связанных с данной ролью, т.е. когнитивный аспект; 2) значимость выполняемой роли, т.е. эмоциональный аспект; 3) умение выполнять данную роль, т.е. поведенческий аспект; 4) способность рефлексировать свое ролевое поведение. Исследование этих факторов имеет прямое отношение к изучению ролевого конфликта.

3.3. Ролевые конфликты

Под ролевым конфликтом обычно понимается ситуация, в которой индивид, имеющий определенный статус, сталкивается с несовместимыми ожиданиями [Gross, Mason, McEchern, 1958]. Иначе говоря, ситуация ролевого конфликта вызывается тем, что индивид оказывается не в состоянии выполнять предъявляемые ролью требования. Дж. Джецелс и Е. Куба отмечают разную степень остроты и глубины ролевых конфликтов, которые связаны со следующими двумя факторами: степенью различия между ролями по предъявляемым ими требованиям: чем больше общих требований предъявляют две роли, тем незначительнее ролевой конфликт, который они могут вызвать; степенью строгости предъявляемых ролями требований: чем строже определены требования ролей и чем жестче требуется их соблюдение, тем труднее их исполнителю уклоняться от выполнения этих требований и тем более вероятно, что эти роли могут вызвать серьезный ролевой конфликт [Getzels, Cuba, 1954].

В ролевых теориях принято выделять конфликты двух типов: *межролевые* и *внутриролевые* [Merton, 1957] . К *межролевым* относят конфликты, вызываемые тем, что индивиду одновременно приходится исполнять слишком много различных ролей и поэтому он не в состоянии отвечать всем требованиям этих ролей, либо потому, что для этого у него нет достаточно времени и физических возможностей, либо потому, что различные роли предъявляют ему несовместимые требования. В исследованиях межролевого конфликта, вызванного чрезмерным количеством ролей, которые приходится выполнять одному лицу, следует отметить работу американского социального психолога У. Г. Гуда «Теория ролевой на-

пряженности» [Good, 1955]. Он называет «ролевой напряженностью» состояние индивида в ситуации межролевого конфликта и предлагает свою теорию, суть которой сводится к выявлению способов снятия этой напряженности. По мнению У. Гуда, для этого надо прежде всего освободиться от ряда ролей, а затрату времени и энергии на выполнение остальных поставить в зависимость от: а) значимости данной роли для индивида; б) тех положительных и отрицательных санкций, которые может вызвать невыполнение определенных ролей; в) реакции окружающих на отказ от определенных ролей. Как видно из рассуждений Гуда, они основываются главным образом на здравом смысле, причем все сводится лишь к субъективным оценкам и восприятиям роли, без попытки связать эти факторы с объективной значимостью той или иной роли для данного общества или группы.

Когда речь идет о межролевых конфликтах, связанных с несовместимостью требований, предъявляемых различными ролями из-за противоречивости и даже противоположности их требований, то в качестве примера такого рода конфликтов чаще всего приводится маргинальная личность. В состоянии межролевого конфликта маргинальная личность оказывается в том случае, когда группы, к которым она одновременно принадлежит, состоят в конфликтных отношениях, а маргинальный человек не может сделать решительного выбора и прочно идентифицировать себя с одной из враждующих групп [Кон, 1967]. В положении маргинальной личности часто оказываются люди, произошедшие от смешанных межнациональных или социальных браков, и др. Весьма много социально-психологических исследований посвящено межролевым конфликтам такой маргинальной личности, как мастер на производстве, который с точки зрения западной социальной психологии занимает промежуточное положение между рядовыми рабочими и администрацией. Бóльшая часть этих исследований преследует манипуляторские цели, так как они направлены на нахождение для мастера таких способов поведения при исполнении его роли, которые создавали бы у подчиненных иллюзию того, что он идентифицирует себя с ними, а на самом деле позволяли бы ему идентифицировать себя с администрацией.

Анализ *внутриролевого* конфликта также занимает значительное место в социально-психологических исследованиях. Он выявляет, как правило, противоречивые требования, предъявляемые к носителям одной роли разными социальными группами. Классическим в данной области считается исследование М. Комаровс-

кой, которое было проведено среди студенток одного из американских колледжей. Результаты исследования показали противоречивость ожиданий-требований, предъявляемых к студенткам колледжа со стороны родителей и студентов колледжа. Если родители ожидали от студенток высоких показателей в учебе, то студенты мужского пола неодобрительно относились к хорошей учебе студенток, так как в этом случае они зачастую рассматривали их как своих конкурентов. Для них роль студентки связывалась с ожиданиями весьма средних успехов в учебе [Komarovsky, 1953], в том числе и из-за существующих стереотипов.

Т. Ньюком, говоря о многочисленности ролей, которые приходится выполнять одному лицу, отмечает: «Поразительно, как большинству из нас удается выполнять столь много различных ролей при минимуме конфликтов» [Newcomb, 1950, p. 449]. Он объясняет это прежде всего тем, что несовместимые роли, заключающие возможность возникновения ролевого конфликта, «не пересекаются», т.е. выполняются в разное время и в разных условиях. Однако, вопреки утверждениям Ньюкома, как свидетельствует повседневная практика и многочисленные исследования, ролевые конфликты являются весьма частым явлением. Это объясняется сложностью общественных отношений, возрастающей дифференциацией социальной структуры и дальнейшим разделением общественного труда. Ролевые конфликты, по мнению большинства исследователей, отрицательно влияют на осуществление взаимодействия, поэтому социальные психологи пытаются выработать какие-то общие концепции, обосновывающие пути устранения ролевых конфликтов. Одна из таких концепций, «теория ролевой напряженности» Гуда, уже рассматривалась выше. Сходный подход можно обнаружить и в работе Н. Гросса, У. Мэйсона и А. МакИчерна [Gross, Mason, McEachern, 1958]. Они выделяют три группы факторов, имеющих отношение к проблеме устранения ролевых конфликтов. Первая группа факторов связана с субъективным отношением к роли ее исполнителя (т.е. насколько значимы ролевые требования для носителя данной роли, насколько он считает их справедливыми). Вторая группа факторов включает санкции (положительные и отрицательные), которые могут быть применены за исполнение или неисполнение роли. К третьей группе факторов вышеуказанные авторы относят тип ориентации исполнителя роли, среди которых они выделяют две: ориентацию на моральные ценности и прагматическую ориентацию. Исходя из анализа этих факторов, полагают авторы, можно предсказать, какой способ решения ро-

левого конфликта предпочтет тот или иной исполнитель роли. В конечном итоге предусматривается альтернатива: индивид, ориентированный на моральные ценности, при решении ролевого конфликта будет исходить из своего морального отношения к требованиям роли; прагматически ориентированные лица будут руководствоваться теми ожидаемыми санкциями, которые могут последовать в результате того или иного исполнения ими данной роли. Как и многие другие ролевые концепции, рассуждения Гросса, Мэйсона и МакИчерна опираются на соображения здравого смысла.

3.4. «Социальная драматургия» И. Гоффмана

Особое место среди представителей ролевых теорий занимает И. Гоффман. Он является весьма оригинальным и многосторонним ученым. Его работам присущ характер эссеистики, ярко выраженная творческая индивидуальность, его труды отмечены литературным талантом [Ионин, 1994]. Будучи антропологом по образованию и человеком энциклопедических знаний, Гоффман занимался самыми разнообразными науками, в том числе социальной психологией, социологией, психологией, психиатрией и др. Для многих ученых он оставался оригиналом. Как справедливо отмечает И. Г. Ионин, его подходу не удалось органически влиться в социологическую традицию, хотя он и избирался президентом Американской социологической ассоциации. Он является весьма популярным автором, выдвинувшим особую концепцию «социальной драматургии». Суть ее заключается в том, что он проводит почти полную аналогию между реальными жизненными ситуациями и театральным представлением. Гоффман рассматривает реальных членов общества как актеров и, пользуясь театральной терминологией, очень подробно исследует «технологию» повседневного ролевого поведения, обращая особенно большое внимание на символические формы ролевого поведения [см.: Гоффман, 1984]. Подобно Г. Блумеру и другим представителям Чикагской школы, Гоффман совершенно не обеспокоен проблемой выбора адекватных методов исследования и неопределенностью используемых им терминов, расплывчатостью определений и употребляемых понятий. Для подтверждения своих положений он в основном использует метод наблюдения. Кроме того, он широко пользуется примерами, взятыми из художественной литературы, мемуаров, автобиографий, газет и журналов и даже из личных бесед.

Наиболее полно идеи И. Гоффмана изложены в его монографии «Представление себя другим в повседневной жизни» [Goffman, 1959]. Абстрагируясь от целостных личностных характеристик индивида, Гоффман рассматривает его лишь как носителя самых различных ролей, заданных извне, не связанных ни между собой, ни с особенностями личности, ни с содержанием осуществляемой им деятельности, ни с объективными социально-историческими условиями. При этом Гоффман исходит из того, что человек в процессе социального взаимодействия способен не только смотреть на себя глазами партнера, но и корректировать собственное поведение в соответствии с ожиданиями другого, с тем чтобы создать о себе наиболее благоприятное впечатление и добиться наибольшей выгоды от этого взаимодействия.

Сводя весь смысл ролевого поведения, по существу, лишь к созданию определенного впечатления о себе у партнера по взаимодействию или у «аудитории», Гоффман самым тщательным образом анализирует те факторы ролевого поведения, которые служат этим целям [см.: Гоффман, 1984]. Он исходит из того, что для эффективного взаимодействия партнеры должны иметь информацию друг о друге. Средствами такой информации служит их внешность, предыдущий опыт взаимодействия с подобными индивидами и то окружение, в котором находится индивид. Однако наиболее значимая информация содержится в словах и делах партнеров по взаимодействию. Гоффман считает их наиболее важными не только из-за их значимости, но и потому, что индивид в значительной степени способен держать эту информацию под своим контролем. Управляя своими словами и поступками, он может в определенных рамках создавать нужный «имидж» в глазах партнеров по взаимодействию.

При описании ролевого поведения Гоффман пользуется в основном понятиями, взятыми из театрального обихода. В отличие от других представителей ролевых теорий И. Гоффман предпочитает говорить не о ролевых ожиданиях и требованиях, а о ролевой «партии». Он вводит понятие «фасад» («front») исполнения роли, под которым понимает стандартные выразительные средства, намеренно или непроизвольно используемые индивидом во время исполнения роли [Goffman, 1959]. Элементами фасада являются окружение, внешность индивида и манера поведения. На многочисленных примерах И. Гоффман пытается доказать, что партнеры по взаимодействию ожидают друг от друга согласованности между окружением, внешностью и манерой поведения. Весьма существенным Гоффман считает место

ролевого взаимодействия индивидов, выделяя «авансцену», где непосредственно осуществляется это взаимодействие, и «кулисы», где происходит деятельность, имеющая отношение к исполнителю роли, но недоступная для глаз аудитории. Такая характеристика места ролевого поведения необходима Гоффману для того, чтобы подчеркнуть более строгое следование требованиям роли на авансцене (например, в поведении врача, когда он общается со своим пациентом) и необязательное их соблюдение «за кулисами» (например, поведение врача вне поля зрения пациента).

Весь этот понятийный аппарат используется Гоффманом для описания различных тонкостей «технологии» ролевого поведения индивида при исполнении им самых различных ролей — от социальных до межличностных — в его повседневной жизни. При этом весь процесс социального взаимодействия трактуется им как процесс приспособления личности к ситуации и самомаскировки, а индивид выступает как носитель многочисленных разрозненных, чуждых его личности ролей либо в качестве марионетки, либо циничного обманщика. Гоффман считает, что исследователь не должен доверять внешним формам ролевого поведения. «Перед исследователем человеческого театра, — пишет он, — встают следующие вопросы: если мотивация действия внешне социально приемлема, следует ли искать другой, более глубоко лежащий мотив? Если индивид подтверждает свой мотив соответствующими эмоциональными проявлениями, должны ли мы ему верить? Если индивид кажется действующим под влиянием аффекта, не скрывает ли он таким образом свои истинные намерения?» [Goffman, 1959, с. 85]. Ставя эти вопросы, Гоффман не пытается дать ответ, каким образом исследователь должен их решать. Все его внимание обращено на описание определенных приемов и условий успешного выполнения роли [Гоффман, 1984]. Причем под успешным выполнением роли понимается получение личной выгоды для ее исполнителя независимо от объективных результатов его деятельности для данного общества или для данной группы. Поэтому оценка «правильности» ролевого поведения, по мнению Гоффмана, базируется не на выполнении функциональных требований роли и даже не на сознательности ее исполнения; главное для исполнителя роли заключается в том, чтобы создать у других, у «аудитории», впечатление, что он правильно выполняет данную роль.

Однако абсолютизация этих моментов и превращение их в универсальный принцип человеческого поведения настолько неправомерны, что за это Гоффман подвергается критике даже со

стороны своих коллег [Argyle, 1969; Deutch, Krauss, 1965]. Его также справедливо критикуют за слишком прямолинейную аналогию между социальной действительностью и театральным действием, за нестрогость применяемых методов исследования. Определенный интерес в концепциях Гоффмана представляют его попытки как бы раскрыть механизм ролевого поведения, выявить и проанализировать ряд факторов и условий, которые характеризуют ролевое поведение в повседневной жизни, а также процесс восприятия роли другого и управления собственным поведением. Однако эти моменты никак не могут компенсировать недостатки общеметодологического плана.

Вместе с тем Гоффман является очень глубоким автором. Трудно не согласиться с мнением ряда современных исследователей [Абельс, 1999], которые отмечают, что важной проблемой презентации для Гоффмана являются опасности, которые подстерегают человека в повседневном межличностным взаимодействии с другими людьми. Он как бы предостерегает об этих опасностях своим скрупулезным, тонким анализом технологии межличностного взаимодействия в повседневной жизни.

Основные идеи Гоффмана выражены в его первой книге «Представление себя другим в повседневной жизни», получившей всемирную известность. Другие его работы не так широко известны. В них он отошел от слишком явной аналогии с театром как в первой книге. Например, в своей работе «Ритуал взаимодействия» [Goffman, 1982], где большое внимание уделяется особенностям межличностного взаимодействия в условиях крайнего риска, Гоффман глубоко анализирует другие ситуации межличностного взаимодействия.

Подводя итог анализу ролевых теорий в рамках интеракционистской ориентации, необходимо подчеркнуть, что эти теории заслуживают внимания, во-первых, потому, что в них предпринимается попытка дать социально-психологический анализ такого важного для понимания социального поведения людей феномена, как социальная роль. Интересен большой эмпирический материал, собранный на основе лабораторных и полевых исследований ролевого поведения, а также попытки классификации ролей и ролевых конфликтов, выявления социально-психологических факторов и механизмов ролевого поведения. Однако значимость данных моментов в ролевых теориях значительно снижается из-за их методологических недостатков, характерных для всей интеракционистской ориентации, прежде всего из-за сведения всех социальных явлений к социально-психологическим и игнорирования содержательной деятель-

ности личности в ролевом поведении и объективных социально-исторических условий, детерминирующих в конечном итоге те требования, которые предъявляются к ролевому поведению людей.

4. ТЕОРИИ РЕФЕРЕНТНОЙ ГРУППЫ

Теории референтной группы весьма тесно связаны с двумя предыдущими направлениями, существующими в рамках интеракционистской ориентации. В работах последователей этих теорий не дается однозначного общепринятого определения референтной группы, однако абсолютное большинство авторов связывают это понятие с обозначением группы, к которой индивид относит себя психологически, ориентируясь при этом на ее ценности и нормы. Данная группа служит своеобразным стандартом, системой отсчета для оценки себя и других, а также источником формирования социальных установок и ценностных ориентаций индивида[16]. Разработка теорий референтной группы в современной западной социальной психологии связывается прежде всего с именами таких авторов, как Г. Хайман, Т. Ньюком, М. Шериф, Г. Келли, Р. Мертон и др.

4.1. Развитие теории референтной группы

Благодаря работам этих исследователей проблема референтной группы, по мнению ряда авторов, приобрела «астрономическую популярность» [Kuhn, 1964] среди социальных психологов и социологов. Социальные психологи увидели в референтной группе «ключ» к пониманию процессов формирования социальных установок и самооценок, а социологи — инструмент функционального анализа социальной структуры. Как отмечает Т. Шибутани, понятие референтной группы широко используется для объяснения самых разнообразных явлений, таких как непоследовательность в поведении индивида в условиях нового социального контекста, проявление преступности среди несовершеннолетних, дилемма маргинальной личности, конфликты, связанные с лояльным отношением к группе, неодинаковая реакция аудитории средств массовой коммуникации на одно и то же сообщение и т.д. [Shibutani, 1955].

[16] В литературе на русском языке наряду с термином «референтная группа» встречается термин «эталонная группа», который является одним из вариантов перевода английского термина «reference group» [Шибутани, 1999].

В основе теорий референтной группы лежат, по существу, идеи Дж. Мида об «обобщенном» другом, хотя происхождение самого термина не было непосредственным результатом разработки именно этой его идеи.

Значение «обобщенного другого» определяется, согласно Миду, тем, что именно через него осуществляется воздействие общества, социального процесса на индивида и его мышление. «Индивид познает себя как такового, — пишет Мид, — не непосредственно, а лишь косвенно, с отдельных частных точек зрения других членов его группы или с обобщенной точки зрения социальной группы, к которой он принадлежит» [1934, p. 138]. Указав на значение группы для входящего в нее индивида как на систему обобщенных установок, Мид не пытался более полно раскрыть и конкретизировать это понятие.

Разработка основных положений современной теории референтной группы начинается с 40-х годов XX в. Термин «референтная группа» был введен американским социальным психологом Г. Хайманом в 1942 г. в исследовании представлений личности о собственном имущественном статусе по сравнению со статусом других людей [Hyman, 1942]. Хайман не дал определения этого понятия. Он просто использовал его для обозначения группы людей, с которой испытуемый сравнивал себя при определении своего статуса. Результатом сравнения с референтной группой являлась самооценка испытуемым своего статуса. Эта самооценка статуса трактуется Г. Хайманом как зависимая переменная, поскольку она имела отношение к той референтной группе, которую испытуемый использовал как отправную точку, как систему отсчета.

Позже понятие «референтная группа» было использовано Т. Ньюкомом в несколько ином значении, а именно для обозначения группы, «к которой индивид причисляет себя психологически» и поэтому разделяет ее цели и нормы и ориентируется на них в своем поведении. Ньюком применил понятие референтной группы в исследовании социальных установок студенток Беннингтонского колледжа в 1943 г. В ходе этого исследования Ньюком установил, что социальные установки студенток были различными в зависимости от того, как они относились — положительно или отрицательно — к таким группам, как их консервативные семьи или более либеральное окружение в колледже. Формирование установок, считает Ньюком, является «функцией отрицательного или положительного отношения индивида к той или иной группе или группам» [Newcomb, 1943, p. 155]. В связи с этим Ньюком вы-

делил позитивные и негативные референтные группы. Под первыми понимаются такие группы, нормы и ориентации которых принимаются индивидом и которые вызывают у индивида стремление быть принятым этими группами. Отрицательной референтной группой считается такая группа, которая вызывает у него стремление выступить против нее и членом которой он не хочет себя считать. По мнению Ньюкома, «бунт подростка» можно считать проявлением поведения в ситуации, когда родители выступают для него как отрицательная референтная группа.

Окончательное утверждение понятия «референтная группа» в западной социальной психологии связано с работами М. Шерифа и Р. Мертона. Основные идеи М. Шерифа по этому вопросу выражены в его книге «Основы социальной психологии» [M. Sherif, 1948]. Он также подчеркивал важность референтной группы в связи с тем, что ее нормы превращаются в социальные установки индивидов, в «систему отсчета» не только для самооценки, но и для оценки явлений социальной жизни, для формирования своей «картины мира» [Sherif, 1953, p. 162]. Многообразие групп, воздействующих на индивида, ставит его в трудное положение выбора норм, которые зачастую расходятся между собой в различных группах. Чтобы обеспечить возможность концептуального анализа подобных ситуаций, Шериф предложил проводить различие между актуальной группой «членства» и референтной группой, к которой индивид может относить себя психологически, сознательно или бессознательно.

Весьма существенный вклад в разработку проблемы референтной группы внес известный американский социолог Р. Мертон, который занимается и социально-психологической проблематикой. Он применил понятие референтной группы в своей работе 1950 г., написанной в соавторстве с А. Китт [R. Merton, A. Kitt, 1950]. Данная работа была посвящена как бы вторичному анализу результатов, полученных в широко известном исследовании «Американский солдат» [Stouffer, 1949], в котором анализировались социальные установки и поведение американских солдат, воевавших во время Второй мировой войны в Европе. Исходя из идеи Мида «об обобщенном другом», которая, по мнению Мертона, нашла выражение в понятии «референтная группа», он предпринял попытку объяснить обнаруженное в исследовании различие установок солдат, находившихся в одинаковом положении, именно тем, что у них были разные референтные группы, с которыми они сравнивали свое положение и которые служили для них источником формирования определенных социальных установок. Так,

например, по мнению Р. Мертона и А. Китт, если мобилизованные солдаты сравнивали свое положение с положением тех, кто не был мобилизован и остался дома (одна референтная группа), они оценивали его как худшее, если же они сравнивали свое положение с положением тех, кто был мобилизован и сражался на фронте (другая референтная группа), то они оценивали его более благоприятно. Таким образом, опираясь на понятие референтной группы, Р. Мертон и А. Китт дали собственную интерпретацию всем результатам исследования «Американский солдат», касавшимся анализа социальных установок. Работа Мертона и Китт считается классической в американской социальной психологии. Она неизменно приводится в учебниках и исследованиях по вопросам референтной группы.

В теориях референтной группы пока нет четкой их классификации, однако всеми признается, что в качестве референтной группы могут выступать самые разнообразные группы: внешние группы и группы членства, реальные и идеальные группы, большие и малые группы и т.д. При этом каждый индивид, как правило, имеет несколько референтных групп, на которые он ориентируется и с которыми сравнивает себя и других по разным проблемам. По мнению Т. Шибутани, у каждого индивида имеется столько же референтных групп, сколько существует каналов коммуникации [Shibutani, 1955], причем сила их воздействия на поведение индивида весьма различна.

4.2. Нормативная и сравнительно-оценочная функции референтной группы

В 1952 г. Г. Келли обобщил предыдущие исследования в области теории референтной группы Г. Хаймана, Т. Ньюкома, М. Шерифа и Р. Мертона. Он справедливо отмечает, что понятием «референтная группа», как правило, обозначаются два вида различных отношений между индивидом и группой. Эти отношения связаны, с одной стороны, с мотивационными, а с другой — с перцептивными процессами. На этом основании Келли выделяет две функции референтной группы: нормативную и сравнительно-оценочную [Келли, 1984]. Объясняя содержание этих функций, Келли пишет, что первая функция заключается в том, чтобы устанавливать определенные стандарты поведения и заставлять индивидов следовать им. Эти стандарты поведения обычно называют групповыми нормами, поэтому он обозначил эту функцию референтной

группы как нормативную. По мнению Келли, группа может выполнять эту функцию, если она в состоянии вознаграждать индивида за конформность и наказывать за неконформность.

Вторая функция референтной группы, по Келли, заключается в том, что она является тем эталоном или отправной точкой для сравнения, с помощью которых индивид может оценивать себя и других, поэтому она и выступает в качестве сравнительно-оценочной функции. Келли отмечает также, что обе функции часто носят интегрированный характер в том смысле, что они могут выполняться одной и той же группой, как группой членства, так и внешней группой, членом которой индивид стремится стать или к которой он причисляет себя психологически.

Для подтверждения этого положения Келли ссылается на приведенный Мертоном пример исследования социальных установок солдат-фронтовиков и солдат-новичков, прибывших в качестве пополнения в подразделение фронтовиков. Это исследование показало, что социальные установки многих новичков после пребывания в этом подразделении значительно изменились в сторону большего сходства с социальными установками фронтовиков. Этот пример, как считает Келли, показывает, что социальные установки боевых фронтовиков служили для новичков отправным пунктом для сравнения при формировании своих самооценок (сравнительно-оценочная функция). В то же время боевые фронтовики считали свои социальные установки «правильными» и поддерживали новичков, если те принимали эти установки (нормативная функция).

Одно из проявлений различия между нормативной и сравнительно-оценочной функциями референтной группы заключается в том, что при нормативной функции индивиду, как правило, важно знать отношение к себе нормативной референтной группы, насколько она его принимает или отвергает. Келли подчеркивает, что здесь в скрытом виде содержится идея о том, что группа как бы наблюдает за индивидом, оценивая его с точки зрения своих норм, и он строит свое поведение с учетом этих оценок и норм группы.

Что же касается сравнительно-оценочной функции референтной группы, то здесь мнение той группы, с которой индивид сравнивает себя или других, не имеет для него значения хотя бы уже потому, что сравнительная референтная группа вообще может не иметь о нем никакого представления. В этой ситуации в отличие от нормативной референтной группы индивид является как бы «самосанкционирующим», т.е. он дает оценку себе и другим на основе определенного эталона, служащего для него отправным пунк-

том для сравнения. Группа может стать сравнительной референтной потому, что другие лица выбирают ее для сравнения с ней индивида даже без ведома этой группы. Хайман здесь приводит следующий пример. Если женщина идет наниматься работать манекенщицей и решающим фактором для приема на работу является ее внешность, то для предпринимателя совершенно неважно мнение о внешности данной женщины ее друзей. Сравнительной референтной группой в данном случае ему будет служить группа уже работающих у него манекенщиц, с которой он будет сравнивать вновь поступающую манекенщицу [Hyman, 1942].

Нельзя не согласиться с Келли, что группа, которую принято называть референтной, действительно выполняет нормативную и сравнительно-оценочную функцию. Однако в рассуждениях Келли обращает на себя внимание присущая всем теориям референтной группы абсолютизация субъективных факторов и отрыв их от объективных факторов, в частности от объективных социальных отношений и потребностей общества. Единственной реальностью здесь, как и во всех теориях интеракционистов, продолжают оставаться лишь межличностные отношения. А такая ограниченность не дает возможности в полной мере раскрыть характер и функции референтной группы, особенно их нормативной функции, и определить критерии выбора индивидами тех или иных референтных групп.

Определенную попытку в этом направлении предпринял Р. Мертон при дальнейшей разработке теории референтной группы. Он, в частности, попытался выделить те условия, при которых индивид скорее выберет в качестве нормативной референтной группы не группу членства, а внешнюю группу. Здесь Мертон выделяет следующие факторы:

1. Если группа не обеспечивает достаточный престиж своим членам, то в этих условиях они будут склонны выбирать в качестве референтной группы внешнюю, нечленскую группу, которая, на их взгляд, обладает большей престижностью, чем их собственная.
2. Чем больше изолирован индивид в своей группе, чем ниже его статус в ней, тем более вероятно, что в качестве референтной группы он выберет внешнюю группу, в которой он рассчитывает иметь более высокий статус.
3. Чем больше социальная мобильность в обществе и, следовательно, больше возможностей у индивида изменить свой социальный статус и групповую принадлежность, тем бо-

лее вероятно, что в качестве референтной группы он будет выбирать группу с более высоким социальным статусом.

4. Выбор индивидом той или иной референтной группы зависит от его личностных характеристик, однако Мертон не конкретизирует это положение [Merton, 1957]. Другими авторами также пока не выработано какой-либо теории, которая пыталась бы объяснить, какие личностные характеристики индивида предрасполагают его к выбору той или иной референтной группы. В рассуждениях Мертона подчеркивается значение феномена референтной группы для анализа связи между мотивацией индивида и социальной структурой. Однако поскольку Мертон рассматривал личность, как отмечают И. С. Кон и Д. Н. Шалин, в качестве «пассивного реципиента социального реквизита в виде норм, стандартов поведения, ценностей, ролей и т.д.» [Кон, Шалин, 1969], то сущность мотивации у него сводилась фактически к реагированию на существующую символическую структуру в плане конформного поведения. Таким образом, подход Мертона акцентировал в основном влияние референтной группы лишь на выбор конформного поведения. Подлинная обусловленность выборов референтной группы социальной структурой общества, характером социальных отношений вновь остается нераскрытой.

В западной социальной психологии большинство работ по проблеме референтной группы, появившихся после 70-х годов, посвящено частным эмпирическим исследованиям. Отдельные содержащиеся в них положения теоретического или методологического характера не получили широкого признания, как, например, выделение Т. Шибутани кроме двух функций референтной группы, указанных Г. Келли, еще третьей функции, побудительной, т.е. побуждающей индивида стремиться стать членом референтной группы [Shibutani, 1955]. Не нашло поддержки и предложение М. Куна о замене термина «референтная группа» термином «референтная категория», которая включала бы как референтную группу, так и референтных индивидов, и его предложение ввести понятие «ориентирующий другой» [Kuhn, 1964]. Что касается общего состояния теории референтной группы в последнее время, то многие авторы отмечают, что, несмотря на продуктивность выделения данной категории для эмпирических исследований, последние породили больше вопросов, чем дали ответов на них, и пока еще не найдено

ключа к предсказанию поведения индивида в отношении референтной группы [Deutsch, Krauss, 1965].

При оценке теорий референтной группы следует отметить, что данные теории предпринимают попытку осмысления реального и весьма важного социально-психологического феномена. Они обратили внимание на значимость процесса самооценки для поведения личности и на связь самооценки с принадлежностью к группе, а также показали большее влияние ценностей и норм внешних групп на социальные установки и поведение индивида. Понятие референтной группы может служить инструментом для изучения социально-психологических механизмов взаимодействия объективного социального положения личности и ее социальных установок, для выявления некоторых механизмов взаимодействия между мотивацией индивида и социальной структурой. Однако эти возможности не находят должной реализации в западной социальной психологии прежде всего потому, что представители теорий референтной группы фактически сводят социальные отношения к межличностным.

* * *

В заключение целесообразно провести сравнение особенностей интеракционистской ориентации с другими теоретическими ориентациями в социальной психологии. Главное ее отличие от всех других ориентаций, как уже упоминалось выше, заключается в том, что она пришла в социальную психологию из социологии, а не из традиционных психологических школ и поэтому отправным пунктом для интеракционистских теорий является не индивид, а процесс символического взаимодействия (интеракции) индивидов в обществе, которое преимущественно понимается интеракционистами как система коммуникаций и межличностных отношений.

При сравнении интеракционистской ориентации с необихевиористской следует иметь в виду, что Дж. Мид объявлял себя приверженцем так называемого социального бихевиоризма. По справедливому утверждению М. Г. Ярошевского, есть веские основания связывать Мида с бихевиористским движением в философском плане, поскольку философской основой для них явились «прагматические воззрения на человека как на существо, интеллектуальные функции которого служат единственному назначению — адаптации к среде с целью успешного, с точки зрения интересов индивида, выживания» [Ярошевский, 1973]. Однако вместе с тем Мид

был против таких основополагающих принципов бихевиоризма, как индивидуализм и антиментализм. Используя понятие «социальный бихевиоризм», он прежде всего имел в виду необходимость изучения внешних проявлений поведения индивида в процессе социальной интеракции и объяснения внутренних психических процессов в терминах внешне наблюдаемого поведения.

Различия во взглядах классического бихевиоризма и Дж. Мида находят свое отражение и в различном понимании современными необихевиористами и интеракционистами основных механизмов поведения и активности личности. В отличие от необихевиористского подхода к человеку как к «психологической машине», бездумно реагирующей на стимулы внешней среды, интеракционисты рассматривают его как активного участника взаимодействия, который сам выбирает, оценивает, регулирует и конструирует свое поведение посредством символической коммуникации. Интеракционисты, подобно бихевиористам, придают большое значение научению, но и здесь решающая роль отводится ими символической коммуникации в противоположность бихевиористам, которые фактически игнорируют значение языка как специфически человеческого средства научения.

Что касается психоаналитической ориентации, то главное отличие интеракционистов заключается в том, что, уделяя первостепенное внимание рациональному поведению человека, они фактически игнорируют эмоциональную сферу и сферу подсознательного.

Ближе всего интеракционисты стоят к когнитивистскому направлению. Подобно когнитивистам, представители интеракционистской ориентации на первое место ставят рациональное поведение, уделяют большое внимание когнитивным аспектам коммуникации, функциям социальных установок, считают важным процесс социальной перцепции как один из существенных факторов интеракции и т.д. Однако когнитивисты значительно менее «социальны», проблемы индивид — общество ими фактически не ставятся и поэтому, в их работах естественно, не возникает проблем социальной роли, референтной группы, хотя последние имеют прямое отношение к формированию социальных установок.

Интеракционистская ориентация, сохраняя свою специфику, испытывает влияние других ориентаций. У различных авторов это проявляется по-разному. Например, работа одного из известных представителей символического интеракционизма Т. Шибутани «Социальная психология» показывает, что автор, излагая интеракционистский подход к пониманию проблем индивида и обще-

ства, испытывает известное воздействие идей психоанализа [Шибутани, 1999].

В современных интеракционистских теориях, безусловно, представляют интерес попытки их представителей раскрыть важные социально-психологические механизмы взаимодействия индивидов в группе на межличностном уровне, показать роль языка в формировании человеческой психики, трактовка личности как сознательного и активного участника социального процесса, обобщение большого эмпирического материала, особенно в области исследования социальной роли и референтной группы. Однако эти позитивные моменты в теориях интеракционистов не могут быть реализованы в полной мере из-за субъективно-идеалистических исходных посылок, принимаемых авторами этих теорий. Именно это приводит к главному ограничению — интерпретации самой природы «социального» лишь как «интеракции». Верная сама по себе мысль, что взаимодействие и общение есть непосредственная реальность общественных отношений, данная индивиду в его повседневном опыте, не доведена здесь до конца, поскольку акцент сделан лишь на одной стороне проблемы: интеракция рассмотрена как непосредственно «данная форма социального», но само «социальное» (как система объективно существующих общественных отношений) снова оказывается за рамками анализа.

5. СОВРЕМЕННАЯ ДИСКУССИЯ

Границы интеракционистской ориентации, как уже отмечалось ранее, весьма размыты по отношению к другим ориентациям и теориям, а также между отдельными направлениями внутри ее (например, этнометодология Гарфинкеля, символический интеракционизм и ролевые теории). В связи с этим встают некоторые дискуссионные вопросы. К ним, в частности, можно отнести следующие: правомерно ли включать в эту ориентацию этнометодологию Г. Гарфинкеля и можно ли говорить о тенденциях к интеграции символического интеракционизма и ролевых теорий?

5.1. Этнометодология Г. Гарфинкеля

Понятие «этнометодология» ввел Г. Гарфинкель, ученик А. Шюца, американского профессора социологии и социальной психологии, родоначальника феноменологической социологии. Как от-

мечает Х. Абельс, этнометодология Гарфинкеля соединяет феноменологическую социологию Шюца с американским прагматизмом и символическим интеракционизмом [Абельс, 1999, с. 139].

Будучи учеником А. Шюца, Гарфинкель главное внимание в своей теории направил на исследование повседневного поведения обычных людей в обычных условиях и их «конструирования» собственного «социального мира». Под «этносом» в названии теории имеется в виду любая общность людей, под «методами» понимаются способы взаимодействия людей по неписаным правилам поведения, которые регулируют их повседневную жизнь, а «логос» — это знание, теория. Ряд авторов [Ионин, Митина, 1996; Абельс, 1999 и др.] отмечают, что Гарфинкель весьма экзотичен по своей терминологии и способу определения предмета и методов исследования. Как пишут приверженцы этнометодологии Вайенгартен и Сакс, Гарфинкель ввел понятие этнометодологии сознательно по аналогии с этнографией, предметом которой является знание, с помощью которого представители примитивных обществ овладевают явлениями в окружающей предметной среде. Замысел этнометодологии является сходным: обнаружить методы (средства), которыми пользуется современный человек в обществе для реализации всего многообразия повседневных действий [Абельс, 1999, с. 138].

Этнометодология постулирует определенные теоретические допущения, например, отождествление социального взаимодействия с речевой коммуникацией и исследования — с интерпретацией действий собеседника и др.

Этнометодологов прежде всего интересует: 1) как организуется и совершается практичное повседневное взаимодействие людей; 2) как эти действия с помощью общения понимаются и интерпретируются, какой им придается смысл. При этом их не интересует, *почему* люди совершают некоторые действия. Их интересует, *как* они это делают.

Общества как объективной реальности для Гарфинкеля вообще не существует. Оно сводится к объясняющей, интерпретирующей деятельности индивидов [Митина, 1996].

Совершение и осмысление поступков в процессе коммуникативного взаимодействия определяется как создание людьми своего «социального мира». Люди рассматриваются как постоянно формирующие и созидающие свой социальный мир во взаимодействии и общении с другими людьми.

Исследовать эти процессы, по мнению этнометодологов, можно только методами, разработанными в «субъективистской» тра-

диции. Это прежде всего интерпретационный метод, когда исследователь вместе с испытуемым в ходе беседы пытается найти тот смысл, который последний придает своим словам и поступкам.

Гарфинкель подчеркивает, что люди часто не осознают те неписаные, само собой разумеющиеся правила, которыми они пользуются каждодневно. Для выявления этих правил Гарфинкель пытается использовать так называемые кризисные эксперименты. Их смысл заключается в том, чтобы попытаться выявить эти правила путем их нарушения. Так, например, как описывает Абельс [Абельс, 1999], Гарфинкель дал задание своим студентам вести себя дома, как в гостях: например, говорить, только отвечая на вопросы, просить разрешения пойти в туалет, многословно хвалить обед и спрашивать рецепты и т.п. Студенты в своих отчетах отмечали, что их родители приходили в полное замешательство от такого поведения студентов дома. Они спрашивали, что случилось и, не получая ответа, решали, что их дети или перетрудились, или переживают жизненный кризис [Garfinkel, 1967]. Другой пример исследования: наблюдение за поведением жюри суда присяжных, а потом подробная беседа с каждым из его членов для выяснения, какой смысл они вкладывали в свои слова и поступки при обсуждении выносимого приговора [Meltzer, Petras, 1972].

Огромное внимание в этнометодологии уделяется анализу самых разнообразных форм коммуникации, особенно разговорного языка.

В настоящее время этнометодология распалась на несколько течений, в том числе таких, как анализ разговорной речи, этнометодологическая герменевтика, анализ обыденного поведения и др. [Ионин, 1996].

Можно задаться вопросом: есть ли основания включать этнометодологию как особое направление в интеракционистскую ориентацию? Одно из оснований заключается в том, что в центре внимания этнометодологии находится коммуникативное взаимодействие, т.е. социальная интеракция людей. Работы Гарфинкеля печатаются в сборниках интеракционистов [Meltzer, Petras, 1972 и др.].

Ближе всего этнометодология символическому интеракционизму, особенно Чикагской школе Блумера. Недаром многие авторы называют символический интеракционизм в качестве теоретического источника этнометодологии. В обоих направлениях человек рассматривается как активное творческое существо, которое творит свой «социальный мир».

Основное различие между символическим интеракционизмом и этнометодологией заключается в том, что для первого характерны

общие абстрактные рассуждения о символической коммуникации и взаимодействии, а в этнометодологии в центре внимания — анализ отдельных конкретных случаев коммуникативного взаимодействия конкретных индивидов в их обыденной повседневной жизни.

Поэтому, вероятно, будет правильно говорить не о включении этнометодологии в интеракционистскую ориентацию, а о близости с ней по ряду важных вопросов.

5.2. Перспективы интеграции

Символический интеракционизм и ролевые теории имеют много общего, поэтому они и включены нами в интеракционистскую ориентацию, но границы между ними весьма размыты и некоторые авторы заговорили о возможных перспективах их интеграции. Наиболее обстоятельно этот вопрос был исследован американскими авторами Ш. Страйкером и Э. Стейтем [Stryker, Statham, 1985]. Они очень тщательно анализируют символический интеракционизм и социологические ролевые теории в отдельности, сравнивают их и находят в них общие моменты.

Эти общие моменты заключаются прежде всего в том, что и в символическом интеракционизме, и в ролевых теориях подчеркивается необходимость анализировать социальные явления с точки зрения участников взаимодействия, т.е. для объяснения социальных явлений следует учитывать действия участников социального процесса [Stryker, 1973].

Оба направления используют понятие театра как метафору социальной жизни, где понятие «роль» является одним из центральных. Что касается различий, то в ролевых теориях социальное взаимодействие рассматривается как поведение актеров, играющих роли, сформировавшиеся в ходе социальной эволюционной адаптации. Интересуясь прежде всего вопросами социальной организации, представители ролевых теорий используют понятие роли как основополагающее в своих рассуждениях относительно функционирования социальных структур.

Представители символического интеракционизма трактуют театральную метафору применительно к обществу по-иному. Они не считают, что ролевые предписания являются подробными указаниями, которые должны строго выполняться. По их мнению, ролевое поведение должно ограничиваться лишь рамками культуры и общества, где происходит действие. Их прежде всего интересует структура личности и анализ ролевого взаимодействия как таково-

го. Они используют понятие «роль» для того, чтобы «опуститься до уровня личности и ее структуры» [Stryker, Statham, 1985].

Для ролевых теорий главная концептуальная единица — роль, а для символического интеракционизма — личность. Эти различия определяют сильные и слабые стороны данных направлений. Сильная сторона символического интеракционизма — наличие в ней концепции творческой активной личности, которая может повлиять на изменение социальных условий, а его слабость — в превалировании абстрактных рассуждений о ролевом поведении без соотношения их с социальными структурами общества.

Что касается ролевых теорий, то их сильная сторона заключается в дифференцированном анализе социальных структур общества и их влиянии на ролевое поведение.

Таким образом, сильные стороны одного направления могут в какой-то степени компенсировать слабые стороны другого. Однако интеграция символического интеракционизма и ролевых теорий еще остается далекой перспективой.

Следует отметить, что ролевые теории были особенно популярны в 50—60-х годах, когда вся проблематика интеракционистской ориентации нередко анализировалась в рамках именно ролевых теорий.

Особый интерес к символическому интеракционизму появился в 70-е годы, когда весьма актуальными стали исследования социальных изменений, сопровождавшиеся особым вниманием к механизмам социальной интеракции [Якимова, 1995]. И сегодня интерес к символическому интеракционизму не угасает. Как отмечают Страйкер и Стейтем, это происходит, возможно, потому, что интеграция символического интеракционизма и ролевых теорий может помочь решить стоящую перед современной социальной психологией задачу адекватного совмещения исследований личности и социальной структуры [Stryker, Stathem, 1985].

В целом про интеракционистскую ориентацию можно сказать, что она послужила одним из важных теоретических источников формирования в последнюю четверть века целого ряда концепций, направленных на поиск новых парадигм социально-психологических исследований в противовес позитивизму, в частности таких, как конструкционизм Гергена и этогенический подход Харре, которые будут рассмотрены в следующей главе.

РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Совокупность теорий, функционирующих в определенный период времени в сообществе представителей той или иной научной дисциплины, составляет, естественно, важнейшую часть в общей структуре данной области знания. Однако эта область собственно теоретических построений не исчерпывает всего содержания науки. Относительно самостоятельно в ней существуют и такие области, как методология (включая и все конкретные методики исследования), и наконец, — что и составляет основной массив научной продукции — практика исследований (включая применение их результатов в прикладных областях). Поэтому достаточно полная картина состояния науки в тот или иной период ее существования может быть дана только при условии анализа всех ее составных частей.

Но вместе с тем положение теоретического знания в «теле» каждой научной дисциплины (так же, впрочем, как и общей методологии) может служить известным индикатором ее состояния. Именно анализ сферы принимаемых в науке теорий позволяет точнее всего определить основные тенденции развития науки, увидеть в обобщенном виде как значение достигнутых результатов, так и возникшие узлы трудностей, а порою и тупиковые позиции. Не случайно поэтому на поворотных рубежах движения той или иной области научного знания всегда обостряется интерес к анализу состояния теорий. В условиях, когда «методологическая рефлексия» получила широкое развитие и в социальной психологии, здесь также обозначается в качестве ее важнейшей составной части интерес к метатеоретическому анализу. Однако на этот раз внимание к исследованию теоретической области социальной психологии отличается от имеющего место и в прошлом «нормального», повседневного интереса, проявляемого к содержанию отдельных теорий или даже к нормам их конструирования.

После полустолетия своего довольно стабильного существования в ее современном виде социальная психология на Западе оказалась перед лицом таких испытаний, что мера развившейся рефлексии является несравнимой с теми ее проявлениями, которые имели место и раньше. Решающей причиной этой ситуации явился тот факт, что в эпоху бурных социальных процессов, охвативших Европу и Америку во второй половине XX в., социальная психология оказалась лицом к лицу с наиболее острыми социальными проблемами. Готовность (или неготовность) ее к выполнению вставших задач могла быть проверена только путем достаточно глобального анализа всего предшествующего развития, выхода за рамки традиционной оценки качества отдельных исследований, отдельных теоретических построений, отдельных методических приемов. Этот общий взгляд на состояние науки привел многих исследователей уже в середине столетия к выводу, что социальная психология переживает глубокий кризис. И хотя оценка глубины этого кризиса весьма различна (наиболее остро ситуация была оценена Дж. Сильверменом, который впервые употребил сам термин «кризис» в отношении социальной психологии [Silverman, 1971]), сам факт его существования был признан многими.

Если проявлением кризиса считают неспособность социальной психологии ответить на острые проблемы, выдвигаемые в ходе общественного развития, то содержание кризиса связывают с целым рядом слабостей, обнаружившихся в самой системе социально-психологического знания. Большинство упреков относится к сфере методологии [Андреева, 1975], но все чаще именно в этом же ключе начинают анализировать и область теорий. Объектом критики становятся не просто отдельные теоретические построения и позиции, что имело место и ранее, а состояние теоретического знания в социальной психологии в целом, принципы построения теорий и, наконец, содержание исходных посылок теоретического анализа, обусловленных принятой автором философской ориентацией.

Таким образом, можно констатировать, что начиная с 60-х годов внутри западной социальной психологии усиливаются критические тенденции, порожденные ее внутренним кризисом, констатация которого (в различных, правда, терминах) получает широкое распространение в литературе. Нельзя сбрасывать со счета эту тенденцию, которая становится одним из факторов, характеризующих состояние социальной психологии как науки в 70-х годах XX в. Источники этой критической тенденции весьма разнообразны.

Учитывая тот факт, что современная социальная психология для Запада долгое время отождествлялась с американской социальной психологией, весьма примечательным является прежде всего такой источник, как голос определенной группы американских социальных психологов, который все громче звучит в различного рода публикациях.

Другим источником критики является позиция группы европейских социальных психологов, объединенных преимущественно вокруг Европейской ассоциации экспериментальной социальной психологии (ЕАЭСП). Она возникла в 1963 г. по предложению американских ученых Дж. Ланцетти и Л. Фестингера при поддержке Американского комитета по социальным исследованиям, который обеспечил организацию первых мероприятий, а также частичное финансирование ЕАЭСП. С самого начала «европейский» принцип означал не территориальную характеристику, но скорее некоторую позицию относительно американской социальной психологии.

И наконец, еще один источник критики — позиция тех исследователей, которые выступают от имени марксизма. Эта группа весьма неоднородна, так как в ней наряду с защитой и обоснованием марксистских принципов в социальной психологии представлены взгляды и так называемого неомарксизма — течения, популярного среди представителей леворадикального движения конца 60-х годов. Их позиция весьма специфична и должна быть выделена для специального анализа.

1. «ВНУТРИАМЕРИКАНСКАЯ» КРИТИКА

1.1. Уровни критического анализа

Что касается позиций американских социальных психологов, то они также весьма неоднозначны. Критика в адрес существующей ситуации присутствует, пожалуй, почти во всех работах, но мера ее глубины и остроты, естественно, различна у разных авторов. Общие тенденции, которые можно было подметить уже в самом начале их зарождения, заключаются в том, что для большой массы социальных психологов сформулированные в прошлый период нормы исследования по-прежнему сохраняют значение эталонов, общий стиль их работ остается неизменным, несмотря на (или даже вопреки им) драматические дискуссии о судьбах науки, развертывающиеся в литературе. Наиболее консервативным плас-

том социальной психологии остается именно основной массив исследований, относительно которого полемика о принципах науки является как бы внешней. Это обстоятельство чрезвычайно усложняет анализ общего состояния социальной психологии в США. В огромном количестве публикаций удельный вес таких работ, содержание которых может быть иллюстрацией, что «ничего не произошло», довольно велик. Поэтому при ознакомлении по преимуществу с этим кругом работ может родиться впечатление о сохраняющейся стабильности состояния социальной психологии. Кроме того, существует огромное количество учебников для студентов, в которых действительно необходимо «проговорить» всю ситуацию, как она складывалась на протяжении последних 40—50 лет, и где современному состоянию может быть уделено несколько страниц в заключении.

Картина, вырисовывающаяся из этого источника, также может быть значительно искаженной. В этом основном массиве исследований критический элемент, если он и присутствует, представлен частными замечаниями в адрес частных методик, в лучшем случае — в адрес тех положений частных теорий, которые слабо поддаются экспериментальной проверке.

Гораздо определеннее критическая позиция заявлена в работах тех исследователей, которые сами связаны с областью теоретической деятельности (что не исключает известности этих авторов и в области экспериментальной практики). К этой группе можно отнести многих весьма известных представителей американской социальной психологии: М. Дойча, Р. Абельсона, Р. Зайонца, Т. Ньюкома, С. Аша, Э. Аронсона, Ф. Зимбардо, Д. Кемпбелла и многих других. В их работах зачастую соседствуют исследования, которые сами становятся объектом критики, как это имеет, например, место с исследованиями конформизма Ашем или согласия Ньюкомом, со специальными теоретическими критическими экскурсами в область общей ситуации, сложившейся в социальной психологии.

В статье, помещенной в сборнике под названием «Социальная психология на распутье», Ньюком, явившийся пионером в определении двойственного статуса социальной психологии как психологической и социологической дисциплины, не ограничивается простой констатацией этого факта, но строит на нем весьма определенную критическую позицию: «Я не удовлетворен современным состоянием социальной психологии... Моя неудовлетворенность объясняется не только признаками кажущейся активности в области социальной психологии, но и состоянием развития тео-

рии и исследований, ведущихся в этой области» [Ньюком, 1984, с. 16]. В этой связи он выражает опасения, что ожидания коллег относительно дальнейшего прогресса социальной психологии превышают то, что будет иметь место в ближайшем будущем. С его точки зрения, основная проблема — это неумение социальной психологии сочетать психологический и социологический подходы.

Главный порок психологического подхода (а он, по мнению Ньюкома, доминирует среди американских социальных психологов) заключаются в том, что его представители, справедливо настаивающие на единых принципах поведения человека в социальной и несоциальной среде, не учитывают глубокой специфики человеческого поведения именно в *социальной* среде, новых проблем, возникающих в этих условиях [там же, с. 17]. Дело не поправляет и перенос исследований в поле, ибо сами условия групповой жизни, в том числе и в поле, понимаются упрощенно: к ним по-прежнему стремятся приложить принципы поведения, выявленные в несоциальных ситуациях.

Но и социологический подход имеет существенные просчеты, по мнению Ньюкома, так как здесь совсем не принимается во внимание характеристика биологических и психологических условий среды. «Их заблуждение, если выразить его суть в наиболее категоричной форме, состоит в предположении о том, что человеческие организмы по существу являются пустыми сосудами, которые заполняются культурой» [там же, с. 17]. Вопрос, таким образом, упирается вновь в понимание предмета социальной психологии, которая, с точки зрения Ньюкома, в будущем должна «...уточнить и систематизировать наши знания о том, как протекают психологические процессы в естественных условиях жизни группы» [там же, с. 18]. И хотя Ньюком не делает критических замечаний в адрес конкретных социально-психологических теорий, которые игнорируют таким образом сформулированную для социальной психологии задачу, его предложения подразумевают недостаток и теоретического знания, поскольку включают радикальный пересмотр стиля планирования исследований, составления их программы, построения гипотез.

В аналогичном ключе, т.е. с позиций исследователя, репрезентирующего существующую традицию, но озабоченного в то же время и достаточно общими проблемами, выступает С. Аш, которому принадлежит статья «Перспектива социальной психологии», помещенная в многотомном издании З. Коха «Психология: исследование науки» [Asch, 1959]. Аш рассматривает в этой работе раз-

личные точки зрения, сложившиеся относительно понимания места социальной психологии в системе наук, ее отношений с общей психологией. Таких точек зрения Аш насчитывает три. Первая точка зрения заключается в том, что социальная психология является исключительно прикладной дисциплиной, задача которой — дать приложение некоторых законов «несоциальной» психологии к более сложным условиям. Вторая, еще более прагматическая, точка зрения состоит в том, чтобы допустить правомерность социально-психологических исследований в любой области общественной жизни, однако при условии, что они не будут затруднять себя «установлением отношений к более фундаментальным проблемам». При таком подходе, по мнению Аша, социальная психология обречена на то, чтобы остаться простой технологией, но не наукой. Наконец, третья точка зрения полагает, что социальная психология не есть прикладная дисциплина. Ее задача — внести определенный вклад и в теорию, причем решение этой задачи невозможно на пути изучения изолированных индивидов. Необходим анализ того, что происходит между людьми, что неизбежно означает расширение границ традиционных методик: никакая экспериментальная процедура не будет достаточной для решения задачи наблюдения в реальных условиях их существования [op. cit., p. 366].

Аш принимает именно эту точку зрения, которая уже самим фактом своего существования выражает некоторую оппозицию имеющейся традиции. Однако и в его обзоре нет анализа *содержания* теорий или попыток выявления каких-либо принципиальных просчетов в общей системе теоретического знания, как оно представлено в американской социальной психологии. Равным образом отсутствует здесь и какой-либо анализ философских основ социально-психологического знания. Недостатки усматриваются не в этой сфере, они в большей степени видятся автору в неверной стратегической установке исследователей. Нет сомнения, что и эта область дает основательный материал для критики.

К критическим построениям такого рода, очевидно, следует отнести и замечания, исходящие от тех социальных психологов, которые специально анализируют судьбу социально-психологического эксперимента (М. Орн, М. Розенталь, М. Розенберг, И. Сильвермен и др.). Этот тип критики появился уже довольно давно и является постоянным спутником исследований 50—60-х годов [Андреева, 1975]. Однако в самое последнее десятилетие в американской литературе появляются подходы более широкого плана, где значительно расширяется сама сфера критического анализа.

1.2. Радикальная позиция В. МакГвайра

Примером могут служить работы американского исследователя В. МакГвайра [McGuire, 1968; 1972. Рус. пер.: 1984]. Статья «Социальная психология», опубликованная в изданном в Англии сборнике «Новые горизонты в психологии», — переработанный вариант доклада на XIX Международном конгрессе по научной психологии («Инь и Ян прогресса социальной психологии») — дает солидный материал для рассмотрения самого критического анализа американской социальной психологии, предпринятого американским же автором. Рассматривая основные тенденции развития американской социальной психологии, МакГвайр вводит некоторые элементы науковедческого анализа, в частности обращается к идее парадигмы. Он отмечает, что современный период характеризуется в социальной психологии как период смены парадигм. Однако парадигма понимается здесь не в ее строгом значении, а скорее как некоторый «образ» науки на определенном этапе ее развития. Всякая парадигма, по мысли МакГвайра, включает два компонента: *творческий* и *критический*. Творческий компонент можно отождествить с деятельностью по формулированию гипотез, а критический — с деятельностью по их проверке.

Старая парадигма, которая господствовала в американской социальной психологии начиная с 20-х годов, характеризовалась тем, что гипотезы, как правило, формулировались на основании существующих теоретических концепций, причем эти концепции в большинстве случаев заимствовались из других областей психологии, например из патопсихологии. Для критического компонента было характерно господство лабораторного эксперимента как способа проверки этих «теоретически релевантных» гипотез [МакГвайр, 1984, с. 33]. Хотя МакГвайр не отрицает, что в исследованиях существовали и отклонения от этой парадигмы, они были незначительными. В последующие годы радикальной критике были подвергнуты оба аспекта старой парадигмы: характер гипотез, ориентированных исключительно на теории, и характер экспериментов, когда они превратились лишь в средство лабораторного манипулирования.

Новая парадигма, которая складывается взамен старой, обладает теми же двумя компонентами, но содержание каждого из них изменяется. Ее творческий компонент связан с иным

качеством гипотез: родилось требование, чтобы гипотезы стали релевантными не столько теориям, сколько социальной практике, чтобы источником их формирования стали прежде всего социальные проблемы. Естественно, это вызывает необходимость изменений и внутри критического компонента науки: основным методом проверки такого рода гипотез должен быть уже не метод лабораторного эксперимента, но эксперимент в полевых условиях. Два направления этого поиска — поиск гипотез, релевантных не столько теориям, сколько реальным социальным проблемам, и поиск более заботливой концептуализации социально-психологического знания путем включения в него более сложных форм эксперимента — называются МакГвайром «инновациями», которые призваны значительно изменить облик социальной психологии.

В сообществе социальных психологов произошел определенный раскол, поскольку одни с готовностью включились в создание новой парадигмы, так как это отвечало и их собственным скептическим оценкам существующего положения вещей, другие же предпочли сохранить старый стиль исследований. Наличие одновременно двух названных ориентаций приводит к конфликтной ситуации в области программ университетских курсов, поскольку речь, по существу, идет о двух различных *стилях мышления,* между которыми окажутся, по мысли МакГвайра, студенты. Однако в целом все же можно, по-видимому, констатировать, что новая парадигма получила в конечном счете преобладающее развитие.

Собственная же позиция автора этого анализа не означает принятия ни той, ни другой парадигмы. С его точки зрения, весь радикализм, на который претендует новая парадигма, есть радикализм мнимый, хотя она и вызвана к жизни не только внутренними причинами развития социальной психологии, но весьма радикальным социальным и политическим движением. МакГвайр связывает становление новой парадигмы с движением «новых левых», которое развернулось в США в 60-е годы, в частности с теми лозунгами этого движения, которые были направлены против «истэблишмента». Однако дальнейшая судьба новой парадигмы довольно показательна для многих традиций, складывающихся в области социальных наук на Западе: начав с выступлений против официальной идеологии и науки, новая парадигма социальной психологии превращается в конечном счете в атрибут своего рода «нового

истэблишмента», т.е. в систему таких исследовательских принципов, которые вновь с успехом используются официальными учреждениями буржуазного общества. Поэтому-то «радикальность» парадигмы и оказывается весьма умеренной. Хотя МакГвайр в своем анализе и не касается причин такой минимизации радикализма новой парадигмы, все же сама констатация этого факта представляет большой интерес.

Конкретно слабость новой парадигмы МакГвайр усматривает как в ее творческом, так и в ее критическом аспекте. Хотя гипотезы здесь и провозглашаются «социально релевантными», т.е. полученными на основании анализа реальных социальных проблем, они, тем не менее, в такой же степени, как и «теоретически релевантные» гипотезы, базируются на простых линейных моделях процессов, вследствие чего оказываются неадекватными истинной сложности когнитивных структур индивида или социальных систем [МакГвайр, 1984, с. 35]. Новая парадигма вновь оказывается «плохой» не потому, что «плохи» переменные, с которыми она имеет дело, а потому, что она вновь пасует перед сложностью, связанной «с организацией переменных в индивидуальных и социальных системах» [там же, с. 36].

Уязвим и критический аспект новой парадигмы: эксперимент теперь, хоть и перенесен из лаборатории в поле, проводится и здесь по старым схемам, когда главная забота экспериментатора — максимально упростить условия, абстрагироваться от всех переменных, кроме тех, которые строго нужны «под гипотезу». Эксперименты и в этом случае остаются не средством проверки гипотез, а средством демонстрации их очевидной истинности: «Если эксперимент не подтвердил гипотезу, то исследователь не говорит, что плоха гипотеза, но, скорее, что что-то плохо было в эксперименте, и он корректирует и пересматривает его, подбирая более подходящих испытуемых, усиливая манипулирование независимой переменной, исключая вероятность внешних воздействий или организуя более подходящий контекст» [там же, с. 37]. Поэтому замена лабораторного эксперимента полевым приобрела характер тактической уловки, но не приблизила к тому, чтобы увидеть настоящие проблемы общества. Поэтому МакГвайр считает, что нужно построить еще одну, действительно новую парадигму, которая бы соответствовала всем новым требованиям, предъявленным к социальной психологии, и вообще знаменовала бы собой «новую социальную психологию».

Поскольку трудно в двух словах сформулировать эту новую радикальную парадигму, МакГвайр предлагает изложить ее в виде некоторых принципов и комментариев, которые сам он называет «коэнами». Вот их краткое содержание. Принцип первый: «Если гипотеза тривиальна, едва ли нужен гигантский методический арсенал, чтобы проверять ее». (Мораль: в учебных курсах следует уделять значительно большее внимание не тому, как гипотезы проверять, а тому, как их конструировать.) Принцип второй: «Надо научиться думать в терминах более сложных систем, ибо сложность когнитивных и социальных систем исключает эвристическую ценность простых линейных моделей». Принцип третий: «Наблюдай, но наблюдай людей, а не данные». Очень часто, желая противопоставить себя философу, социальный психолог призывает к изучению реальности, но сам проскакивает сквозь реальность, подобно Алисе в стране чудес, проскакивающей сквозь зеркало в Никакую страну. Такой социальный психолог оказывается добровольным пленником платоновских цепей, куда он поместил себя, повернувшись спиной к внешнему миру и наблюдая только тени на его стенах; это выражается в том, что такой исследователь «наблюдает не разум или поведение, а суммирует данные или таблицы ЭВМ» [там же, с. 44]. Принцип четвертый: «Нужно видеть будущее в настоящем, находить настоящее в прошлом». Иными словами, нужно накапливать архивы социальных данных так, чтобы в исследованиях не упустить временнóй перспективы. Принцип пятый: «Создать новую методологию, где будут присутствовать не простые корреляции, но новые методы шкалирования качественных данных, многомерного, а также каузального анализа». Принцип шестой: «Богатство бедности», что означает картину современного состояния американской социальной психологии. Легкость получения финансовой поддержки исследований, характерная для предшествующего развития социальной психологии, привела к тому, что порой «развивалась дорогостоящая и утомительная активность: привлекалось все больше и больше сотрудников, которым нужно было придумывать задания, которые фактически уже были выполнены» [там же, с. 47]. В действительности это означает не богатство, а бедность науки, поскольку данные не интегрированы, они не интересны и представляют собой простые нагромождения. (Мораль: «Мы должны больше времени уделять интерпретации и интеграции эмпирических соотношений... чем добавлять новые к уже существующим») [там же, с. 48]. Принцип седьмой:

«Противоположное Большой Истине есть тоже Истинное», т.е. всему, о чем здесь говорилось, можно придать и противоположное значение, каждый принцип толковать как бы с обратным знаком. МакГвайр полагает, что именно возможность таких различных интерпретаций задач социальной психологии, понимания ее проблем и есть характерный признак ее сегодняшнего состояния.

Несмотря на такой несколько неожиданный конец, который существенно девальвирует выдвинутые принципы, рассуждения МакГвайра, в общем, свидетельствуют о том, что кризис внутри американской социальной психологии был осознан на значительно более глубоких уровнях, чем отдельные замечания по отдельным поводам. Недостатком приведенного анализа является, правда, довольно очевидная робость попыток связать все названные явления как с более глубокими философскими основаниями социально-психологического знания, так и с определенными социальными причинами, порождающими мнимый радикализм преобразований, предлагаемых в области теории и методологии. Правильно схваченная общность двух внешне совершенно противоположных парадигм не получает своего объяснения; между тем такое объяснение могло бы быть дано, если обратиться именно к метауровню анализа, т.е. выйти за пределы собственно социально-психологических построений. Тогда станет ясно, что и старая, и новая парадигмы в самых своих исходных принципах заданы в рамках позитивистской методологии. Все модификации стратегии социально-психологических исследований, предлагаемые новой парадигмой, не отражают каких-либо принципиально новых эпистемологических оснований науки. Чисто гносеологический рисунок исследовательского подхода остается тем же самым: «социально релевантные гипотезы», проверяемые в полевых экспериментах, проверяются по той же самой гносеологической модели, что и «теоретически релевантные» гипотезы в лабораторных манипуляциях.

Точно так же новая парадигма сама по себе не вносит ничего нового и в понимание социальных задач науки. Характер социальных задач, как и сама социальная ориентация науки, задается не господствующей парадигмой, а причинами, коренящимися вне сферы научного знания. Он задается конкретными требованиями, которые предъявляются науке в определенном типе общества, а также ее общей идеологической позицией. Критика же, предпринятая МакГвайром, есть, конечно, критика *изнутри*, критика, не выводящая за пределы единой системы принимаемых принципов,

единой мировоззренческой основы. Внутри этих рамок критика вряд ли может быть более глубокой, и поэтому сам факт существования такого рода критических тенденций в американской социальной психологии есть доказательство действительной глубины охватившего ее кризиса.

Справедливости ради следует признать, что МакГвайр и некоторые другие авторы пытаются в определенной мере выйти за рамки этого слишком узкого подхода. В весьма осторожной форме МакГвайр ставит, например, вопрос о том, что моральные проблемы социально-психологического эксперимента сплошь и рядом перерастают в определенные политические проблемы: «теперь все чаще ставится вопрос не о том, как делать исследование, а о том, каким целям оно служит» [McGuire, 1972, p. 238], иными словами, вопрос об ответственности социального психолога за использование результатов его исследования. Такого рода постановка проблемы, естественно, требует критического анализа существующих в социальной психологии традиций с позиции *извне,* т.е. не просто с иных теоретических позиций, но и с иных мировоззренческих позиций.

В этом же плане довольно симптоматичной представляется точка зрения Г. Триандиса. Касаясь непосредственного содержания функционирующих в социальной психологии теорий, Триандис подвергает их критике еще и за то, что они полностью игнорируют различие культур. По мысли Триандиса, именно низкий уровень абстракций в этих «мини-теориях» приводит к тому, что они охватывают весьма ограниченный круг феноменов, что и привязывает их к одной единичной культуре и делает неприемлемыми для всякой иной культуры. В качестве примера рассматриваются теории соответствия, и в частности, как отмечалось, теория когнитивного диссонанса. Триандис полагает, что применение этой теории к любой незападной культуре сразу же порождает целый ряд трудностей: например, стремление к уменьшению диссонанса оказывается гораздо более значимым для человека Запада, в то время как восточные культуры демонстрируют большую терпимость к диссонансу [Triandis, 1975, p. 83]. Само понимание психологической комфортности находится в определенном отношении к традициям культуры, воспитания и т.д. Игнорирование этого факта, по мысли Триандиса, приводит к крайнему обеднению социальной психологии.

Несмотря на то что эти рассуждения вплотную подводят к идее социальной обусловленности содержания социально-психологи

ческих теорий, к их зависимости, хотя и опосредованной, от конкретного типа общества, сам автор такого вывода не делает. Вольно или невольно, но критика вновь переносится в чисто гносеологический план: социальная «нерелевантность» концепций связывается лишь с недостаточно высоким уровнем употребляемых абстракций. Тот факт, что исследователь находится внутри определенной социальной позиции науки, не позволяет ему перейти на более высокий уровень критического анализа.

2. «ЕВРОПЕЙСКАЯ» КРИТИКА

Чрезвычайно важным является теперь сопоставление критических тенденций, заявленных в американской социальной психологии, с теми оценками, которые даются ей в работах европейских коллег. Следует помнить, что сама ситуация, сложившаяся в социальной психологии европейских капиталистических стран, в течение длительного периода была своеобразным слепком с американской социальной психологии. Об этом можно судить по содержанию исследований и по их методологической оснащенности, по популярности образцов американской теоретической мысли и, наконец, по популярности имен самих американских исследователей. Новое движение, обозначившееся здесь вместе с созданием Европейской ассоциации экспериментальной социальной психологии и только еще формулирующее программу для «европейской» социальной психологии, находится лишь у своих истоков[17].

Поскольку многие позиции, изложенные в официальных изданиях ЕАЭСП, разделяются большинством европейских исследователей (хотя они отнюдь не всегда являются ее официальными членами), при анализе «европейской» критики можно в основном сконцентрировать внимание на позициях этой ассоциации, тем более что ее публикации, да и вся деятельность в известной мере претендуют на то, чтобы выступить в качестве общего знамени современной критической тенденции. ЕАЭСП объединила вокруг

---

[17] Особое место занимают позиции ряда социальных психологов Канады, где длительное время господствовала американская социальная психология и где впоследствии особенно радикальным становится критицизм по отношению к ней. Это отчетливо проявилось на конференции 1974 г. «Парадигмы и приоритеты в социальной психологии», материалы которой изложены в книге «Социальная психология на переходе» [Strickland, Gergen, 1976].

себя многих видных европейских исследователей в области социальной психологии (А. Тэшфел из Англии; С. Московичи, К. Фламан из Франции; Р. Харре, Р. Ромметвейт из Норвегии; И. Асплунд из Дании; И. Израэль, Х. Виберг из Швеции; М. Ирле и П. Шёнбах из Германии; Марио фон Кранах из Швейцарии и др.). В ЕАЭСП входит также ряд социальных психологов из восточноевропейских стран, а также из России. Платформа ЕАЭСП интересна прежде всего как своеобразное средоточие критических позиций относительно традиций социальной психологии XX в., сложившихся на американской почве и в американском ключе. Своеобразной программой можно считать работы А. Тэшфела и С. Московичи. Ими, собственно, сформулирована альтернатива, которая сегодня стоит перед социальной психологией: следовать ли традиции хорошо организованной экспериментальной дисциплины, основанной на идеях и методах последних двадцати лет, или, выразив крайнюю неудовлетворенность этим состоянием, приступить к поиску новых теорий и новых принципов [The Context of Social Psychology, 1972]. Авторы, естественно, призывают следовать по второму пути, для чего прежде всего предлагают оценить общую ситуацию. Позиция каждого из них заслуживает того, чтобы быть рассмотренной подробно[18].

2.1. Теория и общество (С. Московичи)

Ситуацию в европейской социальной психологии Московичи определяет следующим образом: «Куда ни глянь — до нас, впереди нас и вокруг нас — была и до сих пор есть американская социальная психология» [Московичи, 1984, с. 208–209]. Такая ситуация, с точки зрения автора, недопустима, потому что по самому своему определению эта дисциплина должна быть ориентирована на *социальные проблемы* общества, а они, естественно, различны в Америке и в Европе. Московичи считает, что успехи американской социальной психологии основываются не на том, что она искусна в методах или теориях, а прежде всего на том, что она обращена лицом к проблемам *ее собственного* общества. Так же и ев-

[18] Поскольку статьи С. Московичи и А. Тэшфела в сокращенном переводе приведены в книге «Современная зарубежная социальная психология. Тексты» [1984], в дальнейшем ссылки на эти работы будут даны на русском языке.

ропейская социальная психология должна обратиться к своим собственным социальным проблемам. В противном случае «выучка» у американцев может привести лишь к тому, что «мы делаем не что иное, как перенимаем заботы и традиции другого общества; мы ведем теоретическую работу по решению проблем американского общества и, значит, можем получить признание как методологи или экспериментаторы, но не как специалисты в области социальной психологии» [там же, с. 210]. Правда, вслед за этим следует довольно существенная критика американской социальной психологии именно за то, что она оказалась весьма слабо связанной со своими собственными социальными проблемами. Лакмусовой бумажкой, которая, по мнению Московичи, позволила испытать социальную психологию на ее социальную зрелость, явились события 1968 г., так называемая студенческая революция. Тот анализ, который дает Московичи леворадикальному молодежному движению, не претендует на полноту, он подчеркивает лишь один его аспект — ярко прозвучавший в лозунгах левых студенческих движений протест против официальной системы социальных наук.

Действительно, в движении «новых левых» довольно четко были сформулированы критические суждения относительно официального обществоведения. Лидеры «новых левых» утверждали, в частности, что социальные науки, по своей сущности связанные с актуальными проблемами общества, с идеологией, развивались на Западе подчас в таком контексте, что «успешно» игнорировали все эти проблемы. По словам Московичи, лозунги левых студенческих движений заставили осознать, что хорошие методы еще не означают подлинно научного исследования: «Студенты обвиняли нас в том, что мы погрязли в методических вопросах, что мы преспокойно игнорируем проблемы социального неравенства, политического насилия, войн, экономической отсталости и расовых конфликтов» [там же, с. 212]. Сам факт устранения социальных наук от анализа острых социальных проблем был истолкован как определенная позиция этих наук, а именно как позиция оправдания «истэблишмента», т.е. позиция «науки порядка», а не «науки движения».

Социальная психология рассматривалась теоретиками этих движений наряду с другими социальными дисциплинами и была ассоциирована с официальной наукой буржуазного общества. В этом смысле можно согласиться с анализом леворадикального студенческого движения, данным Московичи.

Его же собственный подтекст заключается в том, что «ответственность» за такое положение социальной психологии несет

американская традиция, где изощренность в измерительных процедурах, в лабораторном эксперименте увела исследователей от подлинных проблем общества. Главное обвинение, которое предъявляет Московичи американской социальной психологии, — это обвинение в «асоциальности». Обращаясь к ряду известных работ, Московичи формулирует свою оценку большинства традиционных американских исследований как создающих социальную психологию «стерильной личности», т.е. личности, выведенной из социального контекста и заданной лишь в контексте лаборатории.

Для преодоления такой традиции Московичи предлагает осознать значение важнейших фундаментальных вопросов, связанных с положением и ролью науки в современном обществе. Одной из таких проблем является роль идеологии в научных исследованиях: «Позитивистская мечта о науке без метафизики (имеется в виду философия. — *Авт.*), которая в наше время часто выражается в виде требования науки без идеологии, скорее всего так и не сбудется. Эту мечту можно считать прекрасной сказочкой, которую рассказывают друг другу ученые» [там же, с. 212]. Идеологическая направленность науки, ее политическая релевантность сейчас острее, чем когда бы то ни было прежде, и главный вопрос, который стоит перед учеными, по мнению Московичи, — это вопрос о том, должна ли наука поддерживать, консолидировать социальный порядок или критиковать, преобразовывать его.

Для социальной психологии также важно отдать себе отчет в том, «кто задает вопросы науке и кто дает на них ответы», иными словами, исследовать в полном объеме проблему «Общество и теория социальной психологии» (это же и вынесено в заголовок программной статьи Московичи). Это тем более важно сделать, потому что сам материал истории социальной психологии показывает, насколько тесна связь различных поворотов исследовательской стратегии, направлений теоретического анализа с исторически выдвигаемыми общественными проблемами: исследования Левина по групповой динамике были своеобразным ответом на необходимость повышения производительности труда, удовлетворенности трудом; исследования изменения аттитюдов (в частности, известный эксперимент Коха и Френча) были порождены проблемами модернизации фирм и фактом недовольства рабочих ее условиями. Московичи довольно едко замечает, что в работе Коха и Френча аттитюд недовольных рабочих трактовался как «сопротивление», а аттитюд фирмы — как «изменение», что не оставляло сомнения в

идеологической позиции исследователей [там же, с. 214]. Анализ конфликтов и применение теории игр в эмпирических исследованиях также определялись возникшими общественными проблемами.

Доминирование экспериментальной традиции в социальной психологии плохо не потому, что эксперимент как метод непригоден, а потому, что на уровне экспериментального исследования утрачивается возможность видеть связь изучаемой проблемы с социальным контекстом. Поэтому задача заключается отнюдь не в том, чтобы ликвидировать экспериментальную практику в социальной психологии, а в том, чтобы сконцентрировать нужное внимание и на разработке теорий. Главное препятствие этому, по Московичи, — господство позитивистской эпистемологии, включающей в себя абсолютизацию «данных», полагающей, что эксперимент — «высшая марка науки». Социальная психология, не вполне уверенная в том, что ее образ соответствует позитивистскому образу науки, вынуждена была с особой тщательностью делать акцент на ритуале экспериментального исследования, и интерпретация этого факта в рамках позитивизма привела к серьезной недооценке теоретического знания. Пока будет существовать это господство позитивистской эпистемологии, дело развития теорий в социальной психологии вряд ли будет прогрессировать [там же, с. 218].

Другую помеху на пути развития теоретического знания Московичи видит в том молчаливом компромиссе, который установился в социальной психологии между наблюдением и экспериментом не просто как различными методами исследования, но как принципиально различными стратегиями исследования разных проблем. Московичи отождествляет эти «стратегии» с двумя различными ветвями социальной психологии: психологической и социологической. Абсолютизация каждой из этих двух стратегий по-своему препятствует становлению адекватных теорий потому, что сторонники экспериментальной стратегии хотят видеть в теории лишь средство для интерпретации собранных фактов, а сторонники стратегии наблюдения недооценивают такую важную часть теоретической деятельности, как тщательное формулирование гипотез. С точки зрения Московичи (совпадающей, кстати, с диагнозом, поставленным в США Ньюкомом), более очевидной тенденцией до сих пор остается существование социальной психологии как ветви общей психологии, и именно это препятствует сближению социальной психологии с социальными проблемами. Развитие социальной психологии в «психологическом» направле-

нии приводит к тому, что исследователям в лучшем случае удается углубить знания «весьма общих процессов, таких как восприятие, мышление или память, которые остаются неизменными во всех своих видах и условиях функционирования и воспроизводства, которые в конечном счете сводимы к законам психологии животного или индивида, психофизики или психофизиологии» [там же, с. 219].

Московичи решительно высказывается за другой тип развития дисциплины, когда социально-психологические проблемы будут рассматриваться с социологической точки зрения. Только на этом пути социальная психология сможет развиваться путем исследования социальных процессов в более широком масштабе — в масштабе общества в целом. Для иллюстрации возможностей такого подхода Московичи называет стратегии, примененные в ряде исследований европейскими авторами. Так, в частности, в качестве примера может служить изучение культур: «Здесь социально-психологические механизмы подчинены культурному и социальному контексту поведения, социальной канве фундаментальных аспектов психологического функционирования или культурным особенностям процессов обучения и социализации» [там же, с. 220].

Наряду с такой «социологизацией» социальной психологии необходимо восстановить ее связь с философскими проблемами знания. На протяжении определенного периода времени социальная психология развивалась в конфронтации с философией, отсюда исторически сложившаяся у социальных психологов боязнь спекуляций, что и способствовало преувеличению значения экспериментов. В этом смысле эксперименты играют отрицательную роль, поскольку защитники экспериментальной стратегии используют их как своего рода защитный символ, дающий возможность доказать миру, что деятельность исследователей относится именно к науке, а не к философии. Им свойственно опасение, что если этот символ будет утрачен, неизвестно, будут ли признаны их работы «научными». «Поэтому манипулирование идеями приемлемо лишь при том условии, что оно более или менее прямо ведет к экспериментированию или, что также возможно, если оно приводит к математической формализации, которая, как бы слаба или груба она ни была, производит впечатление “респектабельности”» [там же]. Возражая против такой аргументации, Московичи справедливо утверждает, что сами по себе методы и формальный язык еще не гарантируют «научности» науки. Сама же аргументация подобного рода лишь препятствует развитию теорий.

Даже когда теории возникают, они в значительной степени обесцениваются, как только начинают свое существование в рамках господствующих предрассудков. Примером такого незавидного существования тèории является, по мнению Московичи, судьба теории когнитивного диссонанса Фестингера. Поставив ряд полезных вопросов и доказав свою продуктивность с точки зрения возможностей проведения исследований, теория Фестингера в дальнейшем оказалась низведенной до решения каких-то второстепенных задач, углубилась в детали методики, в проблемы отбора испытуемых для экспериментов и т.д. и тем самым обрекла себя на то, что ее стали «не замечать». Здесь весьма резко подчеркнут тот действительный факт, что сформировавшиеся сегодня в американской социальной психологии теории живут как бы своей изолированной жизнью, в довольно значительном отрыве от исследовательской практики: «Существует самый настоящий раскол, так глубоко разделяющий научное сообщество, что есть полное право задать вопрос, не имеем ли мы дело с двумя различными типами ученых или двумя отдельными дисциплинами» [там же, с. 218–219]. Вывод же, который делает Московичи из своего анализа, заключается в том, что, поскольку теория и эксперимент никогда полностью не смыкаются друг с другом и получение знания есть результат противоречий между ними, «необходимо правильно использовать диалектическую связь между ними» [там же, с. 226].

Само по себе бесспорное, это утверждение только в том случае даст нужные плоды, когда содержание теории в социальной психологии будет адекватным, иными словами, когда — как минимум — правильно будет понято, что же считать *«социальным»* в социальной психологии. Если его признаком считать простой факт присутствия другого человека или даже множества людей, то такой подход вновь исключает фундаментальные характеристики социальной системы, внутри которой действуют личности. Социальная психология, довольствующаяся предложенным пониманием «социального», исследует не систему, в которой действует человек, но лишь субсистему, а именно субсистему межличностных отношений. Московичи справедливо замечает, что это вновь «частная социальная психология, которая не включает наиболее существенного». Поэтому недостаточно считать социальную психологию наукой, изучающей социальное поведение «как *продукт* общества или поведение *в* обществе... Социальную психологию нужно обновлять, чтобы она стала действительно наукой о таких соци-

альных феноменах, которые есть *основа* функционирования общества, о *сущностных* процессах деятельности в нем» [Moscovici, 1972, p. 57]. Пока же социальная психология имеет ничтожное значение для решения реальных социальных проблем. «Социальная психология должна выйти из академического, в частности из американского, гетто. Она должна повернуться к реальности, участвовать в социальных экспериментах и в установлении новых социальных отношений» [op. cit., p. 64].

Как видно, автором дана достаточно радикальная критика существующего положения дел. Со многими положениями этой критики вполне можно согласиться, правда, чаще в постановке проблем, чем в предложенных решениях. На наш взгляд, критическая сторона в рассуждениях Московичи значительно сильнее, чем позитивная. Анализ состояния теоретической мысли в американской социальной психологии доказывает в большинстве случаев адекватность оценок, данных Московичи. Справедливости ради следует сказать, что и среди американских исследователей совсем немало таких, кто почти в тех же самых формулировках ставит предлагаемые Московичи вопросы, как это видно на примере критических построений МакГвайра. Точно так же почти весь набор обсуждаемых проблем присутствует и у ряда других европейских авторов. Может быть, у Московичи они просто более резко обозначены, а приведенные суждения и оценки более категоричны. Во всяком случае, критическая программа представлена весьма четко.

Что же касается позитивной программы Московичи, то здесь напрашивается несколько существенных возражений. Прежде всего, они касаются бесспорного самого по себе тезиса о том, что социальная психология может быть наукой только в том случае, если она анализирует социальные проблемы *своего* общества. Однако вряд ли это суждение можно принять в столь категоричной формулировке: конечно, прямая задача социальной психологии — исследование социально-психологической стороны тех социальных проблем, которые актуальны для своего общества. В этом смысле чрезвычайно важно для социальной психологии умение выявить особые феномены, свойственные лишь определенному типу общества. Но вместе с тем разве можно исключить из сферы ее научных интересов социально-психологические феномены *других* обществ и культур? Такое важное средство исследований, как сравнительный анализ (то, что вошло в социальную психологию под названием «cross-cultural analysis» — «межкультурные исследова-

ния»), возможно лишь при сопоставлении аналогичных феноменов в различных типах обществ, и поэтому нет оснований отбрасывать подобного рода задачу со счета социальной психологии. При этом, однако, важно, что понимать под «типом» общества, и это может являться основанием для второго возражения Московичи.

Действительно, американские проблемы есть американские проблемы, если под термином «американские» понимать «относящиеся к США». Верно, что нельзя стать социальным психологом, обращаясь только к американскому опыту. Но вот с определением «европейских» проблем возникает целый ряд затруднений. Прежде всего при оценке социальных проблем (а Московичи делает акцент именно на этом) вряд ли можно апеллировать к географическому понятию. Во-первых, потому, что в различных европейских странах тоже существуют свои собственные и различные социальные проблемы, а во-вторых, — и это главное — потому, что, говоря о современной Европе, нельзя обойти молчанием тот факт, что на ее территории, так же, впрочем, как и в других частях земного шара, существуют принципиально различные типы обществ. Если уж следовать тезису, что у каждого общества «свои» социальные проблемы, то гораздо правильнее фиксировать не просто различие «американских» и «европейских» социальных проблем, но делать акцент на необходимости учета специфики каждого общества.

Конечно, это прежде всего область интереса социологических и политических наук, но коль скоро социальную психологию призывают обратиться лицом и к такого рода проблемам, она должна решать их корректно. Сама же степень интереса социальной психологии к социальным проблемам общества также должна быть определена более строго. Можно согласиться с тем, что американская социальная психология во многом проиграла, механически перенеся на свои принципы и методы положения индивидуальной психологии. Будет естественным согласиться и с тем утверждением, что дальнейший прогресс социальной психологии может быть достигнут лишь при условии ее большей включенности в исследование социальных проблем. Но при характеристике такой перспективы важно все-таки сохранить отличия социальной психологии от социологии. С этой точки зрения некоторое сомнение вызывает тезис о «социологизации» социальной психологии. Ее возрастающий интерес к социальным проблемам не означает ее превращения в социологию и даже ее отождествления с социологией. Спе-

16 – 2483

цифика подхода этих двух дисциплин к социальным проблемам, очевидно, должна сохраниться. Зафиксировать «социально-психологический угол зрения» на социальные проблемы представляется крайне важным для прогресса социальной психологии.

Подобно тому как серьезный урон социальной психологии наносит ее «психологическая редукция», нельзя ожидать ничего перспективного и от «социологической редукции». Вульгарный социологизм — тоже существенная помеха на пути социально-психологического знания. Между тем такая подмена социальной психологии социологией может возникнуть, если призывы к более активному «вмешательству» в социальные проблемы общества не сопровождаются выяснением специфики социально-психологического знания по сравнению с социологическим при анализе этих проблем. Кроме того, нельзя не учитывать еще и такой факт, что отнюдь не всякая социологическая традиция обязательно может служить гарантией действительной «социальной ориентированности» социальной психологии, если иметь в виду под социальной ориентированностью обращение к реальным, притом фундаментальным, проблемам общества, умение выделить эти проблемы. Скажем, эмпирическая тенденция в социологии, сложившаяся в США в начале XX в., сама подвергается острой критике за отказ от изучения таких проблем. Любопытно, что в известной на Западе книге А. Гоулднера «Грядущий кризис в социологии», содержащей призывы, направленные на то, чтобы вывести социологию из кризиса, почти дословно повторяются критические замечания Московичи по поводу социальной психологии (включая в том числе и апелляцию к «студенческой революции» 1968 г. как к фактору, обнаружившему просчеты официальной социальной науки). Следовательно, и сама социологическая традиция может быть весьма уязвимой в вопросе о социальной ориентированности науки. Таким образом, бесспорным в рассуждениях Московичи остается, по-видимому, лишь провозглашение необходимости союза социальной психологии с социальной практикой, но не идея замены социальной психологии любой формой социологического знания.

Несомненно, большим достижением Московичи является другое направление его позитивной программы, а именно разработка ***теории социальных представлений.*** Ее подробный анализ не входит в задачи настоящей работы, так как направление, заданное этой теорией, знаменует собой традицию всей французской психоло-

гической школы XX столетия и требует специального рассмотрения[19]. В данном контексте важно лишь подчеркнуть, что «противостояние» американской и европейской традиций в отношении к социально-психологической теории, по мнению многих авторов, наиболее ярко проявляется, в частности, и при анализе теории социальных представлений. Ее уместно рассматривать как пример теории *нового типа*. Хотя в ряде пунктов теория социальных представлений смыкается с теориями когнитивного соответствия, тем не менее она преодолевает, по мнению Московичи, «асоциальность» этих теорий: социальное представление не есть мнение отдельного человека, но мнение *группы*. Таким образом, при помощи новой концепции не только расширяется спектр тех социальных явлений, построение образа которых можно лучше понять, но и осуществляется переход от *индивидуального* к *массовому* сознанию, а это уже новый уровень социально-психологической теории.

2.2. Теория и эксперимент (А. Тэшфел)

Другим вызовом атеоретизму американской традиции являются идеи английского исследователя А. Тэшфела. Будучи, как и С. Московичи, одним из идеологов и разработчиков программы «европейского подхода» в социальной психологии XX в., А. Тэшфел сосредотачивает свое внимание как на критике существующего положения дел в этой области знания, так и на предложении конструктивной перспективы. Эти две части работы А. Тэшфела требуют своего раздельного рассмотрения.

Первая часть представлена в программной статье «Эксперименты в вакууме», опубликованной в уже упоминавшемся томе «Контекст социальной психологии»[20]. Здесь также проводится мысль о необходимости «спасения» социальной психологии на путях ее

[19] Этой проблеме в отечественной литературе посвящено много специальных работ, среди которых особое место занимает работа А. И. Донцова и Т. П. Емельяновой «Концепция «социальных представлений» в современной французской психологии» [Донцов, Емельянова, 1987]. Значительное место анализу этой теории уделено также в работе Г. М. Андреевой «Психология социального познания» [Андреева, 2000] и П. Н. Шихирева «Современная социальная психология» [Шихирев, 2000].

[20] Сокращенный перевод этой статьи также можно прочитать в книге «Современная зарубежная социальная психология. Тексты» (1984).

большего включения в анализ социальных проблем. Хотя содержание статьи больше касается проблем методологии, чем собственно теории, она также представляет большой интерес как симптом «европейской» критики. Основной пафос работы — защита социально-психологического эксперимента от его неправильного толкования, осуществляемая с серьезными ссылками на работы МакГвайра. Именно МакГвайру принадлежит критика социально-психологического эксперимента за то, что он оказался практически сведенным к манипулятивному исследованию в лаборатории, в то время как целесообразнее использовать этимологически более корректное значение слово «экспериментальный» — «проверяющий», «пробующий» и т.д.

Тэшфел соглашается с этим доводом, но констатирует, что, к сожалению, в большинстве современных социально-психологических исследований эксперимент остается именно «манипулятивным исследованием в лаборатории». Этот методологический крен связан с общим пониманием предмета социальной психологии, с теоретическими исходными принципами, принимаемыми исследователями. С точки зрения Тэшфела, большинство теорий в социальной психологии — это теории об индивидуальном, или межличностном, поведении. Все примеры сводятся к тому, что социальное поведение есть адаптация общих механизмов поведения к условиям, порожденным тем фактом, что оно совершается в окружении других людей. Поэтому, несмотря на четкие формулировки в учебниках, указывающие на то, что социальная психология является наукой о *социальном* поведении, что поведение детерминировано социальными факторами и «зависит» от социального контекста [Тэшфел, 1984, с. 230], на практике ввиду некорректного понимания самих социальных факторов и самой сути детерминации социальная психология рассматривает социальное поведение в пресоциальной, или даже асоциальной, перспективе.

Тэшфел отмечает чрезвычайно важную характеристику большинства существующих социально-психологических теорий, а именно тот факт, что в них переход от индивидуального поведения к социальному совершается без учета качественной специфики группы. Это порождает такую простую схему: сначала рассматриваются отношения индивида с индивидом в диаде, затем отношение индивида с небольшим числом индивидов, наконец, незаметно осуществляется переход к взаимоотношениям между группами. «Существующее положение исходит из того, что индивид — единица анализа. Он реагирует на других, другие реагируют

на него, и ничего нового не происходит», — справедливо констатирует Тэшфел. При таком подходе напрашивается аналогия с игрой в пинг-понг, где мячики-индивиды, конечно, сталкиваются друг с другом, но при этом не претерпевают никаких изменений ни под влиянием друг друга, ни под влиянием стола... Основной причиной такой принципиальной методологической слабости исследований является убеждение в том, что «несоциальные законы поведения индивида служат генотипической основой социальной психологии» [там же, с. 241]. По мысли Тэшфела, эксперименты лишь отражают существующие теоретические предпосылки. Цели, которые ставятся перед экспериментами, весьма ограничены: проверить гипотезы, сформулированные на основе несоциальных теорий, собрать данные, заботливо очищенные от социального контекста, так, чтобы они были релевантны гипотезам. Отсюда и неудовлетворенность, которая часто рождается несмотря на весьма квалифицированно проведенное исследование. Ограниченность его результатов, по существу, задана молчаливо принимаемой схемой: начинаем с предположений, полученных в повседневной жизни, применяем могучую экспериментальную и статистическую технику, наконец, получаем, что «то, что мы полагали верным, верно».

Если посмотреть на перечень примеров и иллюстраций, приведенных Тэшфелом, то становится ясным, что этот суровый приговор современной социальной психологии тоже достаточно недвусмысленно адресован американской традиции. Но многие из этих аргументов, как мы видели, не так уж чужды и отдельным американским авторам. Поэтому тенденция здесь схвачена верно, но вряд ли водораздел проходит по линии «американская традиция» — «европейская традиция». Подобно тому как в американской социальной психологии можно услышать немало голосов против существующей традиции, среди европейских коллег можно встретить немало ее последователей. Но если отвлечься от этого географического аспекта анализа, с критикой, высказанной Тэшфелом по существу дела, очевидно, вполне можно согласиться. Основной вывод, который делает Тэшфел, заключается не в том, что эксперимент не является адекватным методом в социальной психологии. Напротив, он (эксперимент) выполняет роль «соломинки», за которую цепляется утопающий. Проблема состоит в том, что проведение социально-психологического эксперимента недопустимо в социальном ***вакууме,*** причиной чего является неудовлетворительное качество соответствующих теорий.

Поэтому, приступая к изложению своей позитивной программы, Тэшфел сосредотачивает свое внимание на более общих проблемах развития социальной психологии, главной из которых, по его мнению, должна стать проблема «социальных изменений», причем ее специфический аспект — отношение между Человеком и Социальным Изменением. Нетрудно видеть, что здесь вновь содержится апелляция к социологии. Проблема социальных изменений — одна из центральных проблем социологии XX в.: ее иногда называют показателем новой парадигмы в социологии [Штомпка, 1996]. В то время как 50—60-е годы прошли в американской социологии под знаком «парадигмы системы», «равновесия», «гомеостазиса», позже на роль новой парадигмы наряду с «парадигмой конфликта» активно выдвигается «парадигма социального изменения».

Тэшфел предлагает свое понимание «изменения», более широкое, чем то, которое принято в социологии. Для него «изменение» — фундаментальная характеристика социального окружения, даваемая не только в терминах преобразования технологических, социальных, политических структур, но и включающая в себя онтогенетический феномен: старение человека изменяет его реакцию на социальное окружение и вынуждает действовать иначе, т.е., иными словами, «изменение» индивида влечет за собой «изменение» социального окружения, и наоборот: «Изменяя себя, индивид изменяет социальную среду; изменяя ее, он изменяется сам» [там же, с. 243]. Подчеркивая такой универсальный характер изменения, Тэшфел связывает его с проблемой выбора человеком определенной линии поведения. Эта способность выбирать новую линию поведения является настолько важной характеристикой социального поведения, что ее никак нельзя сбрасывать со счета в социально-психологических исследованиях. Предсказать социальное поведение можно в условиях стабильности, но в условиях изменения сделать это невозможно.

Вместе с тем современная социальная психология занимается предсказаниями, построенными на «ожиданиях», «оценках», забывая о том, что в ситуации изменения индивид оказывается перед совершенно новым выбором и все прежние «ожидания», «оценки» в этот момент рушатся. Именно поэтому предсказания, основанные на общепринятой экспериментальной практике и не выходящие за рамки существующих теорий, ничего не стоят: «нельзя адекватно предсказывать поведение в мифическом неиз-

меняющемся мире». Поэтому до тех пор, пока социальная психология не обратится к своему собственному предмету — психологическим аспектам социальных изменений, она не сможет преодолеть присущих ей ограниченностей. Хотя Тэшфел и подчеркивает, что он не знает решений этой проблемы, программа социальной психологии обрисовывается им достаточно точно: она должна заниматься взаимодействием социальных изменений и выбора, т.е. исследовать, какие аспекты социальных изменений раскрываются в восприятии индивида как альтернативы его поведения, какова связь между когнитивными и мотивационными процессами, чем в конечном счете детерминированы выборы тех или иных способов поведения.

Нужно отдать должное этой точке зрения: в ней содержится опасение возникновения различного рода редукционизма в социальной психологии. Идея Тэшфела заключается в том, чтобы социальная психология сумела избежать всех трех форм редукционизма (биологического, психологического и социологического), чтобы она «обрела себя», т.е. нашла свой собственный угол зрения на социальное поведение. Для Тэшфела этот угол зрения — исследование психических процессов, сопровождающих, определяющих и определяемых социальными изменениями. Как видно, здесь нет призыва к «социологизации» социальной психологии. Однако та же самая идея у других авторов очень часто превращается в разновидность самого настоящего социологического редукционизма; это происходит в том случае, когда проблема «социального изменения» прямо предлагается социальной психологии в качестве основного и единственного предмета исследования. Упускается тот важный момент, который подчеркнут у самого Тэшфела: социальная психология не должна заменять социологию в исследовании социальных изменений, она должна анализировать психологические аспекты социальных изменений, отражение этих изменений в сознании индивидов, изменение их поведения на основе социальных изменений и т.д. В противном случае может возникнуть опасность интерпретации социальных изменений только в контексте психологии и социологический редукционизм психологического знания обернется психологическим редукционизмом социологического знания. В анализируемой работе акценты расставлены достаточно точно, но известная переоценка значения того факта, что обращение социальной психологии к социологической проблематике само по себе излечит ее от всех болезней, все же просматривается и здесь.

Кроме того, встает вопрос: так ли бесспорна сама социологическая идея, которая заложена в концепции социальных изменений? Может быть, есть смысл обратиться к истории социологии и посмотреть, в каком контексте она была разработана там, чтобы определить ее пригодность служить компасом для социальной психологии? Выдвинутая в социологии в начале XX в. идея социальных изменений встала в оппозицию к теории прогресса. Термин «социальное изменение» был первоначально предложен как более «умеренный» и «нейтральный» вместо более радикального термина «прогресс». Социальная природа изменения оказалась по существу проигнорирована, как только эта идея начала разрабатываться в эмпирических исследованиях: социальное изменение растворилось в изменениях технологических, культурных, организационных. Введение в обиход термина снимало вопрос о *направленности* социальных преобразований, об их характере, что особенно существенно при рассмотрении проблемы на макросоциальном уровне, на уровне глобальных общественных изменений, связанных с радикальной перестройкой политических и экономических отношений. Постепенно термин «социальное изменение» оказался наполненным чисто психологическим содержанием, когда предметом анализа оказались так называемые микроизменения, т.е. изменения в поведении отдельных индивидов. Однако все это продолжало в целом оставаться в рамках теории социальных изменений, что вольно или невольно означало психологизацию общественных отношений. Поэтому если теперь предлагать социальной психологии, хотя и «с обратной стороны», включиться в разработку таким образом понятой проблемы социальных изменений, то вряд ли будет удовлетворено требование, заявленное в декларациях, — повернуться лицом к реальным проблемам общества.

Вопрос дальнейшего развития социальной психологии заключается не в том, опираться ли ей на психологию или на социологию (очевидно, она неизбежно будет существовать как пограничная дисциплина), а в том, на *какую* систему психологических и социологических взглядов ей следует ориентироваться. Сама по себе апелляция к социальным проблемам еще ничего не дает для ответа на этот вопрос. Пример с идеей «социальных изменений» чрезвычайно показателен: если сама социология при решении какого-то вопроса сползает на позиции психологии, то сколько ни цепляться за спасительное слово «социальный», никаких серьезных перспектив для социальной психологии на этом пути найти не удается. Другой разговор, если социальной психологии удастся

вычленить в современных социологических подходах те идеи, которые действительно плодотворны. (Кстати, социологические исследования последнего двадцатилетия дают такой материал [см.: Штомпка, 1996].)

В связи с предложенным пониманием основной проблемы социальной психологии Тэшфел разрабатывает две новые социально-психологические теории, которые подобно теории социальных изменений С. Московичи являются знаковыми для «европейского» подхода: теорию ***межгрупповых отношений*** и теорию ***социальной идентичности***. И в том, и в другом случае анализ этих теорий — специальная задача, которая выполнена в многочисленных работах[21]. Здесь же важно подчеркнуть, что и в данном случае делается серьезная попытка в противовес многочисленным американским примерам предложить социально-психологическую теорию, качественно иного типа, в значительной степени более *социально ориентированную*.

2.3. Теория и философия (другие «европейские» авторы)

Анализ состояния социальной психологии, построенный по американскому образцу, неизбежно приводит европейских исследователей и к постановке вопроса относительно социальной роли этой дисциплины. Социальная роль любой науки может быть исследована разными способами. Один из них — прямой анализ существа социальных проблем, к которым адресуется научное исследование, выяснение позиции ученого относительно этих проблем, попытки выявления общей направленности практических рекомендаций и т.д. Другой путь — опосредованный — выяснение прежде всего некоторых философских оснований науки, стремление вскрыть за ними, через анализ исходных принципов, общу[ю] социальную ориентацию исследований.

В первом случае вопрос переносится в область дискуссии о во[з]можностях прикладного знания в социальной психологии. Как о[т]мечалось при общей характеристике состояния социальной психологии в начале века, ее «американский» вариант давал специфи-

---

[21] См., например: *Агеев В. С.* Психология межгрупповых отношений [Агеев, 1983]; *Он же*: Межгруповое взаимодействие: Социально-психологические проблемы [Агеев, 1990]; *Андреева Г. М.* Психология социального познания [Андреева, 2000]

ческую трактовку роли и характера прикладных исследований, а именно их нацеленность на решение локальных, «технологических» задач и потому не нуждающихся ни в каком теоретическом обосновании. Участие в дискуссии европейских социальных психологов привносит в нее новые акценты.

С этой точки зрения интересен подход английского ученого Р. Айзера и, в частности, его статья «За более прикладную социальную психологию и критический прагматизм» [Айзер, 1984].

Во втором случае при обсуждении вопроса о социальной роли социальной психологии неизбежно проявление усиленного внимания к проблемам общей, философской, методологии науки, поскольку именно в ней может быть также прослежена социальная ориентация исследований. Теории анализируются в этом случае не с точки зрения их логической релевантности или совершенства их структуры, а в контексте исходных философских принципов. Такой анализ практически не представлен в американской социальной психологии, где общая позитивистская ориентация всей системы социального знания настолько сильна, что по существу исключает такого рода постановку проблемы. Вместе с тем в «европейской критике» этому вопросу уделяется достаточно большое внимание.

Серьезную заявку на исследование эпистемологических проблем социальной психологии в их связи с проблемой социальной ориентации науки можно найти в работах шведского социального психолога И. Израэля. Будучи одним из редакторов фундаментальной работы, изданной ЕАЭСП, Израэль поместил в ней свою статью, специально посвященную этим вопросам [Israel, 1972]. Израэль называет три типа основных положений, которые неизбежно присутствуют в любой социальной науке: 1) понимание природы человека (включая понимание природы знания); 2) понимание природы общества; 3) понимание природы отношений между человеком и обществом. В конечном счете все эти три типа положений включены в эпистемологию, которая, по Израэлю, и решает две главные проблемы: а) анализ условий, при которых возникает знание; б) анализ отношений между познающим субъектом и объектом [Israel, 1972, p. 126].

По мнению автора, различные школы отличаются друг от друга тем, на какой из этих двух аспектов делается ударение: так, всякий эмпиризм (а в известной мере с ним отождествляется позитивизм) делает акцент на первом аспекте, в то время как собственно эпистемология (здесь термин употребляется не для обо-

значения раздела науки, а для обозначения тенденции, течения) — на втором аспекте. Но весь смысл рассуждений сводится к тому, что позитивизм и эпистемология различаются отнюдь не только в методологии, за этим различием стоит и различие в социальной ориентации науки. Следствием позитивистского подхода, считает Израэль, является «нейтральная» позиция ученого, причем «нейтральность» хотя и провозглашается как принцип, в действительности за ней скрыта консервативная социальная позиция. Напротив, эпистемология как определенный методологический принцип влечет за собой позицию рациональной критики Человека или Общества. Конструктивность эпистемологического подхода автор иллюстрирует позицией Маркса, в частности его идеей практики, представленной в «Тезисах о Фейербахе» [op. cit., p. 128].

Таким образом, любая социальная позиция социальной науки обусловлена тем Образом Человека и Образом Общества, которые приняты благодаря господству определенных принципов методологии. В современных социальных, в том числе социально-психологических, теориях Израэль усматривает наличие трех позиций по вопросу об отношении субъекта и объекта (или по вопросу о понимании природы человека): человек как объект, человек как объект и как субъект (Маркс), человек как субъект. В зависимости от того, какой из этих «образов» принимается, решается вопрос и о роли социальных наук в обществе. Если, как это свойственно бихевиористской традиции, значимыми объявляются только реакции на внешние стимулы и человек предстает как объект, социальная наука неизбежно приобретает лишь инструментальный характер, ей предписывается задача обеспечить наиболее эффективную систему манипуляций поведением человека, разработать основы менеджеризма.

С другой стороны, в современных социальных науках сложилась противоположная тенденция — рассматривать поведение человека лишь с точки зрения его ориентации на этические нормы, подчеркивая тем самым его «субъективность», и это ведет к иному пониманию роли социальных наук: рождаются различные варианты «антропологических», «гуманистических» концепций социального знания. Сам Израэль выступает категорически против механических моделей Человека и Общества, предлагаемых бихевиористской психологией, опирающейся на позитивизм. Принимая идею о том, что социальная наука должна ориентироваться на этику, Израэль обозначает свою позитивную программу как программу построения *критической социальной науки*, т.е. науки, отрицаю-

щей консервативную догматическую позицию, порожденную позитивизмом, и провозглашающей рациональную критику современного человека и современного общества [op. cit., p. 207]. И хотя эта позитивная программа остается лишь намеченной, но не разработанной, критический анализ существующих концепций в социальной психологии США дан достаточно определенно именно с точки зрения предложенной платформы. Она включает в себя, в частности, такое рассмотрение теорий когнитивного соответствия, когда подчеркиваются не только их отдельные просчеты, внутренние противоречия, но и дается оценка их социальной направленности как теорий, опирающихся на консервативные идеи, принимающие неизменным Образ Общества. Легко увидеть в этих рассуждениях близость к концепции А.Тэшфела, настаивающего на необходимости учитывать в социально-психологических теориях и экспериментах фактор социальных изменений.

С этими идеями Израэля тесно переплетаются рассуждения норвежского социального психолога Р. Ромметвейта. Хотя он и называет свою позицию позицией «эмпирически ориентированного психолога, протестующего против философских поучений» [Rommetveit, 1972, p. 212], этот протест касается только специфического, сложившегося в истории науки разделения труда между позицией философии науки и исследователями в конкретных областях знания. По мнению Ромметвейта, слишком долго отношения между специалистом в области философии науки и социальным исследователем были отношениями господина и слуги... [op. cit., p. 217]. Между тем проблема методологической рефлексии науки, в частности проблема отношения к позитивизму, должна разрабатываться *самими* представителями конкретных наук, т.е. не философами, а исследователями. Позиция исследователя приводит Ромметвейта к критической оценке обеих ветвей современной социальной науки на Западе, обрисованных Израэлем: и позитивистски ориентированного экспериментаторства, и «гуманистически» ориентированной герменевтики, предлагаемой, например, представителем Франкфуртской школы Ю. Хабермасом.

Если бихевиоризм, а вместе с ним позитивизм как определенная философская позиция обозначают рассмотрение человека лишь в качестве объекта, то в «гуманистической» крайности человек, выступающий исключительно как субъект, остается всего лишь «пленником знания». По мнению Ромметвейта, большинство публикуемых исследований по социальной психологии оказывается все же в плену бихевиористской или позитивистской традиции,

ибо все здесь «сформулировано в терминах, одинаково применимых и к человеку, и к крысам в скиннеровском ящике» [op. cit., p. 225]. Но и герменевтическая линия, продолжающая линию Понимания (Verstehen) в психологии, не лучше, когда строит свой эмпирический базис лишь на «собственной рефлексии, интроспекции и избранных анекдотах» [ibidem]. Таким образом, еще более определенно, чем Израэль, Ромметвейт отвергает обе крайности, характеризующие современные стратегии социальной психологии на Западе.

Продуктивная новая ориентация в социальной психологии и новая парадигма, по Ромметвейту, связаны с разработкой проблем *социальной коммуникации*. Модель человеческой коммуникации предполагает локализацию времени, пространства и направления, для чего необходимо построить *грамматику коммуникации* на основе развития идеи Витгенштейна о языке как игре. Хотя сам по себе призыв к исследованию проблемы значений и психолингвистики представляет, несомненно, интерес, смысл новой парадигмы, противостоящей как позитивизму, так и гуманистической герменевтике, остается не вполне ясен. Апелляция к практике, которая высказывалась в связи с критикой «гуманистического» образа человека как «пленника знания», оказалась сведенной лишь к практике коммуникации. Реальная общественно-историческая практика, на базе которой только и можно понять человека одновременно и как субъект, и как объект, оказывается вновь за бортом анализа. Эта проблема, естественно, не может быть решена при помощи обращения к идеям Витгенштейна. Что же касается критической направленности позиции Ромметвейта в адрес существующей социальной психологии, то очевидно, что линии критики прослеживаются здесь по тем же направлениям, что и у других европейских коллег американских социальных психологов.

Чтобы эта картина была полной, необходимо упомянуть и такой источник «европейской» критики, как позиция авторов, выступающих от имени марксизма. Эта позиция заявлена, например, в коллективной работе, вышедшей в Англии под редакцией Н. Армистеда, «Реконструкция социальной психологии» [Armistead, 1974], которая как бы продолжает дискуссию о критическом состоянии современной социальной психологии на Западе и демонстрирует вместе с тем подход исследователей, «в разной степени испытывающих влияние марксизма» [op. cit., p. 25]. Соглашаясь с тем, что есть две модели социальной психологии — психологическая и социологическая, Армистед вносит свой вклад в характеристику слабостей каждой из них.

В психологической традиции, с его точки зрения, всегда просматривается задача обнаружения некоторых «общих законов социального поведения», действующих безотносительно к социальной ситуации, культуре, эпохе. При таком подходе исключаются вопросы о содержании социально-психологических феноменов: каковы аттитюды, по отношению к чему существует конгруэнтность, чего добивается группа и т.д. «Если сочетать стремление к общим законам, — пишет Армистед, — с концепцией «социального» как взаимодействия организмов и с экспериментальным лабораторным методом, получается социальная психология, которая систематически игнорирует тот социальный контекст, в котором осуществляется поведение. В этом состоит основная причина, почему психологическая социальная психология зашла в тупик» [op. cit., p. 15]. Что касается социологической модели, к которой автор относится с бóльшим сочувствием, то и она обладает рядом недостатков, которые, впрочем, являются общими у нее и у психологической социальной психологии. Суммируя эти недостатки, можно свести их к следующему: позитивизм, отрицание идеологии и ценностей, понимание «социального» вне исторического контекста (хотя последнее в социологической модели представлено слабее).

Армистед делает довольно категоричный вывод о том, что социальная психология нуждается в понимании идеологических проблем, причем это касается академических теорий в такой же степени, как и практических приложений. Именно с точки зрения перспективы понимания идеологии Армистед полагает, что социальная психология должна обратиться к марксизму, хотя, по его мнению, «марксизм никогда не уделял должного внимания социальной психологии, рассматривая эти проблемы как вторичные по отношению к макропроблемам социальной структуры» [op. cit., p. 25]. Некоторые из этих утверждений являются спорными. Марксизм в действительности всегда уделял большое внимание социальной психологии, прежде всего в плане выработки исходных методологических принципов анализа социально-психологических феноменов, а также в плане выявления специфики социально-психологических характеристик больших социальных групп, роли социально-психологического аспекта в массовых движениях и т.д. Целый ряд работ Маркса, а также таких выдающихся марксистских теоретиков, как Плеханов, Лабриола, Грамши, могут служить доказательством этого тезиса [Андреева, 1999]. С другой

стороны, мысль Армистеда о том, что критический анализ современного состояния социальной психологии на Западе не может быть полным без включения в него элементов идеологической оценки социально-психологического знания, является весьма примечательной.

Еще более конкретный вид эта идея приобретает в работе Г. Рес-лер и П. Уолтона «Насколько социально это?», помещенной в том же сборнике. По мнению авторов, главный недостаток существующей традиции асоциальной психологии — ее неумение понять собственную связь с природой того общества, в котором социальная психология развивается. Безотносительно к тому, какой теоретический подход взять — будет ли это подход Айзенка или этнометодология Гарфинкеля, — их общая слабость заключается «в их неспособности теоретически конфронтировать с теми ограничениями, в которых находится наука в обществе, разделенном классовыми интересами» [op. cit., p. 289]. Поскольку форма и тип общества задают формы и типы «психологий», не может существовать некоей социальной психологии «вообще», она может быть всегда лишь социальной психологией определенного общества. И если речь идет о капиталистическом обществе, то социальная психология, игнорирующая факт отношений именно капиталистического общества, не может считаться социальной в подлинном смысле этого слова [ibidem].

В работах и других социальных психологов, подчеркивающих радикализм своих позиций и заявляющих об их близости марксизму, справедливо отмечается, что идеологическая функция социальной психологии проявляется особенно отчетливо тогда, когда возникает вопрос о связи социально-психологической теории с практикой. С точки зрения П. Сэджвика, например, недостаточно оперировать понятием парадигмы, так как оно фиксирует лишь изменения теоретических позиций психологов, в то время как наиболее существенным моментом является именно направленность исследований, что Сэджвик обозначает понятием «перспектива»: «именно эта «перспектива» отвечает на вопрос: “Кому служит наука?”» [op. cit., p. 32]. Как видно, некоторые из этих идей близки к тому, что высказано и Айзером, хотя он и не апеллирует к марксизму.

Приведенные примеры показывают, что наиболее радикальное крыло критиков существующего положения в социальной психологии значительно раздвигает рамки критического анализа. В качестве важнейших условий обновления социальной психологии

называются не только поиски новых философских оснований, но и необходимость включения социальной психологии в более широкий «социальный контекст». По вопросу же о том, каковы должны быть эти новые философские и социальные основы социальной психологии, однозначного ответа среди западных исследователей нет.

3. НОВЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ

Развитие критических тенденций, начавшееся в 60-е годы, имело своим результатом не только накопление аргументов против сложившихся в первой половине века традиций, но и предложение некоторых новых позитивных подходов. Как уже отмечалось в первой главе, все новации в науке всегда начинаются с поисков в области теории, в то время как исследовательская практика еще в течение долгого времени продолжает сохраняться в рамках ранее наработанных концепций. Последняя четверть XX в. характерна именно попытками разработать как общие новые методологические ориентации, так и создать на их основе новые конкретные теории. Характерно, что такие попытки предпринимаются как в европейской, так и в американской социальной психологии. Некоторые примеры следует рассмотреть более подробно.

3.1. Социальный конструкционизм К. Гергена

В США заявку на построение принципиально новой парадигмы в социальной психологии сделал К. Герген[22]. Его концепция укладывается в рамки весьма распространенного современного течения, известного под названием «постмодернизм». Не касаясь широкого смысла данного термина (включения его в анализ экономических, социальных и политических преобразований постиндустриального общества), отметим, что одним из проявлений постмодернизма как общей тенденции общественных наук в конце XX в., является заявка на новую перспективу в построении *знания*,

---

[22] В некоторых переводах на русский язык фамилия этого автора транскрибируется как Джерджен [см.: Социальная психология: саморефлексия маргинальности. Хрестоматия. М., 1995]. Как и во многих других случаях, это не должно порождать недоумение, так как вопрос произношения и написания иностранных фамилий всегда, к сожалению, вызывает проблемы.

Главная мысль заключается в том, что существующая в прошлом *реалистическая эпистемология* делала чрезмерный акцент на том, что теории должны соответствовать реальному миру, в то время как задача заключается в том, чтобы теории начали «генерировать новые формы поведения» [Герген, 1995]. Это положение применяется к любой форме знания и соответственно к любым теориям. Особое содержание идея приобретает в случае приложения ее к социальным наукам и, в частности, к социальной психологии. Иногда говорят о том, что в социальную психологию проник «вирус постмодернизма» [Якимова, 1995]. Его проявлением явилась волна критики старых парадигм, все из которых, по мнению К. Гергена, основаны на позитивистской методологии. Вариант новой парадигмы предполагает прежде всего постмодернистский подход к социальному познанию. Конкретное воплощение этого подхода и есть ***социальный конструкционизм,*** который «был среди первых "школ" психологии, охватывающих постмодернистскую критику позитивистски-эмпирической науки и ее концепций истины и знания» [Augoustinos, Walker, 1996]. Новая эпистемология, предложенная К. Гергеном взамен старой «реалистической», базируется на следующих принципах.

Во-первых, выход за пределы типичного для психологии «дуализма» S—O (субъект—объект) и базирование на альтернативной (неэмпирической) науке; во-вторых, объединение *экзогенной* и *эндогенной* концепций знания. Экзогенная концепция, которая восходит к философии Локка, Юма, Миллса, предполагает, что источником знания является реальный мир, а эндогенная, опирающаяся на идеи Спинозы, Канта, Ницше, считает, что знание обусловлено внутренними процессами субъекта. Первая отождествляется в психологии с бихевиоризмом, вторая — с когнитивизмом, причем Герген особо подчеркивает роль К. Левина в ее развитии [Герген, с. 59—60]. Несмотря на впечатляющие масштабы «когнитивной революции», когнитивизм все же не сумел справиться с экзогенной концепцией, так же как не избежал просчетов и эндогенной концепции, причиной чего явилась ориентация всей американской культуры на принципы индивидуализма с его концентрацией на внутренних состояниях личности. В условиях процессов глобализации, характерных для конца столетия, необходим уход от такой индивидуалистической ориентации в психологии.

Но именно для этого психологии и нужно преодолеть как бихевиоризм, так и когнитивизм, перестать качаться, словно маятник, между этими концепциями, совершить «скачок» к новой ори-

ентации, что и предлагает сделать социальный конструкционизм. Одна из центральных идей Гергена заключается в том, что социальная психология не только в ее бихевиористской парадигме, но также и в традиционном когнитивизме недооценивает значения социальной ситуации, в рамках которой осуществляется процесс познания человеком окружающего мира, т.е. утрачивается такой важный компонент познавательного процесса, как *конструирование* социального мира. «Собственно говоря, движение в сторону конструкционизма начинается в тот момент, когда под сомнение ставится теория знания как ментального представления» [там же, с. 63]. Знание, таким образом, не может быть рассмотрено как предмет индивидуального обладания, сосредоточенный в пределах человеческого разума, а должно быть понято как *продукт совместной деятельности людей* [там же; выделено нами. — *Авт.*].

Социальный конструкционизм, выступающий альтернативой и бихевиоризму, и когнитивизму, предлагает расширить сферу критического анализа, который осуществляли по отношению друг к другу обе эти ориентации. По мнению Гергена, критика всегда была направлена лишь по *горизонтали*, т.е. по линии *эмпиризм—рационализм*. Это исключало выход за пределы одной — западной — индивидуалистической культуры. В связи с упомянутой глобализацией социального мира, с выдвижением на авансцену и *иных* культур, критика различных ориентаций в социальной психологии должна осуществляться также и по *вертикали*, т.е. по линии *Запад—Восток*. Тогда возможными линиями сопоставления будут, например, такие: *эмпиризм—буддизм* или *рационализм—синтоизм* [Gergen, 1994, p. 10]. Основная мысль, проводимая в этом рассуждении, касается выхода социальной психологии за пределы традиции, сложившейся в достаточно узком контексте западной, преимущественно американской, культуры. Социальный конструкционизм включает это требование в ряд других, обеспечивающих значительно больший акцент вообще на социальной обусловленности психологических феноменов.

Для этого необходимо принимать в расчет следующие гипотезы:

1. Исходным пунктом всякого знания является сомнение в том, что окружающий мир есть нечто само собой разумеющееся. Но если так, то любое объяснение этого мира может быть только *конвенцией* (соглашением).
2. Но в этом случае осмысление мира неизбежно становится результатом совместной деятельности людей, вступающих

в определенные отношения, и слова, употребляемые для обозначения социальных процессов, имеют смысл лишь в контексте этих отношений (что означает включение в процесс познания исторических и культурных «воздействий»).
3. Распространенность той или иной формы понимания мира зависит от характера социальных процессов, и правило что чем считать не является чем-то застывшим, а устойчивость образов социальных объектов зависит от характера социальных изменений.
4. Но это означает, что описания и объяснения мира сами конституируют определенные формы социального действия и тем самым включаются в социальную деятельность [Gergen, 1994].

Игнорирование этих требований справедливо ставится Гергеном в вину когнитивистской традиции, а учет их провозглашается главным завоеванием социального конструкционизма. Однако его программа не исчерпывается реализацией названных гипотез. Вторая важная идея Гергена состоит в новой интерпретации существа социальной психологии как науки. Поскольку преодоление дуализма S—O означает большее «допущение» интерпретативного начала в познание, социальная психология сближается с теми дисциплинами, которые ориентируются на интерпретацию как на основу познания.

Сама по себе эта идея не является новой в истории науки: известно положение, высказанное еще Дильтеем о *понимании* (Verstehen) как основном методе психологии. Противопоставление парадигмы *объяснения* и парадигмы *понимания* рассматривается сегодня как рубеж между американской и европейской традициями в социальной психологии [см. Шихирев, 1999]. Герген, конкретизируя эту идею, предлагает рассматривать социальную психологию как **историю** [Герген, 1995, с. 23].

Аргументация в пользу этого тезиса вновь повторяет мысль о том, что существует глубокое отличие схем познания, принятых в естественных науках, от аналогичных решений в обществознании. Так, социальная психология не имеет дело со стабильностью, характерной для явлений природы, а напротив, «имеет дело с фактами, которые подвержены заметным временны́м флуктуациям и по большей мере неповторимы» [там же, с. 25]. Но если принципы взаимодействия людей базируются на нестабильных фактах, они не могут быть выявлены с течением времени. При этом необходимо учитывать два ряда обстоятельств.

Во-первых, влияние самой науки (т.е. социальной психологии) на процесс социального взаимодействия. По мнению Гергена, в любом психологическом исследовании заложена необъективность оценок, поскольку каждый специалист в этой области неизбежно занимает двойственную позицию: он как исследователь ориентирован на получение объективной информации, но вместе с тем как реальный участник социального процесса при переработке информации включает в нее и момент ценностей. «Мы включаем наши личностные ценности и в разрабатываемые нами теории социального взаимодействия. Воспринимающий эти теории получает, таким образом, двоякую информацию: бесстрастное описание того, что является, и искусно замаскированное предписание того, что желательно» [там же, с. 28]. При этом осуществляется своеобразное воздействие на «естественный» ход событий, что отличает позицию социального психолога от позиции естествоиспытателя. Кроме того, в естествознании ученый не сообщает объекту полученные о нем данные, в социальной же психологии информирование испытуемого жизненно важно для поведения последнего. При этом возникает ситуация, когда эта информированность может изменить «поведенческие последствия», поскольку «расширяет диапазон альтернативных действий, приводя к модификации или постепенному исчезновению прежних поведенческих моделей» [там же, с. 34]. Вольно или невольно социальная психология становится орудием социального контроля.

Во-вторых, существенное отличие социальной психологии, сближающее ее с исторической наукой, заключается в том, что «зафиксированные здесь закономерности, а следовательно, теоретические принципы жестко привязаны к текущим историческим обстоятельствам» [там же, с. 36]. Между тем, и Герген показывает это на ряде примеров, традиционные для социальной психологии исследования, как правило, претендуют на описание *универсальных* закономерностей или регулярностей поведения, без учета исторического контекста. Эта особенность относится и к когнитивистской (теория социального сравнения и когнитивного диссонанса Л.Фестингера), и к бихевиористской (теория подкрепления) ориентации. Исключение, по мысли Гергена, представляет лишь интеракционистская ориентация: в ней можно усмотреть признание зависимости «личностных склонностей, существование которых ограничено во времени» [там же, с. 40]. Как справедливо отмечает П. Н. Шихирев, «символический интеракционизм есть результат синтеза различных отраслей знания о действительном социальном процессе, который лишь в научной аб-

стракции может делиться на социологический и психологический авспекты» [Шихирев, 1999, с. 190–191].

Приведенные примеры позволяют Гергену сделать вывод о том, что «занятия социальной психологией есть по преимуществу занятия исторические, где исследователь поглощен объяснениями и систематизацией современных социальных явлений». Так должно быть, но пока такая традиция не реализована. Смысл новой парадигмы в том и состоит, что в исследовательской работе социального психолога должны быть осуществлены значительные изменения.

Программу этих изменений составляют четыре задачи: 1) *интеграция чистого и прикладного знания*, которая мыслится как преодоление чрезвычайно узкого подхода в конкретном прикладном исследовании и, напротив, чрезмерно высоких, но часто весьма тривиальных абстракций академической психологии. (Изучение современных социальных вопросов необходимо с «использованием наиболее общих концептуальных схем и научных методов».); 2) *отказ от прогнозирования* как краеугольного камня социально-психологической науки и переход к беспрецедентной ее роли «в качестве катализатора социальной восприимчивости и чувствительности», что и отвечает идее конструкционизма. (Эта функция может быть реализована, например, при консультировании, когда социальный психолог призван облегчить адаптацию человека к новым, меняющимся условиям.); 3) *разработка индикаторов психосоциальных диспозиций*, что означает перенос центра тяжести с изучения *базовых* социально-психологических процессов на анализ этих процессов как «психологических копий культурных норм», т.е. на выявление изменений психологических склонностей в связи с социальным поведением; 4) *изучение стабильности поведения*, что выводит социальную психологию на уровень сложных отношений с психофизиологией и психологией индивидуальных различий: некоторые из социально-психологических склонностей, несмотря на их включенность в социальный контекст, в столь сильной степени зависят от физиологических параметров, что возникает определенный *континуум исторических длительностей*, позволяющий дифференцировать социальные феномены по их «исторической стабильности».

Решение этих задач существенно сближает социальную психологию с историей и требует не концентрировать внимание на «мельчайших элементах текущих социальных процессов, научиться объяснять взаимосвязь событий, “далеко отстоящих друг от друга во времени”» [там же, с. 49]. Требованием создать соответствующие таким задачам теоретические разработки и завершается обоснова-

ние новой, постмодернистской парадигмы в социальной психологии, обозначенной как социальный конструкционизм.

Легко видеть, что со многими предложенными принципами трудно спорить и их справедливость очевидна. Если внимательно проанализировать тенденции развития теоретических ориентаций, сложившихся в социальной психологии на протяжении второй половины XX в., то можно убедиться в сходстве предложенных Гергеном новаций и уже осуществляемых изменений. Более того, пафос критики в работах Гергена направлен не всегда по адресу: зачастую «обличения» затрагивают не социально-психологические (хотя и это присутствует), а общепсихологические концепции. Что же касается собственно социальной психологии, то в последнюю четверть века в ней сделано много предложений, которые по существу *уже реализуют* многие пожелания Гергена. Некоторые из них не претендуют на включение в концепцию социального конструкционизма, но рассматриваются как другие варианты постмодернизма в социальной психологии.

3.2. «Европейский» вклад в новую парадигму

Тот факт, что радикальные предложения о создании новой парадигмы исходят из уст американского социального психолога, порождает своеобразный «ревностный» ответ со стороны европейских авторов. Общая логика контраргументов сводится к тому, что предлагаемые Гергеном идеи, может быть, и актуальны для американской традиции в социальной психологии, но что касается Европы, здесь они, как минимум, «запоздали». Европейская социальная психология не только уже давно заявила о тех же требованиях, что выдвинуты Гергеном, но и *реализовала* их в целом ряде конкретных теорий. На это обстоятельство обращают внимание многие исследователи. Так, в работе В. Дуаза «Уровень объяснения в социальной психологии» [Doise, 1986] было сформулировано коренное различие американского и европейского подходов, выражающееся в применении разных уровней объяснения социальных феноменов. Таких уровней выделено четыре: 1) анализ лишь «психологических», или «внутриличностных» процессов; 2) рассмотрение «межличностных», или «внутриситуативных» процессов; 3) изучение различий в «ситуационных» взаимодействиях и складывающихся на их основе коллективных представлениях; 4) анализ социальных отношений и идеологических воздействий на формирование индивидуальных представлений и поведения [Doise, 1986, p. vii]. В отличие от амери-

канской традиции, преимущественно использующей первые два или в крайнем случае три уровня, для европейского подхода характерен именно четвертый уровень анализа. За специфической терминологией легко увидеть тенденцию европейских исследователей ориентироваться на социальный контекст, т.е. по существу выполнять одно из требований социального конструкционизма.

В качестве примеров называются: теория *социальных представлений* С. Московичи, теория *социальной идентичности* А.Тэшфела и, наконец, *этогеническая* теория Р. Харре. Относительно первых двух интересный анализ — с точки зрения их постмодернистской ориентации — предпринят двумя австралийскими авторами — М. Аугустинос и И. Уолкером [Augoustinos, Walker, 1995]. Проявлением кризиса социальной психологии, по их мнению, является неумение этой дисциплины вырваться из «индивидуалистического» подхода, что особенно очевидно при исследовании социального познания. Ответ на вопрос, как в теории социальной психологии можно интегрировать «социальное», может быть найден в идеях европейских авторов, прежде всего как раз в теориях С. Московичи и А. Тэшфела. Эти теории следует объединить с некоторыми традиционными американскими разработками, и сделать это лучше всего могут именно австралийские авторы, поскольку им из их «южного угла» виднее обе стороны Атлантики [op. cit., p. iv].

Если отбросить эти, возможно, чрезмерные амбиции, то в указанной работе можно найти весьма интересные ссылки на обе названные теории, доказывающие наличие в них убедительной причастности к новой постмодернистской парадигме. Кроме критических высказываний в адрес традиционной социальной психологии, сложившейся на протяжении более полувека, что было проанализировано выше, оба автора выступили с предложением именно *новых* теорий.

Теория социальных представлений С. Московичи подробно проанализирована в отечественной литературе [Донцов, Емельянова, 1987; Шихирев, 1999; Андреева, 2000], и здесь важно лишь показать ее потенциал как действительно новой парадигмы в социальной психологии на рубеже столетия. Как известно, социальное представление рассматривается Московичи как специфическая форма познания социальной действительности, помогающая обыденному человеку понять смысл окружающего его мира. Постижение смысла социального мира возможно лишь при условии коммуникации, поэтому социальное представление не есть продукт

индивида, но в создании его принимает участие группа, оно есть «общее ви́дение реальности, присущее данной группе, которое может совпадать или противостоять взглядам, принятым в других группах. Это ви́дение реальности ориентирует действия и взаимосвязи членов данной группы» [Jodelet, 1989, p. 35].

Группа фиксирует определенные аспекты воспринимаемого явления, влияет на принятие или отвержение той или иной информации, на частоту использования тех или иных социальных процессов в коммуникативном процессе. Со своей стороны социальное представление оказывает воздействие на варьирование интерпретаций социальных явлений, принимаемых группой, и способствует формированию групповой идентичности [Андреева, 2000, с. 215–217]. Таким образом обеспечивается включенность социальных факторов в сам познавательный процесс. Если учесть, что возникновение социального представления обязательно связано с тем, чтобы как-то обозначить, *назвать* социальное явление, то объект самим фактом *называния* включается, как отмечают Аугустинос и Уолкер, в «идентификационную матрицу», т.е. в существующую концепцию «общества и человеческой природы» [Augoustinos, Walker, 1995, p. 139].

Эта исходная включенность в систему значений, выработанных обществом, также апеллирует к социальной детерминации знания. Для Московичи возникновение социального представления есть процесс «сведения» нового к тому, что было известно ранее, превращения понятия в образ: то, что было *воспринято*, становится тем, что *понято*, новое явление сводится к тому, что «всем известно». Но характер такого «знания» есть элемент массовой культуры: именно она оперирует достаточно банальными, общепринятыми истинами, следовательно, социальное представление, которым пользуется индивид, включено в широкую систему коммуникаций [op. cit., p. 140].

Таким образом возникает как бы «двойная» социальная зависимость индивидуального акта познания: с одной стороны, социальное представление *порождается* группой (т.е. связано своим происхождением с социумом), а с другой — оно *включается* в систему социальных коммуникаций. Неоднократно педалируемая Московичи мысль состоит в том, что культура создается в общении и через его посредство, а принципы общения отражают общественные отношения. Поэтому в теориях социальной психологии необходим анализ социальной жизни как основы и общения, и проявлений межличностных отношений, и способов формиро-

вания знаний. Идея большей «социальности» социальной психологии приобретает здесь весьма существенное подтверждение. Социальные представления фиксируют этот аспект. По мнению Д. Жоделе, «благодаря своим связям с языком, миром идеологии, символического и воображаемого в социуме, благодаря роли, которую они играют в регуляции поведения и социальной практике, социальные представления являются теми объектами, исследование которых возвращает социальной психологии ее историческое, социальное и культурное измерение» [Jodelet, 1989]. В этом утверждении просматривается прямая перекличка с идеями Гергена о социальной психологии как исторической науке.

Важно отметить и другую черту теории социальных представлений, которая доказывает ее принадлежность к новой парадигме. Идея активности субъекта познания, как известно, разрабатывалась уже в теориях когнитивного соответствия, но там она сводилась только к активности в преобразовании когнитивных структур (приведения их в «соответствие»). В новой постмодернистской парадигме упор делается на такую характеристику активности субъекта, как *конструирование* социального мира, т.е. построение такого образа мира, в котором люди реально существуют и функционируют. Не в меньшей степени, чем в концепции К. Гергена, эта идея представлена и в теории С. Московичи. Несмотря на обилие критических замечаний, которые высказываются в адрес этой теории, популярность ее сегодня огромна. Справедливо замечает П. Н. Шихирев: «Однако факт остается фактом: каковы бы ни были недоработки и недостатки концепции, она открыла новые возможности для развития социальной психологии» [Шихирев, 1999, с. 280].

Теория социальной идентичности А. Тэшфела рассматривается в качестве второго важнейшего завоевания европейской социальной психологии конца столетия. Как и в случае теории социальных представлений, теория социальной идентичности многократно проанализирована в специальной зарубежной и отечественной литературе[23]. Поэтому здесь нет возможности подробно излагать ее содержание и важно лишь обозначить такие ее контуры, которые демонстрируют несомненный вклад в становление нового подхода в социальной психологии.

---

[23] См. цитированные работы [Augoustinos, Walker, 1996; Dois, 1986] на русском языке: *Агеев В. С.* Межгрупповое взаимодействие: Социально-психологические проблемы. М., 1990; *Андреева Г. М.* Психология социального познания. М., 2000, и др.

Как было показано выше, А. Тэшфел выступил не только с критикой в адрес американского «образца» социально-психологического исследования, но и предложил свою программу перестраивания социальной психологии. Наряду с некоторыми общими методологическими принципами (акцент на взаимоотношение Человека и Изменения) Тэшфел предложил концепцию межгрупповых отношений как фокус социальной психологии, демонстрируя этим также «большую социальность» социальной психологии. Базируясь на теории межгрупповых отношений, Тэшфел разработал теорию социальной идентичности, которую и рассматривают часто также в качестве варианта новой парадигмы.

Теория социальной идентичности (так же, впрочем, как и теория самокатегоризации ученика и коллеги Тэшфела Дж. Тернера) бросила вызов американской концепции десоциализированного индивида. По мнению Тэшфела, осознание человеком его места в социальном мире обусловлено прежде всего отнесением себя к определенной социальной группе; причем осознание группового членства реализуется посредством ряда сложных шагов: *социальной категоризации* (осмысление социального окружения как состоящего из различных групп), *социальной идентификации* (сделанный на основе сравнения выбор группы, в которую «помещает» себя индивид), наконец, собственно *социальной идентичности* (полного осознания своей принадлежности выбранной группе).

Из признания важности для индивида осознать свою сопричастность группе следует несколько существенных выводов: 1) люди всегда стремятся сохранить *позитивную* идентичность, ибо это способствует восприятию мира как более стабильного; 2) при формировании позитивной идентичности люди осуществляют постоянный процесс сравнения своей группы с другими, что расширяет представления о мире; 3) в свою очередь сравнение предполагает более внимательную оценку свойств различных групп и тем самым способствует более дифференцированному анализу социальной структуры; 4) при негативной оценке группы принадлежности индивид ищет возможность покинуть данную группу и «примкнуть» к новой, т.е. стимулируется определенная поведенческая активность.

Все это еще раз делает акцент на *социальной* детерминации поведения. Тэшфел, в частности, подчеркивает зависимость характера социальной идентичности от *типа общества*: в обществах со строгой стратификацией привязанность индивида к группе особенно сильна, поскольку *вне* группы человек вообще мало что может осуществить, в демократических обществах эта привязанность про-

является в меньшей степени. Но при всех обстоятельствах человек воспринимает мир через принадлежность определенной группе. Экспериментальным подтверждением этого тезиса служит выявленная Тэшфелом *«минимальная групповая парадигма»*: для индивида достаточно минимального ощущения себя членом группы, чтобы немедленно идентифицировать себя с нею [см. подробно: Аронсон, 1999; Андреева, 2000].

Обозначение лишь некоторых положений теории социальной идентичности убедительно доказывает наличие принципиально нового подхода в конструировании социально-психологических теорий по сравнению с многочисленными традиционными теориями «среднего ранга»: ранг, уровень обобщения здесь является более высоким, поскольку изначально связывает построение образа-Я с социумом. Это дает основания считать теорию социальной идентичности попыткой «обновления традиционной социальной психологии» [Якимова, 1995, с. 13].

Признание европейского вклада в новую парадигму подкрепляется иногда сопоставительным анализом теории социальной идентичности и теории социальных представлений. Такое сопоставление предпринято, например, в работах Г. Брейквелл [Breakwell, 1998]. Она полагает, что объединение этих двух теорий позволит каждой из них изжить некоторые свойственные им недостатки: теория социальной идентичности — известную «замкнутость» на группу, теория социальных представлений — недостаток объяснения конкретной формы социальных представлений в той или иной группе [op. cit., p. 218]. Интеграция двух европейских теорий, по мнению Брейквелл, укрепит попытки становления новой парадигмы и вместе с тем, по-видимому, она призвана несколько ослабить представленные К. Гергеном американские амбиции в этом движении.

Этогеническая теория Р. Харре еще более определенно рассматривается как европейская версия постмодернизма в социальной психологии. Вообще концепция Р. Харре претендует на построение общей теории социальной психологии («чертеж новой науки») и включает в себя целый комплекс относительно самостоятельных идей (модели человека и общества, типология «сценариев» и «эпизодов» и др.). Как и в предыдущих двух случаях (теория социальных представлений и теория социальной идентичности), изучение всех этих разделов есть самостоятельная задача [Шихирев, 1985; 1999]. В нашем контексте важно выделить те из них, которые имеют непосредстенное отношение к принципам

конструкционизма. Все они так или иначе связаны с разработкой так называемого *дискурс-анализа*[24].

При обосновании своих идей Харре использует инструментарий психосемантики: человеческое поведение предстает как определенный *текст*, и поэтому лингвистический анализ является предварительным условием всякого социально-психологического исследования. Это обусловлено тем, что социальное поведение регламентировано некоторыми нормами, а нормы всегда выражены при помощи языка: «Явление, подлежащее психологическому объяснению, есть то, что задается соответствующим словарем и характером его использования», — утверждает Харре [Харре, 1996]. Коммуникация как обязательное условие взаимодействия людей есть ключевой пункт объяснения социальной жизни. Исходным понятием и является понятие *дискурс*, рассматриваемый как важнейшая составляющая коммуникативного процесса. Хотя определение этого понятия весьма различно у многих авторов, основное содержание разделяется всеми: «Дискурс-анализ в собственном смысле представляет социально-психологические подходы, которые преимущественно концентрируются на анализе социально конституированной природы языка» [Augustinos, Walker, 1995, p. 265]. Иными словами, дискурс — это *рассуждение* по поводу какой-либо проблемы, *обсуждение* ее, все формы «разговора», работы с «текстом»; это говорение, слушание, беседа, т.е. «центральная человеческая активность, которой люди уделяют наибольшую часть своего времени» [ibidem].

В ходе дискурса его участники обсуждают содержание категорий, при помощи которых обозначены предметы и явления социального мира. Чтобы различные группы и отдельные индивиды могли совершать совместные действия, они должны понимать, о чем идет речь, т.е. разрабатывать единые системы *значений*. Разговор и обсуждение должны обеспечить такую трактовку категории, при которой только и возможно действие. Это происходит потому, что в ходе обсуждения категория предстает как реальный элемент социальной жизни: она наполняется содержанием на основе пополнения ее характеристиками, приводимыми разными участниками дискурса. В таком случае категория *конструирует* мир, одно-

---

[24] В настоящее время, кроме Р. Харре, в ключе дискурс-анализа работают и многие другие авторы. В частности, видными теоретиками направления являются Дж. Поттер и М. Уезерелл. Их аргументы иногда расходятся с аргументами Харре [Augustinos, Walker, 1996, p. 265—271], но основоположником концепции следует, по-видимому, считать Харре.

временно уточняя его образ и направляя некоторое действие внутри этого мира. Один из последователей дискурс-анализа Я. Паркер доводит эту мысль до логического конца: «Первая функция дискурса — приводить объекты в бытие, создавать статус реальности» [op. cit., p. 278]. Таким своеобразным путем идея конструкционизма вводится в теорию Р. Харре.

На основании сформулированных основных принципов Харре исследует некоторые специальные проблемы социальной психологии. Так, он подвергает критике традиционный подход к одной из наиболее разработанных и популярных проблем — «Я-концепции». Различные существующие способы описания образа-Я, будь то шкалы Айзенка и Кеттела или же методы гуманистической психологии (делаются ссылки на Роджерса и Маслоу), представляются Харре асоциальными, «психологизирующими» сущность проблемы. Харре предлагает переключить внимание с «поиска Я как сущности» на «методы *конструирования* (выделено нами. — *Авт.*) Я», что концентрирует внимание не столько на «заданности Я», сколько на «творении Я». Этим «Я-концепция» извлекается из головы индивида и переносится в сферу социального дискурса.

В связи с этим Харре рекомендует исследовать «повествования о себе», которые может предложить индивид, поскольку такие повествования всегда связаны с контекстом взаимодействия: они могут выглядеть весьма различно в различных обстоятельствах. Например, при повествовании о себе в профессиональной среде индивид будет фиксировать характеристики, значимые для этой среды, что особенно ярко проявляется при самохарактеристиках в системе Интернет. Эта идея определенно перекликается с некоторыми положениями К. Гергена, настаивающего на том, что все объяснения социально-психологических феноменов должны осуществляться в контексте «значимых событий времени». С позиций такого подхода Харре подвергает также критике и исследования эмоций, когда их описания даются в терминах «локальных словарей», что не всегда учитывает культурные нормы обозначения тех или иных эмоциональных проявлений.

Краткий экскурс в теорию Харре убедительно показывает значение его вклада в разработку не только непосредственно идей конструкционизма, но и вообще в поиски новой постмодернистской парадигмы социальной психологии. Таким образом, это движение можно рассматривать как совместный продукт американской и европейской традиций, демонстрирующих их известную интеграцию на рубеже столетия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Характеристика основных теоретических подходов, или ориентаций, сложившихся в американской социальной психологии и определенным образом трансформированных в Европе, особенно во второй половине века, позволяет более отчетливо представить общее состояние этой дисциплины, ее возникновение и становление на Западе, а также современные тенденции развития. Предпринятый анализ вскрывает существенные просчеты в исходных посылках различных теоретических направлений, в общей направленности стратегии исследований и вместе с тем позволяет увидеть успехи определенных теоретических принципов, стимулирующих продуктивную исследовательскую практику.

Вторая половина века привносит в развитие социальной психологии новые черты. Они проявляются не только в развертывании критических тенденций внутри западной традиции, но и в формировании на международной арене взглядов, отличных по своей теоретической ориентации, социальным задачам и философской базе социальной психологии, характерной, в частности, для российской психологической науки. Это значительно модифицирует всю ситуацию в мировой социальной психологии. Во-первых, критический анализ традиционных направлений впервые обретает почву не только *внутри* широкой системы принимаемых постулатов, но и *вне* их. Во-вторых, для обсуждения выдвигаются новые для западной социальной психологии принципы исследования и создается возможность их сопоставления с традиционными подходами: так, для многих авторов, работающих над поисками новой парадигмы, характерны неоднократные апелляции как к общим методологическим положениям марксизма, так и к идеям Л. С. Выготского, разработанным на их основе. В-третьих, при обсуждении перспектив социальной психологии обозначается новый круг задач этой дисциплины, порожденных специфическими условиями общества иного типа, что дает пищу для дискуссий о социальной роли социальной психологии в обществах разного типа.

Поэтому естественно, что лицо современной социальной психологии нельзя представить себе без учета такого важного момента, как дискуссия между отечественной социальной психологией и социальной психологией, сложившейся в традиционных для Запада формах. Дискуссия включает в себя не только критический анализ

существующей на Западе традиции, но и сопоставление с ней иных теоретических принципов, иных методологических подходов и, конечно, определенной исследовательской практики. Изложение всей совокупности этих идей — задача множества других работ, которые особенно активно издаются в последние годы. Здесь же уместно лишь поставить некоторые принципиальные акценты.

Прежде всего, требует объяснения факт существования некоторого «неравноправия» сторон в этой дискуссии — совершенно очевидна значительно бо́льшая распространенность и известность в мире западной традиции, чем положений отечественной социальной психологии. Это связано с рядом обстоятельств: во-первых, с более поздним по сравнению с Западом рождением этой дисциплины и соответственно меньшим опытом в построении теоретических моделей и исследовательской практики; во-вторых, с языковым барьером: уже после «второго» рождения социальной психологии в нашей стране и превращения ее в достаточно развитую дисциплину количество переведенных и опубликованных на Западе работ отечественных исследователей крайне невелико и, естественно, научное сообщество порою с ними просто не знакомо. В-третьих, с отсутствием понимания, а зачастую и с неприятием западными коллегами разрабатываемых в отечественной традиции принципов и методологических ориентиров, что обусловлено верой в мифы, сложившиеся в связи с плохой информированностью относительно реального положения дел.

Определенную роль здесь, конечно, сыграла значительная идеологизация советской социальной психологии, привязанность ее не просто к социальному, но и к политическому контексту, усиленный акцент на том, что дисциплина развивается в русле марксистской традиции. Во многом эти черты были определены особенностями истории социальной психологии в России. Ее развитие до Октябрьской революции характеризовалось практически отсутствием соответствующей интегрированной академической дисциплины, а многие ее проблемы оказались вкрапленными в идейные построения общественных движений и принимались на вооружение различными общественными силами. Отчасти поэтому возникла «ангажированность» социальной психологии идеологией [Андреева, 1998, с. 371]. Эта же традиция укрепилась и в первые годы советской власти, когда была поставлена задача перевода всех общественных наук, в том числе и социальной психологии, на рельсы марксизма. Тогда же сложилась практика отождествления перехода на новые философские основы и задач служения

определенному политическому режиму. Этот образ советской социальной психологии получил распространение на Западе и способствовал возникновению там достаточно настороженного, а порою и открыто негативного отношения.

Сама же по себе ориентация на *философские* принципы марксизма вряд ли может вызывать возражение: в конце концов всякая психологическая теория, как, в частности, было показано в этой книге, опирается на те или иные философские постулаты, и право исследователя выбирать те из них, которые отвечают его вкусам. К сожалению, в отечественной традиции часто смешивались два вопроса: принятие философской позиции марксизма как основы для построения научной методологии социальной психологии и непосредственные апелляции к политической доктрине марксизма. В последнем случае это диктовало жесткие идеологические интерпретации социально-психологических феноменов. Последнее и не позволяло западным коллегам воспринять даже становившиеся им известными находки и разработки отечественной науки.

Возможно, определенное значение в формировании настороженного к ней отношения имело распространение в середине века идей так называемого *неомарксизма*, представленного, в частности, Франкфуртской школой. Носителями ее взглядов в социальной психологии были Г. Маркузе, Э. Фромм и др. Радикальная неомарксистская ревизия марксизма была принята неискушенными в проблемах идеологии западными исследователями за марксизм, а поскольку позиции Франкфуртской школы разделялись далеко на всеми, был отвергаем и марксизм как таковой. Вообще судьба «критической социальной психологии», развиваемой в рамках идей Франкфуртской школы, неоднозначна. Вначале распространение этих взглядов, особенно на гребне движения «новых левых», осуществлялось весьма успешно. Как справедливо отмечает П. Н. Шихирев, «до тех пор, пока эти установки были внове, эпатировали научное сообщество и привлекали внимание к научным журналам, редакторы с удовольствием публиковали радикальные материалы. Постепенно этот интерес упал» [Шихирев, 1999, с. 365]. Падение интереса привело к прямому неприятию «марксистски ориентированной социальной психологии», чему способствовали и чрезмерно упрощенные, жестко идеологизированные «приложения» марксизма к социальной психологии, предложенные группой английских неомарксистов, взгляды которых были проанализированы в этой книге.

Доказательством же того, что методологические принципы марксизма вполне приемлемы для многих исследователей на Западе, могут служить два факта. Один из них — прямая апелляция к Марксу в тех случаях, когда речь идет непосредственно об эпистемологических основах научного исследования. Мы могли убедиться в этом, анализируя некоторые европейские концепции, развиваемые, в частности, Й. Израэлем, С. Московичи, Р. Харре. Второй факт — это современное, можно сказать *победное* шествие на Западе, особенно в США, идей Л. С. Выготского, построившего свою психологическую теорию, как известно, при опоре на марксистскую методологию. Возможно, дискуссия в социальной психологии на международной арене была бы более продуктивна, если бы акцент в полемике был сделан именно на воплощении *философских*, в том числе марксистских, принципов в ткань теоретических построений, а не на прямом противопоставлении идеологий.

Если же рассмотреть вопрос именно в такой плоскости, то станет очевидным, что в современных поисках новой альтернативной парадигмы в социальной психологии интерпретация ряда социально-психологических феноменов на основе эпистемологии марксистской философии представляет определенный интерес, особенно в преодолении позитивизма. Анализируя конкретные варианты разрабатываемой западными авторами новой парадигмы, легко видеть не только близость предлагаемых принципов тем, которые характерны для нашей социальной психологии (принявшей марксистскую методологию), но иногда и *прямое повторение* положений, давно освоенных в отечественной традиции.

Вот несколько примеров. Идея учета социального контекста как обязательное условие социально-психологического исследования для отечественной психологии вряд ли может считаться новой. Культурно-историческая школа Л. С. Выготского при формулировании основных принципов по существу задавала социальной психологии это же самое требование. Стоит вспомнить лишь два положения его концепции: 1) усвоение общественного опыта изменяет не только содержание психической жизни, но и создает новые формы психических процессов, 2) имеет место двоякое существование высших психических функций — сначала в качестве *интерпсихических* и лишь затем *интрапсихических*. Эти положения давали возможность исследователю апеллировать к внешним культурным, социальным факторам. И хотя эти положения получили широкое признание в западной психологии, к сожалению, они не

упоминаются, за редкими исключениями, при поисках новой эпистемологии в *социальной* психологии. Между тем в отечественной социальной психологии существуют конкретные «находки», свидетельствующие не только о теоретических, но и об экспериментальных решениях проблем социального контекста. Принятый здесь принцип необходимости рассмотрения социально-психологических феноменов в *реальной* социальной группе есть реализация требования учитывать этот контекст. Это относится, в частности, к анализу *социальной атрибуции*, при исследовании которой в реальной группе были получены данные, весьма близкие описанным в современной психологии социального познания [см. Андреева, 2000, с. 97].

Второй пример касается трактовки предмета социальной психологии как науки. Ее маргинальное положение было задано самим фактом ее возникновения на стыке двух «родительских» дисциплин, в частности происхождением из двух источников основных теоретических ориентаций, как это было показано в данной книге. Попытки преодолеть крайности и недостатки двух версий социальной психологии — психологической (ПСП) и социологической (ССП) — предпринимаются неоднократно. Дискуссия между американской и европейской традициями в значительной мере касается именно этого вопроса. В поисках «новой» социальной психологии предлагаются различные способы интеграции этих двух ветвей [Якимова, 1995].

Как было показано выше, магистральным направлением введения социального контекста было требование «социологизации» социальной психологии, выдвинутое С. Московичи. Если отвлечься от некоторой гипертрофированности этого акцента, то можно убедиться, что в высказанном предложении содержится реальное требование включить в проблематику социальной психологии исследование таких феноменов, которые в «американском» варианте зачастую опускались. Это вся проблематика социальных отношений, в том числе межгрупповых, психология «больших» социальных групп, реальные проблемы общественной жизни, в частности безработица, неравенство, социальные движения и пр. При этом вовсе не предлагался отказ от традиционных проблем социальной психологии, но предполагалась именно *интеграция* в «теле» одной научной дисциплины двух достаточно разнородных блоков. Популярность этой идеи стала особенно очевидной в последние 20 лет, причем для представителей как «психологической», так и «социологической» социальной психологии. Хрестоматия «Социальная

психология: саморефлексия маргинальности» [1995] содержит многочисленные иллюстрации таких поисков. Приведем лишь резюме, сделанное одним из авторов: «Диалектическое единство социологической и психологической социальной психологии, необходимое для оптимального развития междисциплинарной социально-психологической науки, требует взаимодействия представителей двух психологий в рамках общей институциональной структуры, но такого взаимодействия, которое сохраняло бы их прочные связи с родительскими дисциплинами» [см. Якимова, 1995, с. 211].

Однако если посмотреть на структуру социально-психологического знания, как она утвердилась в отечественной традиции, то именно здесь эта интеграция и заявлена. Логика предмета обозначена таким образом, что общие характеристики общения и взаимодействия людей развертываются последовательно сначала в больших, позже в малых социальных группах и, наконец, в их проявлениях на уровне личности. Проблематика науки «выстраивается» в логическую схему, в рамках которой осуществляется анализ закономерностей поведения и деятельности индивидов, их межличностных отношений и вместе с тем включенность этих феноменов в макросоциальную структуру. Между тем «тоска» по подобной интеграции до сих пор характерна для современных дискуссий о предмете социальной психологии среди западных коллег. Некоторые из них предлагают иные решения для возможного объединения двух ветвей (например, выделение «третьей» социальной психологии, претендующей на роль своеобразного синтеза двух ветвей, причем чаще всего в данном случае апеллируют к символическому интеракционизму). Ясно одно, что взаимная информированность о различных вариантах была бы существенным вкладом в определение дальнейшей судьбы социальной психологии как науки.

Кризис традиционных теоретических ориентаций в западной социальной психологии еще раз показал, что проблемы лежат гораздо глубже расхождений между отдельными парадигмами. Характерно, что все четыре основных направления, весьма различных по своему теоретическому «рисунку», по исходным принципам понимания Человека и Общества, в *равной мере* испытывают существенные методологические затруднения. Справедливо отмечается, что при формировании новой парадигмы искать причины этих затруднений надо где-то глубже, не в сфере специальных социально-психологических теорий, а в более общей методологии, в эпистемологических принципах. Понятно, что простое провозг-

лашение принципов общего «облика» новой парадигмы еще не означает построения целостной системы науки, которая должна включать в себя наряду с теоретическими и эпистемологическими основами еще и определенную стратегию исследований, набор методических средств, интерпретацию полученных результатов. Принятие и даже формулирование необходимых принципов — это важный, но лишь первый шаг: вторым шагом должна стать *реализация* этих общих принципов в конкретной практике исследований.

Общая теория и общая методология в любой науке включают в себя элементы философского знания. Реализация же общефилософских принципов анализа применительно к объекту данной науки происходит на уровне специальных теорий и специальной методологии. Именно они непосредственно взаимодействуют с конкретными методиками исследования, со всей исследовательской практикой. Поэтому, когда известны исходные философские принципы, очень важно проследить, каким образом возможен переход от них к каждому отдельному исследовательскому приему, так чтобы при этом не был утрачен целостный образ объекта исследования, заданный на наиболее высоких уровнях абстракции. Для социальной психологии это имеет особое значение: как показывает опыт ее развития на Западе, главный просчет возникает как раз из-за утери «социального контекста» в каждом отдельном исследовании, иными словами, из-за утери *содержательной* характеристики социального поведения, схватываемого на эмпирическом уровне.

В отечественной социальной психологии разработаны некоторые принципы, позволяющие сделать акцент на этой проблеме. Можно назвать как минимум три из них. Во-первых, специфическая интерпретация *природы межличностных отношений,* рассмотренных как реализация общественных отношений. Во-вторых, объединение исследований *групп и процессов* — двух основных блоков социально-психологического знания (т.е. рассмотрение процессов коммуникации, интеракции и перцепции в контексте реальных социальных групп). В-третьих, анализ всех социально-психологических феноменов с точки зрения *принципа деятельности.* Введение этого принципа в систему психологического знания позволило обосновать понимание личности одновременно и как объекта, и как субъекта общественного развития, вскрыв специфику активности личности именно как специфику активности общественного человека. Для социальной психологии принцип деятельности

позволяет интерпретировать саму социальную группу в качестве коллективного субъекта деятельности, что снимает проблему «социального контекста» для группы.

Разумеется, три названных принципа не исчерпывают ни методологической платформы социальной психологии, ни содержания ее теоретического знания. Речь идет лишь о том, что здесь предложены некоторые исходные варианты решения «вечных» вопросов социальной психологии. Названные принципы можно рассматривать как некоторый скелет, или остов, общей социально-психологической теории. Ее воплощение в ряде специальных теорий является делом не только сегодняшнего дня, но и будущего. Попытки, которые уже сделаны на этом пути, позволяют убедиться в том, что некоторые проблемы, казавшиеся тупиковыми в истории социальной психологии, могут приблизиться к разрешению.

Нельзя, однако, думать, что здесь уже найдены все ключи к замкам, на которые заперты тайны человеческого поведения. Социальная психология — молодая наука: столетие ее существования — не возраст для постижения самых сокровенных тайн человека и общества. Чем более зрелые теории она сумеет выработать, тем более продуктивной окажется исследовательская практика. Один из самых важных уроков, который может быть извлечен из анализа судеб теоретического знания в социальной психологии Запада, состоит в том, что хорошая социальная психология не может существовать без хорошей теории, а хорошая теория — это нечто большее, чем просто непротиворечивая связь верифицируемых гипотез. Этот же урок неплохо усвоить и отечественной социальной психологии.

Поскольку в этой дисциплине, как в любой другой отрасли знания, существует определенная иерархия уровней анализа, здесь требуется некоторое время, чтобы сформулированные в общей теории и методологии принципы воплотились в реальную практику исследований. Такая практика лишь складывается сегодня как в социально-психологических исследованиях, развивающихся на Западе, так и в отечественной социальной психологии. Поэтому можно определенно сказать, что дискуссия по поводу обозначенных проблем представляется весьма продуктивной для поисков действительно новой альтернативной парадигмы этой дисциплины в XXI столетии.

ЛИТЕРАТУРА

Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. СПб., 1999.

Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990.

Адорно Т. Авторитарная личность. М., 1997.

Айзер Р. За более прикладную социальную психологию//Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984.

Андреева Г. М. Методологические проблемы развития социально-психологических исследований в США//Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.

Андреева Г. М. Современные аспекты проблемы ценностей в социальном познании. М., 1974.

Андреева Г. М. Социальная психология//Социология в России. М., 1998.

Андреева Г. М. Психология социального познания. М., 2000.

Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1999.

Анцыферова Л. И. О теории личности в работах Курта Левина//Вопросы психологии. 1960. № 6.

Аронсон Э. Общественное животное. М., 1999.

Аронсон Э. Теория диссонанса: прогресс и проблемы//Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984.

Бандура А., Уолтерс Р. Принципы социального научения//Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984.

Бассин Ф. В. Проблемы бессознательного. М., 1968.

Блумер Г. Общество как символическая интеракция//Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984.

Брунер Дж. О перцептивной готовности//Хрестоматия по ощущению и восприятию. М., 1975.

Буева Л. П. Социальная среда и сознание личности. М., 1968.

Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 1998.

Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М., 1956.

Гоффман И. Представление себя другим//Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984.

Джерджен К. Движение социального конструкционизма в современной психологии //Социальная психология: саморефлексия маргинальности. Хрестоматия. М., 1995.

Джерджен К. Социальная психология как история//Социальная психология: саморефлексия маргинальности. Хрестоматия. М., 1995.

Донцов А. И., Емельянова Т. П. Концепция «социальных представлений» в современной французской психологии. М., 1987.

Жуков Ю. М. Ценности как детерминанты принятия решения. Социально-психологический подход к проблеме//Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976.

Ионин Л. Г. Критика социальной психологии Джорджа Мида и его современных интерпретаций//Социологические исследования. 1975. № 1.

Ионин Л. Г. Этнометодология//Энциклопедический социологический словарь. М., 1995.

Ионин Л. Г. Символический интеракционизм и феноменологическая социология между кризисом и стабилизационным сознанием//Очерки по теоретической социологии XX столетия. М., 1994.

Келли Г. Две функции референтной группы//Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984.

Келли Г. Процесс каузальной аттрибуции//Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984.

Келли Г., Тибо Дж. Межличностные отношения. Теория взаимозависимости//Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984.

Клеман К. Б., Брюно П., Сэв Л. Марксистская критика психоанализа. М., 1976.

Кон И. С. Социология личности. М., 1967.

Кон И. С., Шалин Д. Н. Дж. Мид и проблема человеческого «Я»//Вопросы философии. 1969. № 2.

Кун М., МакПартлэнд Т. Эмпирическое исследование установок личности на себя//Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984.

Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.

Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. М., 1980.

Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб., 2000.

Леонтьев А. Н. Сознание, деятельность, личность. М., 1975.

Майерс Д. Социальная психология. М., 1997.

МакГвайр В. Ин и Янь прогресса в социальной психологии//Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984.

Митина С. М. Г. Гарфинкель//Энциклопедический социологический словарь. М., 1995.

Московиси С. Общество и теория в социальной психологии//Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984.

Ньюком Т. Исследование согласия//Социология сегодня. М., 1965.

Ньюком Т. Социально-психологическая теория интеграции индивидуального и социального подходов//Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984.

Петренко В. Ф. Основы психосемантики. М., 1997.

Прайор К. Не рычите на собаку. М., 1997.

Росс Л., Нисбет Р. Человек и ситуация. М., 1999.

Трусов В. П. Теория когнитивного диссонанса и его критика. Автореф. канд. дисс. Л., 1973.

Тэшфел А. Эксперименты в вакууме//Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984.
Уэллс Г. Крах психоанализа. М., 1970.
Фестингер А. Введение в теорию диссонанса//Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984.
Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб., 1999.
Фирсов Б. М., Асеев Ю. А. Проблемы речевого воздействия на аудиторию в зарубежной социально-психологической литературе. Л., 1973.
Фрейд 3. Массовая психология и анализ человеческого «Я». М., 1926.
Харре Р. Вторая когнитивная революция//Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 2.
Шибутани Т. Социальная психология. М., 1999.
Шихирев П. Н. Исследование социальной установки в США//Вопросы философии. 1973. № 2.
Шихирев П. Н. Современная социальная психология в США. М., 1979.
Шихирев П. Н. Современная социальная психология в Западной Европе. М., 1985.
Шихирев П. Н. Современная социальная психология. М., 1999.
Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
Якимова Е. В. Введение//Социальная психология: саморефлексия маргинальности. Хрестоматия. М., 1995.
Ярошевский М. Г. История психологии. М., 1976.
Ярошевский М. Г. Психология в XX столетии. М., 1974.
Ярошевский М. Г., Анцыферова Л. И. Развитие и современное состояние зарубежной психологии. М., 1974.
Ярошевский М. Г., Чеснокова С. А. Уолтер Кеннон. М., 1976.
Abelson R. Psychological Implication//Abelson R. et al. (eds.). Theories of Cognitive Consistency. Chicago, 1968.
Argyle M. Social Interaction. London, 1969.
Armistead N. et al. (eds.). Reconstructing Social Psychology. L., 1974.
Aronson E. Dissonans Theory: Progress and Problems//Abelson et al. Theories of Cognitive Consistency. Chicago, 1968.
Asch S. E. A Perspective on Social Psychology//Koch S. (ed.). Psychology: A Study of a Science. N. Y., 1959.
Asch S. E. Forming Impression of Personality//Journal of Abnormal and Social Psychology. V. 41. 1946.
Augoustinos M., Walker J. Social Cognition. London, 1996.
Bandura A. Aggression: Social Learning Analysis. N. Y., 1973.
Bandura A., Walters R. H. Adolescent Aggression. N. Y., 1959.
Bandura A., Walters R. H. Social Learning and Personality Development. N. Y., 1965.
Bennis W. G., Shepard H. A. A Theory of Group Development//Human Relations. V. 9. 1956.
Bion W. R. Experiences in Groups. London, 1961.

Blumer H. Der Methodologische Standort des Symbolischen Interactionismus// Alltagwissen Interaction und Gesellschaftliche Wirklichkeit. Bd. 1. 1937. № 1.
Blumer H. Psychological Import of the Human Group//Sherif M., Wilson M. O. (eds.). Group Relations at the Crossroads. N. Y., 1953.
Blumer H. Sociological Implications of the Thought of G. H. Mead//American Journal of Sociology. V. 71. 1966.
Blumer H. Symbolic Interactionism. Englewood-Cliffs, 1969.
Blumer H. What is Wrong with Social Theory//American Sociologocal Review. V. 19. 1954.
Borgatta E. F. (ed.). Social Psychology: Readings and Perspectives. Chicago, 1969.
Borgatta E. F. Role and Reference Group Theory//Borgatta E. F. (ed.). Social Psychology: Readings and Perspectives. Chicago, 1969.
Bradford L. P., Gibb J. R., Benne K. D. (eds.). T-group Theory and Laboratory Method. N. Y., 1964.
Breikwell G. Integrating Paradigms, Methodological Implications//Approaches to Social Representations. Oxford, 1997.
Cartwright D., Zander A. Group Dynamics. N. Y., 1968.
Coleman J. C. Psychology and Effective Behavior. Glenvew, 1969.
Craig R., Clarizio H. Contemporary Educational Psychology. N. Y., 1975.
Deaux K., Dane F., Wrightsman L. (eds.). Social Psychology in the 90s. Belmont, 1993.
Denzin N. K. Symbolic Interactionism and Ethnomethodology//Douglas J. (ed.). Understanding Everyday Life. London, 1972.
Deutsch M. Field Theory in Social Psychology//Lindzey G., Aronson E. (eds.). The Handbook of Social Psychology. Reading, 1968.
Deutsch M., Krauss R. M. Theories in Social Psychology. N. Y., 1965.
Doise W. Levels of Explanation in Social Psychology. Cambridge, 1986.
Dollard J., Miller N. Personality and Psychotherapy. N. Y., 1950.
Festinger L. A Theory of Cognitive Dissonance. Evanstone, 1957.
Fiske S. (ed) Affect and Cognition. N.Y., 1982.
Fiske S., Taylor S. Social Cognition. N. Y., 1984.
Flanders J. A Review of Research on Imitative Behavior//Psychological Bulletin. V. 69. 1968.
Garfinkel H. Studies in Ethnometodology. Englewood Cliffs, 1967.
Gergen K. Realities and Relationships.Soundings in Social Construction.N.Y., 1994.
Getzels J. W., Cuba E. G. Role, Role Conflict and Effectiveness//American Sociological Review. V. 19. 1954.
Goffman E. Interaction ritual. N. Y., 1982.
Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. N. Y., 1959.
Good W. G. The Role-strain Theory//American Sociological Review. V. 20. 1955.
Gross N., Mason W. S., McEachern A. W. Explorations in Role Analysis. N. Y., 1958.
Guthrie R. V. (ed.). Psychology in the World Today. An Interdisciplinary Approach. London, 1971.
Harre R. Social Beeing. Oxford, 1979.

Heider F. Attitudes and Cognitive Organizations//Journal of Psychology. V. 21. 1946.
Heider F. Social Perception and Phenomenal Causality. N. Y., 1944.
Heider F. The Psychology of Interpersonal Relations. N. Y., 1958.
Heiss J. Social roles//M. Rosenberg and R. H. Turner (eds.). Sociological Perspectives on Social Psychology. N.Y., 1981.
Hickman C. A., Kuhn M. Individuals and Economic Behavior. N. Y., 1956.
Hollander E. P. Principles and Methods of Social Psychology. N.Y., 1967.
Hollander E. P., Hunt P. G. (eds.). Classic Contributions to Social Psychology. N. Y., 1972.
Homans G. C. Social Behavior: Its Elementary Forms. N. Y., 1961.
Hovland C. I., Rosenberg M. J. (eds.). Attitude Organization and Change. New Haven, 1960.
Hyman H. H. The Psychology of Status. N. Y., 1942.
Insko C. A., Schopler J. Experimental Social Psychology. Text with Illustrative Readings. N. Y., 1972.
Israel J. Stipulations and Construction in the Social Sciences//Tajfel H., Israel J. (eds.). The Context of Social Psychology. N. Y.; London, 1972.
Jodelet D. Representation Sociale: un Domaine en Expansion//Le Representation Sociale. Paris, 1989.
Kane T., Josep H. I., Tedeschi J. Person Perception and the Berkowitz Paradigm for Study of Aggression//Journal of Personality and Social Psychology. V. 36. 1976. № 6.
Karpf F. American Social Psychology. N. Y., 1932.
Katz D. Consistency for What? The Functional Approach//Abelson R. P. et al. (eds.). Theories of Cognitive Consistency. Chicago, 1968.
Kelley H. H., Thibaut J. W. The Social Psychology of Groups. N. Y., 1959.
Kendler H. H., Spence J. (eds.). Essays in Neobehaviorism. N. Y., 1971.
Komarovsky M. Women in the Modern World: Their Education and their Dilemmas. Boston, 1953.
Krech D. Psychological Theory and Social Psychology//Helson H. (ed.). Theoretical Foundations of Psychology. N. Y., 1951.
Krech D., Crutchfield R., Ballashey E. Individual in Society. A Textbook of Social Psychology. N. Y., 1962.
Kuhn M. H. The Reference Group Reconsidered//The Sociological Quaterly. V. 5. 1964.
Kuhn M. H., McPartland T. S. The Empirical Investigation of Self-attitude//American Sociological Review. V.19. 1954.
Kuhn M. Major Trends in Symbolic Interaction Theory in the Past Twenty-five Years//The Sociological Quaterly. V. 5. 1964. № 1.
Lindgren H. C. (ed.). Contemporary Research in Social Psychology. N. Y., 1969.
Lindsmith A. R., Strauss A. L. Social Psychology. N. Y., 1956.
Lindzey G. (ed.). The Handbook of Social Psychology. V. 1—5. Cambridge, 1954.
Lindzey G., Aronson E. (eds.). The Handbook of Social Psychology. 2nd. ed. V.1—5. Reading, 1968—1969.
Linton R. The Study of Man. N. Y., 1936.

Manis J. G., Meltzer B. N. (eds.). Symbolic Interaction. A Reader in Social Psychology. 2nd ed. Boston, 1972.
McDavid J., Harary H. Social Psychology: Individuals, Groups, Societies. N. Y., 1968.
McDougall W. An Introduction to Social Psychology. London, 1908.
McGrath J. Social psychology. A Brief Introduction. N. Y., 1970.
McGuigan F., Lumsden D. (eds.). Contemporary Approach to Conditioning and Learning. Washington, 1973.
McGuire W. J. Person Perception//Lindzey G., Aronson E. (eds.). The Handbook of Social Psychology. V. 1. Reading, 1968.
McGuire W. J. Social Psychology//Dodwell E. (ed.). New Horizons in Psychology. London, 1972.
Mead G. H. Mind, Self, Society. Chicago, 1934.
Meltzer B. N., Petras J. W. The Chicago and Jowa Schools of Symbolic Interactionism//Manis J. G., Meltzer B. N. (eds.). Symbolic Interaction. Boston, 1972.
Merton R. K. Social Theory and Social Structure. N. Y., 1957.
Merton R. K., Kitt A. S. Contributions to the Theory of Reference Groups Behavior//Merton R. K. and Lazarsfeld P. F. (eds.). Continuities in Social Research. Glencoe, 1950.
Miller N., Dollard J. Social Learning and Imitation. New Haven, 1941.
Moscovici S. Phenomenon of Social Representations//Farr R., Moscovici S.(eds.). Social Representations. Cambridge; Paris, 1984.
Moscovici S. Society and Theory in Social Psychology//Tajfel H., Israel J. (eds.). The Context of Social Psychology. N. Y.; London, 1972.
Newcomb T. M. An Approach to the Study of Communicative Acts//Psychological Review. V. 60. 1953.
Newcomb T. M. Personality and Social Change. N. Y., 1943.
Newcomb T. M. The Social Psychology. N. Y., 1950.
Osgood C. E., Suci G., Tannenbaum P. The Measurement of Meaning//Semantic Differential Technique. Chicago, 1968.
Osgood C. E., Tannenbaum P. The Principle of Congruity in the Prediction of Attitude Change//Psychological Review. V. 62. 1955.
Piaget J., Inhelder B. The Gaps in Empiricism//Koester A., Smythies J. R. (eds.). Beyond Reductionism: New Perspectives in the Life Sciences. London, 1968.
Rapoport A., Chammach A. Prisoner's Dilemma. Ann Arbor, 1965.
Rogers C., Polanyi M. (eds.). Man and the Science of Man. Columbus, 1968.
Rogers C. Freedom to Learn. Columbus, 1969.
Rokeach M. The Open and Closed Mind. N. Y., 1960.
Rommetveit R. Language Games, Syntactic Structures and Hermeneutics//Tajfel H., Israel J. (eds.). The Context of Social Psychology. N. Y.; London, 1972.
Rommetveit R. Social Norms and Roles. Minneapolis, 1955.
Rose A. M. (ed.). Human Behavior and Social Processes. Boston, 1962.
Rosenberg M. J. Discussion: on Reducing the Inconsistency Between Consistency Theories//Abelson R. P. et al. (eds.). Theories of Cognitive Consistency. Chicago, 1968.
Ross E. A. Social Psychology: an Outline and Source Book. N. Y., 1908.

Sarbin Th. Role Theory//Lindzey G. (ed.). The Handbook of Social Psychology. Cambridge, 1954.
Sarbin Th., Allen V. L. Role Theory//Lindzey G., Aronson E. (eds.). The Handbook of Social Psychology. Reading, 1968.
Schutz W. C. FIRO: A Three-dimensional Theory of Interpersonal Behavior. N. Y., 1958.
Secord P. F., Backman C. W. Social Psychology. N. Y., 1964.
Shaw M. E., Costanzo P. R. Theories of Social Psychology. N. Y., 1970.
Sherif M. The Concept of Reference Groups in Human Relations//Sherif M. and Wilson M. O. (eds.). Group Relations at the Crossroads. N. Y., 1953.
Sherif M., Sherif C. Social Psychology. N. Y., 1948.
Shibutani T. Reference Groups as Perspective//American Journal of Sociology. V. 60. 1955.
Silverman J. Crisis in Social Psychology: the Relevance of Relevance//American Psychologist. V. 26. 1971.
Skinner B. F. Beyond Freedom and Dignity. N. Y., 1971.
Sorokin P. A. Fads and Foibles in Modern Sociology and Related Sciences. Chicago, 1956.
Steiner J. D., Fishbein M. (eds.). Current Studies in Social Psychology. N. Y., 1966.
Stouffer S. The American Soldier. Prinston, 1949.
Strickland L., Gergen K. (eds.). Social Psychology in Transition. Toronto, 1976.
Stryker S. Development in Two Social Psychologies: Toward an Appreciation of Mutual Relevance//Sociometry. V. 40. 1977.
Stryker S. Review Symposium: Handbook of Social Psychology//American Sociological Review. V. 36. 1971.
Stryker S., Stathem A. Symbolic Interaction and Role Theory//Handbook of Social Psychology. N. Y., 1985.
Stryker S. Fundamental Principles of Social Interaction//Smelser N.(ed).Sociology. 2nd ed. N. Y., 1985.
Tajfel H. Social and Cultural Factors in Perception//Lindzey G., Aronson E. (eds.). The Handbook of Social Psychology. Reading, 1968.
Tajfel H., Fraser K. Introducing Social Psychology. L., 1978.
Tajfel H., Israel J. (eds.). The Context of Social Psychology: A Critical Assessment. N. Y.; London, 1972.
Triandis H. Social Psychology and Cultural Analysis//Journal for the Theory of Social Behavior. V. 5. 1975. № 1.
Tversky A., Kahneman D. Judgement under Uncertainty: Heuristics and Biases//Science. V. 25. 1974.
Wann T. J. (ed.). Behaviorism and Phenomenology: Contrasting Bases for Modern Psychology. Chicago, 1964.
Weingarten E., Sack F. Ethnometodologie. Frankfurt am Mein, 1976.
Zayonc R. B. Cognitive Theory in Social Psychology//Lindzey G., Aronson E. (eds.). The Handbook of Social Psychology. V. 1. 1968.
Zimbardo P. Cognitive Dissonans and the Control of Human Motivation//Abelson R. P. et al. (eds.). Theories of Cognitive Consistency. Chicago, 1968.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Учебное издание

Галина Михайловна Андреева
Нина Николаевна Богомолова
Лариса Андреевна Петровская

ЗАРУБЕЖНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ XX СТОЛЕТИЯ:

Теоретические подходы

Редактор Л. Н. **Шипова**
Корректор А. А. **Баринова**
Художник Д. А. **Сенчагов**
Компьютерная верстка **С. А. Артемьевой**

ИД № 00287 от 14.10.99
Подписано к печати 20.11.2000. Формат $60 \times 90^1/_{16}$.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18.
Тираж 5000 экз. Заказ № 2483

Издательство «Аспект Пресс»
111398 Москва, ул. Плеханова, д. 23, корп. 3.
E-mail: info@aspectpress.ru
www.aspectpress.ru
Тел. 309-11-66, 309-36-00

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.